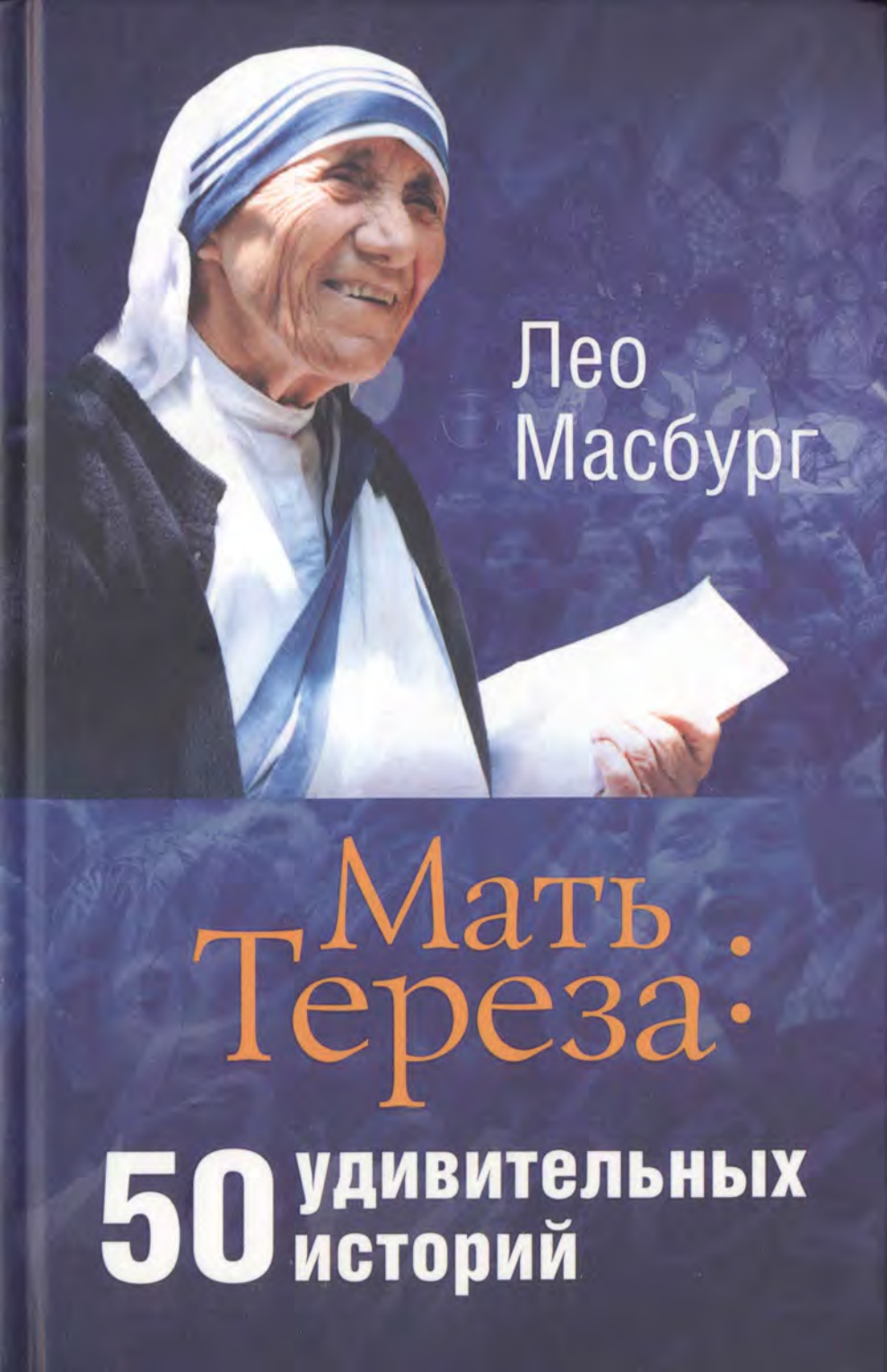

Лео
Масбург

Мать. Тереза.

50 удивительных
историй

Лео
Масбург

Мать Тереза :

50 удивительных
историй

Триада
Москва, 2013

Title of the original German edition: Mutter Teresa – Die wunderbaren Geschichten by Leo Maasburg

УДК 2-36

ББК 86.37

М 31 Масбург, Л.

Мать Тереза: 50 удивительных историй: Пер. с нем. / Лео Масбург. – 2-е изд. – М.: Триада, 2013. – 256 с. – ISBN 978-5-86181-478-2 (в пер.)

Мать Тереза – основательница конгрегации Миссионеров милосердия – явила нам пример человека, который всю жизнь следовал выбранной цели. А главной целью ее было даже не служение беднейшим из бедных – оно было лишь средством ее достижения. Главным для монахини было – вести людей к Иисусу Христу, Которого она видела в каждом нищем, в каждом калеке, в каждом умирающем. Мать Тереза ни на минуту не забывала слов Спасителя: «Алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне» (Мф 25:35,36). Эта книга – свидетельство о характере и личности матери Терезы, обладавшей удивительной цельностью и целеустремленностью, умевшей, как никто другой, быть слугой только одного Господина. Мы видим ее и смешной, и хлопотливой, и бесконечно уповающей на Божье попечительство. Но самое удивительное, что по прочтении книги возникает ощущение: мать Тереза делала в жизни то, на что способен каждый человек. Самое сложное тут – решиться и не свернуть с пути следования за Богом. Как удалось матери Терезе «не свернуть» – об этом и рассказывает книга о. Лео Масбурга, проведенного рядом с этой удивительной женщиной 10 лет.

УДК 2-36

ББК 86.37

Редакторы: М. Таривердиева, Г. Раевская
Компьютерная верстка: О. Воскресенская
Дизайн обложки: П. Ожигбесов
Корректор: О. Степанова
Перевод: Л. Сумм

© 2010 Pattloch Verlag GmbH & Co. KG, Munich
© Перевод на русский язык, оформление
МРО ЕХ ХМ «Триада», 2011

Содержание

Предисловие.....	7
Глава 1. Любовь со второго взгляда.....	11
Глава 2. В Ватикане.....	21
Глава 3. Святой с доставкой	33
Глава 4. Повторное призвание матери Терезы	41
Глава 5. Бедные — чудесные люди.....	49
Глава 6. Бизнес матери Терезы	61
Глава 7. Говори с ними об Иисусе	71
Глава 8. Малые дела с великой любовью	81
Глава 9. У беднейших из бедных	95
Глава 10. Созерцатели в миру	103
Глава 11. Обезоруживающе мила	113
Глава 12. Взять быка за рога	127
Глава 13. Души в нужде.....	137
Глава 14. За «железным занавесом».....	145
Глава 15. Советское Рождество	159
Глава 16. Приключения в Армении.....	167
Глава 17. С паломниками, проститутками и политиками.....	181
Глава 18. Среди индуистов и мусульман	191
Глава 19. Голос лишенных голоса.....	201
Глава 20. Это Его дело!.....	213
Глава 21. Страдание и смерть	225
Глава 22. В расцвете святости.....	235
Глава 23. Мать Тереза жива!.....	245
Благодарности	253

Jesus is the Hope
of Mankind
for He came to give
us the good news
that God is Love
and that He loves us
and that He wants
to love each other as
God loves each one of us.

Иисус — надежда человечества, ибо Он пришел, чтобы принести нам благую весть. Весть о том, что Бог есть любовь и что Он хочет, чтобы и мы любили друг друга так, как Он любит каждого из нас.

Предисловие

Чего бы хотела она?

Мать Тереза принадлежит к числу великих личностей, оказавших влияние на весь ход XX века. Она была выдающимся деятелем современной истории, а также истории Церкви. С этим не спорят ни ее критики, ни люди неверующие. Но прежде всего она была невероятно обаятельным человеком. Свидетельство тому — свет в глазах множества людей, которые, едва узнав, что я провел несколько лет подле матери Терезы, тут же просили рассказать о ней хоть что-нибудь.

Почему современные люди, люди XXI века так интересуются святой XX столетия, с которой сами они никогда не встречались? Что способно привлечь нашу

торопливую, лихорадочно бросающуюся от одной моды к другой эпоху к монахине, которая на издевательское замечание какого-то критика — мол, со своим богословием она на двести лет отстала от жизни — с улыбкой ответила: «Нет, на две тысячи лет!»

В последние годы жизни матери Терезы я сопровождал ее во множестве поездок и имел возможность ощутить обаяние, я бы даже сказал — сияние ее личности. У нас теперь в любой области принято называть более-менее выделившихся людей «звездами». Она же была «звездой» необычной — дарующей свет постоянно и неизменно. И окружена она была не богатством и красотой, а беднейшими из бедных, отбросами общества. Сильная и умная, харизматичная и смиренная, она желала не господствовать, а служить. Полное противоречие с установками современного человека! И наиболее очевидный успех матери Терезы заключается в том, что множество молодых женщин с разных концов света по ее примеру радостно ступили на путь следования за Христом и обрели в этом смысл жизни. Несколько поколений мужчин и женщин «заразились» от матери Терезы любовью к Иисусу. Эта «звезда» тяготилась своей известностью и публичностью, что не мешало ей чрезвычайно эффективно использовать свою популярность на благо дела.

Мать Тереза никогда не стремилась выйти на передний план. Если же по воле других она оказывалась в свете огней рампы — а уж после награждения Нобелевской премией мира это происходило чуть ли не каждый день — она использовала каждый такой случай, чтобы перенаправить внимание публики от себя — к Иисусу.

Одно из немногих высказываний матери Терезы о самой себе гласит: «По рождению я албанка, ныне —

гражданка Индии. А еще я — католическая монахиня. Моя работа принадлежит всему миру, а сердце — одному Христу». В этой фразе все ее приоритеты сформулированы с ясностью, не допускающей двусмысленного толкования.

Зачем же в таком случае писать еще одну книгу о матери Терезе? Да еще такую, которая не предполагает нового биографического или исследовательского подхода, а попросту излагает впечатления, воспоминания и переживания автора? Иными словами: чего бы хотела сама мать Тереза? Что бы она посоветовала мне сказать в этой книге?

Вероятно, она дала бы мне такой же ответ, что и тем чудесным осенним вечером в Вене, вскоре после того, как я принял сан. Тогда мне еще не приходилось проводить реколлекции* для кого бы то ни было, а уж тем более для монахинь. Поручение матери Терезы застало меня врасплох: «Отец, не могли бы вы провести реколлекции для моих сестер? Чтение из Библии, размышления, молитвы...»

Это было почетное поручение, но мне сделалось немножко страшно. Поэтому я тут же переспросил, на какой день назначено сие мероприятие.

* Реколлекции (лат. *recollectio* — вновь собирать) — название духовных упражнений, проводимых в Католической Церкви (как правило, под руководством опытного священника). Предполагают отрешение от мирской суеты и интенсивную духовную подготовку с целью углубления веры и дальнейшего сближения с Богом. Включают в себя молитвы, различные формы богослужения, исповедь, песнопения, размышления над Священным Писанием, духовные беседы. Реколлекции могут быть индивидуальными и групповыми, для разных возрастов, для монашествующих, мирян и т.д. — Прим. ред.

— На завтра, — сказала она.

Неуверенность возобладала, и я взмолился:

— Мать Тереза, я никогда еще этого не делал! О чем мне говорить с сестрами?

И она ответила — словно из пистолета выстрелила:

— Говори с ними об Иисусе! О чем же еще?

Когда люди расспрашивали мать Терезу о ее жизни, интересовались подробностями биографии, она отмахивалась:

— Я не люблю рассказывать о себе: когда люди говорят и пишут обо мне, они меньше говорят и пишут об Иисусе.

Именно поэтому я молю Бога, чтобы в этой книге мне удалось показать личность и дела матери Терезы в истинном свете, то есть так, чтобы они указующим перстом простерлись к Тому, к Кому были направлены всегда — к Иисусу. Пусть моя книга ведет читателей к Тому, к Кому мать Тереза старалась привести всех: к Иисусу Христу.

Любовь со второго взгляда

Она была нормальна, и в этом заключалось ее очарование. Вот почему ее жизнь, ее влияние на людей, ее работа до сих пор кажутся нам каким-то чудом: мать Тереза соответствовала всем общепринятым представлениям о «норме», была совершенно естественна, абсолютно «нормальна» — и тем привлекала. Сколько времени провел я подле нее, наблюдая, всматриваясь, дивясь! Но когда я увидел мать Терезу впервые, я поразился ее сходству с моей бабушкой.

Сходство заключалось не только во множестве морщинок и складочек на лице. Я заметил и нечто присущее всему ее поколению: строгость, суровую

дисциплину, требовательность к себе и вместе с тем доброту, внимательность, заботливость и бесконечное терпение к другим. У нее были узкие строгие губы, как будто принадлежащие более старому человеку. Порой она выпячивала их, склоняла голову набок и звучно выдыхала воздух с выражением явного недоверия, продолжая при этом внимательно слушать собеседника. В других случаях, также выпятив губы, она принималась покачивать головой, точно знаток вин, впервые пробуящий вино нового урожая. Люди, хорошо знавшие мать Терезу, сразу же понимали: вот-вот последует решение — мгновенное и точное, как удар ножа. И вот уже губы расслабились, спрятались где-то между морщинистыми щеками и натруженными, искривленными артритом пальцами: мать Тереза, склонив отяжелевшую голову на руки и позабыв про окружающий мир, погружалась в беседу со своим Создателем.

Здесь мы подошли к важной черте ее личности: мать Тереза обладала тем качеством, о ценности которого неустанно твердила сестрам, — она была «созерцательницей в миру». Вся ее деятельность, все, казалось бы, безраздельно направленное на мир внимание, были всего лишь внешней частью ее бытия, а большая часть айсберга скрывалась в глубине. Вернее сказать, большая часть ее души была направлена вовнутрь, погружена в созерцание Бога, Его любви и Его Промысла. Мать Тереза скрывала в себе тайну, о которой мы, окружающие, не ведали. Я говорю о ее глубоком мистическом страдании, о «ночи души», открывшейся миру лишь после ее смерти, о неутолимой и пламенной жажде ощутить близость Бога.

Впервые приехав в Калькутту, я был настроен скептически. Я хотел увидеть, каким образом духовность и благочестие матери Терезы и ее сестер проявляются в их жизни и деятельности. Усевшись в темный уголок часовни недалеко от матери Терезы, я наблюдал, как она молится. Она была полностью погружена в себя: стоя на коленях на постеленном на полу коврике, она то замирала в глубоком смирении с закрытыми глазами, то закрывала лицо руками.

Спустя какое-то время обнаружилось, что за двумя часовни нервно расхаживает фотограф. Ему нужно было поговорить с матерью Терезой, но он не решался войти и побеспокоить ее. Вдруг одна из сестер подошла к фотографу и посоветовала попросту обратиться к матери Терезе. Он снял обувь, вошел в часовню, однако остановился, не решаясь опуститься на колени рядом с матерью Терезой. Теперь уж он точно ей помешает, подумал я. Интересно, как она отреагирует?

Видимо, она услышала шаги или почувствовала движение. Когда фотограф все-таки опустился на колени, она быстро подняла глаза и приветствовала гостя сияющей улыбкой. С этого мгновения ее внимание полностью принадлежало фотографу. Тот в нескольких словах изложил свое дело. Мать Тереза ему ответила. Проситель встал и направился к выходу. Но не успел он переступить порог, как мать Тереза снова полностью погрузилась в молитву.

Эта короткая сцена поразила меня: ни малейшего признака недовольства или нетерпения со стороны монахини, которую отвлекли от молитвы. Можно было подумать, что ее наоборот порадовали, сделали ей подарок. Лишь позднее я понял: мать Тереза подлинно видела Иисуса в каждом человеке, с которым беседо-

вала, и потому так естественно переходила от молитвы к разговору — от общения с Иисусом к общению с Иисусом же.

Одно из самых точных и правдивых описаний матери Терезы сводится к единственной фразе, произнесенной ею как-то перед журналистами. Репортер воскликнул: «Мать Тереза, то, что вы делаете, просто поразительно!» И она ответила: «Я всего лишь карандашик в руках Господа — в те моменты, когда Он хочет написать миру послание любви».

Иными словами, мы должны отдать себя Господу, и пусть Он использует нас, как мы используем карандаш. Я беру ручку или карандаш, чтобы отобразить на бумаге мои мысли и чувства. Так и Бог использует нас, чтобы выразить Свои мысли и чувства. В этом величие и милосердие Господа: Он использует нас, грешных и заблуждающихся людей, чрез нас являя Свое могущество. Если мы по-настоящему хотим слушаться Его и Ему служить, то мы позволим Ему использовать нас так, как Он сочтет нужным. Но я чересчур забегаю вперед, перехожу к выводам, которым не место в начале книги. Лучше рассказывать все по порядку.

Я познакомился с матерью Терезой еще в студенческую мою пору. Тогда я работал со словацким епископом в изгнании Паволом Хнилицей, который с помощью основанного им фонда «Pro Fratribus» поддерживал подпольную церковь в странах Восточного блока. Он увидел мать Терезу на Евхаристическом конгрессе в Бомбее (ныне Мумбаи) и сразу же распознал, что она за человек. Именно от епископа Хнилицы о матери Терезе узнал Папа Павел VI и в итоге пригласил ее в

Рим. Способствовал епископ Хнилица и размещению сестер в пригороде Рима — в Тор Фискале.

В качестве сотрудника епископа я присутствовал при встрече матери Терезы и сопровождал епископа, когда тот посещал мать Терезу в монастыре Сан-Грегорио, где ее разместили в Риме. Однако по возможности я держался в стороне: тогда мне казалось, что было бы правильнее лишний раз ее не беспокоить, тем более что множество словаков и чехов, окружавших епископа Хнилицу, буквально осаждали мать Терезу.

В Риме, думал я, много интересных личностей (бессознательно причисляя к ним и мать Терезу). Что ей до меня? Однако уже при первой встрече мать Тереза разрушила мой защитный барьер. Вместо того чтобы вести чинную беседу с епископом и другими гостями, она повела всех в часовню, преклонила колени и обратилась с молитвой к Всевышнему. Она хотела заинтересовать нас не собственной персоной и не своей работой, а обратить наше внимание на Господа!

После того как я в 1982 году стал священником, у меня появилась возможность неоднократно сопровождать мать Терезу в поездках. И счастьем сблизиться с матерью Терезой я обязан такому заурядному обстоятельству, что епископ Хнилица не говорил по-английски. В случае нужды они с матерью Терезой могли кое-как объясниться — он на словацком, она на сербском, — но для серьезного разговора им требовался переводчик. Вот тут-то мне и повезло!

Как-то вскоре после принятия сана я в очередной раз помогал им с переводом. Епископ Хнилица отлучился ненадолго, и я остался с матерью Терезой наедине. Я воспользовался этой возможностью и спросил у нее, как должен поступить только что принявший сан

священник, если он сердцем чувствует, что ему следовало бы поехать с миссией в Россию. Ответ последовал мгновенно:

— Он должен делать то, что велит ему епископ.

Она видит меня насквозь, понял я, но все же попытался укрепить свою позицию:

— А если епископ ничего не говорит, тогда что ему делать?

На этот раз мать Тереза недолго поразмыслила и ответила:

— Тогда он должен делать то, что скажет ему Папа.

В итоге так и вышло: от Папы Иоанна Павла II я, пусть и косвенно, получил поручение отправиться с матерью Терезой в Москву, а затем в Армению. Кардинал Анджело Содано, госсекретарь Ватикана, дал мне от имени Папы соответствующие полномочия.

Весьма практичная, а порой и прагматичная, мать Тереза умела извлекать пользу и помощь для своего дела даже из случайных встреч, каких у нее были тысячи. Как только я закончил переводить ее беседу с епископом, мать Тереза обратилась уже непосредственно ко мне. В первую же минуту разговора она ухитрилась выяснить, что у меня имеется автомобиль, и сразу попросила меня на следующий день отвезти трех сестер в аэропорт. В воскресенье в три часа дня я прибыл на парковку перед сестринским домом в Сан-Грегорио. Мать Тереза уже стояла на улице. Она лично «передала» сестер мне. У каждой сестры была открытая картонка. Пока мы пили кофе перед дорогой, я успел подглядеть, что в картонках: свернутый матрас, два аккуратно сложенных сари, Библия, молитвенник и пара личных мелочей.

— На пикничок собрались? — поддразнил я сестер, кивая на скудный багаж.

— Нет, в аэропорт, — серьезно отвечали мне.

— Куда летим? — спросил я.

— В Аргентину! — просияла улыбкой одна из сестер, которой я на вид не дал бы и восемнадцати лет.

— Надолго? На пару недель?

— О нет! На десять, самое меньшее — на пять лет.

Недоумевая, почему они не берут с собой никаких пожитков, я поинтересовался, давно ли они узнали о предстоящей поездке.

— Сегодня утром. После того как мы принесли обет, мать Тереза поручила нам эту миссию. Мы так счастливы!

Я умолк и попытался сравнить *мой* священнический обет послушания с их — вопрос, который волнует меня и по сей день.

И я понял, что у миссионерок милосердия* послушание простирается гораздо дальше, чем у епархиальных священников. Это абсолютное послушание заданию от конгрегации полностью захватило мои мысли. Мать Тереза прекрасно понимала природу власти. Она и сама была безусловно послушной, однако никогда не проявляла подобострастия и никогда ничего не делала лишь затем, чтобы угодить вышестоящему на-

* Конгрегация миссионеров милосердия — католическая конгрегация, основанная в 1948 г. матерью Терезой Калькуттской. Одобрена Святым Престолом в 1950 г. Цель конгрегации — самоотверженное служение «беднейшим из бедных», чтобы дать им возможность выжить или хотя бы умереть в человеческих условиях. В год смерти матери Терезы (1997) ее конгрегация насчитывала около 4000 сестер и 610 монастырей в 123 странах мира. — Прим. ред.

чальнику, будь то епископ или кардинал. И она всегда хорошо знала, какова разница между епископом как лицом, облеченным властью, и, так сказать, его человеческими качествами и суждениями. Как-то раз кардинал Франц Кениг, заметив мать Терезу на синоде епископов, спросил у нее, каково ей тут. Она ответила:

— Знаете, господин кардинал, я, конечно, понимаю не все, о чем тут говорят и что решают. Но про себя я думаю: иной раз полезнее помолиться за епископов, чем их слушать.

Юные сестры, которых я отвозил в аэропорт, утром принесли обеты и узнали, куда в тот же день отправятся. Узнали — и повиновались радостно. Позднее я понял, что у миссионерок милосердия был такой обычай: сестры собирались в церкви, приносили обеты, которые в письменном виде отдавали в руки матери Терезы, и получали назначение в полном соответствии с принятыми на себя обязательствами бедности, целомудрия, послушания и «безвозмездного служения от всего сердца беднейшим из бедных». После мессы только что принявшие обеты сестры собирались в ризнице. Там мать Тереза подписывала их «мандаты» и лично вручала каждой. На бумаге уже был напечатан текст: «Возлюбленная сестра... я посылаю тебя в...». Мать Тереза от руки вписывала имя сестры и название страны, а внизу приписывала: «God bless you. Mother Teresa MC»*.

Ничего этого я не знал в тот день, когда отвозил трех сестер в римский аэропорт, но кое-что о духе ма-

* «Благослови тебя Бог. Мать Тереза». MC — аббревиатура названия конгрегации Миссионеров милосердия, Missionaries of Charity. — Прим. переводчика.

тери Терезы и ее работе понял уже тогда. На обратном пути я захал доложить, что сестры благополучно отбыли. Меня угостили чашечкой чая с печеньем. Мать Тереза самолично вышла ко мне. Пришла поблагодарить, умилился я, но тут же получил новое задание:

— Отец, не могли бы вы завтра отвезти меня в Ватикан?

В Ватикане

— В Ватикан? Конечно, с радостью! — с чего бы это я отказал матери Терезе в такой простой просьбе, не говоря уж о том, что недавно принявшему сан священнику выдавалась редкая возможность заглянуть за стены Ватикана, а заодно, пока он будет ждать пассажирку, и прогуляться в закрытых для публики Папских садах.

— Конечно-конечно, всякий раз, когда вам понадобится.

После чего мы перешли к практическому вопросу — в котором часу мне следует за ней заехать. И тут я впервые слегка поспорил с матерью Терезой.

— Отец, мы должны быть пунктуальны. Лучше всего будет выехать отсюда в четыре часа утра! — с этих ее слов начался наш небольшой спор.

— В четыре утра? — Я остро ощутил, как встаю с постели в кромешной тьме, совершенно невыспавшийся: никто в Риме не ложится спать раньше часа, тем более я, вчерашний студент. Да уж, это будет настоящая жертва. Может быть, час жертвоприношения удастся несколько отодвинуть? Ну, хоть попытаться! И я заговорил как можно убедительнее:

— Мать Тереза, вы, должно быть, приглашены на утреннюю мессу, которую совершает Его Святейшество?

Губы вытянуты, головой матушка качает так, что европеец воспринял бы это как отрицание, однако у нее на индийский лад такие движения означают «да». Ободрившись, я продолжал:

— Мать Тереза, так ведь месса начинается только в семь утра!

Вот и пригодилась моя информированность, мысленно восторжествовал я.

— Выезжаем в полпятого!

Частичная победа. Нужно продолжать натиск.

— Да нет же, матушка, достаточно и в полседьмого. В такой ранний час улицы пусты, мы доедем от Сан-Грегорио до Ватикана за четверть часа.

— Хорошо, отец, поедem в пять часов! И ни минутой позже!

Победа опять частичная. Но, по крайней мере, мать Тереза поддается на разумные доводы, подумал я. И ни малейших признаков раздражения, нервозности! Напротив, в ее чарующих, внушающих глубокое доверие глазах мне даже померещилась какая-то хитринка. Я чувствовал себя прямо как Авраам, тор-

гующийся с Всевышним насчет количества праведников, коих хватит, чтобы искупить Содом. Конечно, тут речь шла не о жизни и смерти, а о паре лишних часов моего сна. И все-таки я решился настаивать:

— Мать Тереза, это слишком рано. Ворота Ватикана откроются только в шесть часов.

И опять я выиграл:

— В полшестого!

Ну вот, это уже гораздо лучше, чем четыре часа утра.

Ровно в половине шестого утра я прибыл в Сан-Грегорио. Мать Тереза и одна из сестер, которой выпала честь сопровождать ее во время визита к Святому Отцу, уже стояли на улице. Поскольку ворота Ватикана открываются в шесть, мой зеленый «Опель» с мюнхенским номером оказался в очереди на проезд первым. Швейцарский гвардеец приветствовал нас скупым кивком и направил в Кортиле Сан-Дамасо, откуда на лифте можно было подняться на третий этаж, к входу в приемные покои Папы.

Когда я остановил автомобиль перед лифтом, гвардеец снова подал мне знак:

— Доброе утро, мать Тереза. Вы очень рано прибыли. Подождите, пожалуйста, здесь, — кратко распорядился он.

Так мне выпало счастье почти час ждать в машине с матерью Терезой. На подобное я не рассчитывал, и, мне кажется, то был лучший час ожидания в моей жизни.

Мать Тереза сидела рядом со мной на переднем сидении. Мы успели вместе прочесть весь розарий, а

также «быструю новенну»*. Эта «быстрая новенна» была у матери Терезы чем-то вроде духовного скорострельного оружия. Состояла она из десяти «Метогоге»** — а не из девяти, как можно было бы подумать, исходя из названия «новенна». Обычные девятидневные новенны в конгрегации миссионерок милосердия тоже читались, однако часто возникали неотложные проблемы, да и темп, в каком разъезжала мать Тереза, далеко не всегда позволял ей дожидаться ответа свыше целых девять дней. На такой случай она и изобрела эту «быструю новенну». «Метогоге» (Молитва святого Бернарда) звучит так:

Вспомни, о всемилостивая Дева Мария, что испокон века никто не слышал о том, чтобы кто-либо из прибегающих к Тебе, просящих о Твоей помощи, ищущих Твоего заступничества, был Тобою оставлен.

* Розарий (лат. *rosarium* — венок из роз) — в Католической Церкви разновидность молитвы, совершаемой по четкам, которые также часто называют «розарием». Современный вид приобрела в XIII веке. Включает в себя вступительные молитвы (Символ веры, Молитву Господню, Ангельское приветствие, Славу Пресвятой Троице) и молитвенные размышления над событиями (тайнами) из жизни Иисуса Христа и Девы Марии. К размышлению над каждым событием присоединяются молитвы «Отче наш», «Радуйся, Мария», «Слава Отцу» и особые краткие молитвы. Новенна (лат. *novem* — девять) — традиционная католическая молитвенная практика, личная или общая, представляющая собой чтение определенных молитв в течение девяти дней подряд в надежде получения от Бога особой благодати. — Прим. ред.

** Метогоге (лат. *metoia* — память) — первое слово молитвы св. Бернарда, обращенной к Деве Марии. — Прим. ред.

Исполненный такого упования, прихожу к Тебе, Дева и Матерь Всевышнего, со смирением и сокрушением о своих грехах. Не презри моих слов, о Матерь Предвечного Слова, и благосклонно внемли моей просьбе. Аминь.

Эта молитва была на устах у матери Терезы постоянно — просила ли она об исцелении больного ребенка, готовилась ли к важному разговору, искала ли утерянный паспорт или нуждалась в небесном содействии, если во время ночной миссионерской поездки стрелка индикатора бензобака приближалась к нулю, а до цели было еще далеко. С девятидневными новеннами и даже с девятимесячными новеннами эта «быстрая новенна» имеет одно сходство: исполненную доверия просьбу о помощи свыше. Так апостолы молились в горнице «с некоторыми женами и Мариєю, Материю Иисуса, и с братьями Его» (Деян 1:14) девять дней подряд, ожидая обещанного дара, Святого Духа.

Десять же, а не девять молитв мать Тереза читала вот по какой причине: она до такой степени была убеждена в немедленном отклике с неба, что сразу присоединяла к девяти молитвам-просьбам и десятую — благодарность за полученную милость. Так вышло и на этот раз: сидя в машине, мы прочли весь розарий, а затем «быструю новенну», и едва закончили десятую молитву, как гвардеец постучал в ветровое стекло:

— Мать Тереза, пора!

Мать Тереза с сестрой вышли из машины. Опасаясь, что стражник выгонит меня из красивого сада, я крикнул вслед монахиням:

— Матушка, я буду ждать вас здесь и отвезу обратно!

И тут произошло нечто неожиданное: мать Тереза обернулась и окликнула меня по-английски:

— Quick Father, you come with us! («Быстрее, отец, вы идете с нами!»)

«Быстрее, отец» — «быстрая новенна» — есть ли тут какая-то взаимосвязь? Раздумывать мне было некогда: мать Тереза уже шла к лифту, отменяя протесты швейцарского гвардейца своим очаровательным «Father is with us!» («Отец с нами!»), радостным сиянием глаз и благодарными кивками головы.

Я догадывался, почему гвардеец пропустил меня почти без спора. Правила Ватикана весьма строги: пройти мог только человек, значащийся в списке приглашенных, а с матерью Терезой пригласили лишь одну спутницу. Гвардеец не хуже меня понимал, что мимо охранника лифта, а тем более мимо жандармов, которые стоят у входа в покои Его Святейшества, меня не проведет даже святая.

Но и колеблющегося охранника-лифтера мать Тереза убедила приветливым и решительным приказом: «Можно ехать, отец с нами». Он тоже не решился противоречить столь ясному распоряжению, рассчитывая, очевидно, что меня перехватят жандармы у входа в покои Папы.

В лифте я еще раз попытался объяснить матери Терезе: к Папе не принято являться без зова. Но против ее «Отец, вы с нами» не могла устоять и моя оборона. Проваливаться сквозь пол я не умел, оставалось лишь мужественно принять команду «Вон!», которая развернет меня прочь от почти достигнутой и столь желанной цели. Я уже отчетливо представлял себе, как лифтер и гвардеец зашипят мне вслед: «Мы же вас предупреждали!» — когда я буду робко пробираться назад к своему автомобилю. Интересно, они хотя бы разрешат мне дожидаться в саду или оттуда тоже выгонят?

Выход из лифта на третьем этаже Апостольского дворца с первой большой приемной в папских апартаментах соединяется длинным коридором. Однако и этого расстояния не хватило, чтобы убедить мать Терезу: лучше бы она позволила мне повернуть обратно прямо сейчас. «Мне же совсем не обидно», — бормотал я, уже сдаваясь.

— You come with us! («Вы идете с нами!»), — твердо возразила она, и с этим ничего нельзя было поделать. «Благосклонный диктатор» — эту женщину так прозвали не зря! И я уже догадывался, почему.

Я смолк. В тишине мы шли по коридору, стены которого были увешаны картинами и богато украшены. От вида из высоких окон просто захватывало дух. У наших ног лежали в легкой утренней дымке двор Святого Дамасия, площадь Святого Петра, холм Яникул с папским университетом «Урбанианум» и папским Североамериканским колледжем, а дальше — бескрайнее море крыш Вечного города.

У меня почти не оставалось времени впитать эти впечатления: мы добрались до входа в апартаменты Папы. У дверей стояло двое высоченных жандармов в гражданской одежде. Вот и конец моего визита к Папе. Тут уж мне точно не пройти. Хорошо хоть долгожданное «Вон!» облекли в чрезвычайно профессиональную и почти дружелюбную форму. Старший из двух охранников любезно приветствовал настоятельную:

— Доброе утро, мать Тереза! Проходите, пожалуйста. Отец не включен в списки, он должен остаться.

Он подвинулся, освобождая проход для матери Терезы, а я остался стоять. Но нет же — она подает мне знак идти с ней и повторяет все ту же фразу:

— Отец идет с нами.

На этот раз сверхъестественное обаяние святой разбилось о верность ватиканского охранника долгу и присяге. Папский страж преградил матери Терезе путь и повторил инструкцию вежливо, однако столь внушительно, что ни у кого из присутствующих не осталось сомнений в том, *кто* устанавливает правила в этом крыле дворца:

— Матушка, у вашего священника нет пропуска, значит, он не может идти с вами.

Этот тон — приветливый, но непререкаемый — ясно давал понять, что мне следует как можно скорее исчезнуть.

Но мать Тереза предложила совершенно иное решение. В подобных ситуациях сразу видно различие между теми, кто сдается, и теми, кто не признает неудач. Она спокойно остановилась перед жандармом и кротко спросила его:

— А кто может дать моему священнику пропуск?

К такому вопросу этот славный человек был явно не готов. Он растерянно пожал плечами:

— Ну, наверное, сам Папа. Или монсеньор Дзивиш...

— Отлично, тогда ждите здесь! — кратко и убедительно. И мать Тереза проскальзывает в папские покои под поднятой рукой жандарма. — Пойду, спрошу Святого Отца.

Бедняга жандарм! Ведь главная его обязанность — охранять Его Святейшество от малейшего беспокойства. А эта невысокая монахиня — с ней не сладишь — сейчас направится напрямик в часовню, оторвет Святого Отца от молитвы, чтобы получить пропуск для какого-то рядового священника. Этого допустить нельзя! Теперь все зависит от него!

— Per amor di Dio! Бога ради, мать Тереза!

Еще мгновение — и итальяно-ватиканский разум находит выход. Выход в пользу матери Терезы!

— Пусть священник идет!

И, обернувшись ко мне:

— Идите уж, идите!

Повинуясь этому приказу, «благосклонный диктатор», который в моих глазах набирает все больше очков, и мы с сестрой проходим мимо жандарма в приемную Святого Отца.

Из противоположной двери навстречу нам выходит личный секретарь Папы, монсеньор Станислав Дзивиш (ныне кардинал-архиепископ Кракова). Он сердечно пожимает руку матери Терезы, вопросительно поглядывая на священника, неожиданно для него возникшего среди приглашенных. Мать Тереза вроде бы и не видит необходимости давать какие-либо пояснения. Зато сразу же дает очередное распоряжение:

— Монсеньор, отец будет служить мессу со Святым Отцом!

Она не спрашивает: «Можно?» Или: «Нельзя ли устроить?» Нет, она так и говорит: «Будет служить».

По-видимому, монсеньор Дзивиш был уже хорошо знаком с «благосклонным диктатором». Окинув меня быстрым оценивающим взглядом, он улыбнулся и провел меня в ризницу, где объяснил порядок совершения утренней мессы с Папой Иоанном Павлом II. При этом он от души посмеялся над тем, как удалось проникнуть в папские покои мне, незваному гостю.

В часовне Папа приветствовал мать Терезу и ее спутницу коротким поклоном. Кроме них, на службе присутствовали две польские сестры из числа постоянно живущих при папском дворце. Пройдя в ризницу, Святой Отец надел облачение, негромко читая при этом латинскую молитву.

Сослужение Папе стало для меня незабываемым переживанием и оставило в моей душе неизгладимый след. Напряженная молитва двух великих предстоятелей Католической Церкви, творимая в тиши утра, высоко над крышами Рима, проникала в самое сердце. Мне казалось, будто воздух насыщен миром и любовью, и с каждым вдохом я буквально их пью. Так ярко и сильно ощущалось их присутствие.

После ватиканского опыта пробивная сила матери Терезы, проявлявшаяся в других местах и при иных обстоятельствах больше меня врасплох не заставляла как, например, при повторном визите Папы Иоанна Павла II в Польшу. Мать Тереза приехала двумя днями раньше Папы: в Заборове, близ Варшавы, в новициате* по миссионерской работе на Востоке готовились к принятию обетов. Утром в день приезда Папы мать Тереза приняла у сестер обеты, а затем показала им полученное ею персональное приглашение на встречу представителей монашеских конгрегаций с Папой. В ее понимании это означало: она приглашена — значит, приглашены мы все, то есть, мать Тереза с восемнадцатью сестрами и отцом Лео в придачу!

И мы все вместе поехали в Варшаву. Возле храма польский сотрудник направил нас в какой-то боковой

* Новициат (лат. novus — новый; noviciatus, novitiatus — новичок, неопытный) — в Католической Церкви период послушничества перед принесением новициями (послушниками) монашеских обетов. Минимальная продолжительность новициата — один год. Новиции еще могут в любой момент покинуть обитель и вернуться в мир. Новициатом называется также помещение в монастыре для отбывающих послушание. — Прим. ред.

проход. Он обещал, что там соберется меньше народу, и мы не попадем в давку. Верно. Однако имелся и существенный недостаток: проход был перегорожен. Что сделала мать Тереза? Приказала поднять заграждение.

— Для меня можете так высоко не поднимать, я же маленькая!

И пролезла под поднятой загородкой, а за нею восемнадцать сестер и отец Лео. Высоко поднимая руку с приглашением, она, словно верткая ласка, проскользнула через кордон и направилась напрямик к храму. Сотрудники безопасности с изумлением смотрели на приближавшуюся к воротам невысокую монахиню, которая знай себе размахивала белой карточкой почетного гостя:

— Идите, идите все сюда! — крикнула она, на мгновение обернувшись к нам.

Таким образом мы и прошли в храм через главный вход. Все остальные приглашенные давно уже сидели на своих местах и ждали появления Папы. Мать Тереза уверенно ступила на красную ковровую дорожку, расстеленную, понятное дело, ради высокого гостя, и двинулась вперед, все так же высоко поднимая напоказ свое приглашение. А за нею восемнадцать сестер и отец Лео. Так она добралась до первого ряда, где ей — именно ей, только ей! — было оставлено место. Почтенный монсеньор приветствовал ее:

— Сюда, пожалуйста, здесь, в первом ряду, ваше место.

Но мать Тереза обернулась ко мне и позвала:

— Отец, отец, быстрее! Вот твое место! Садись!

Монсеньор попытался возразить:

— Нет, мать Тереза...

Больше трех слов ему промолвить не удалось:

— Отец будет сидеть здесь!

Настроение у монсеньора заметно испортилось. Что делать с матерью Терезой и ее восемнадцатью сестрами, он понятия не имел, но ломать голову над этой проблемой ему пришлось недолго, ибо мать Тереза быстро взяла дело в свои руки. Едва монсеньор пробормотал:

— А куда же мы посадим сестер? Тут им оставаться нельзя... — как мать Тереза порадовала его готовым решением:

— Все просто: четверо сестер сядут под прожекторами телевидения, четверо вон там с другой стороны, трое туда, а остальные впереди на пол.

С последней группой сестер разместились на полу и мать Тереза. Монсеньор не на шутку разволновался:

— Нет, мать Тереза, так нельзя, не годится!

Конечно, протокол ничего подобного не предусматривал. А я наблюдал за этой баталией и наслаждался. Мать Тереза усадила меня прямо в середину первого ряда, уселась сама, и как раз в этот момент вошел Папа. Вошел и сразу же направился к матери Терезе. Та поднялась с пола, представила ему только что принявших обеты сестер, каждую поименно. Святой Отец явно был рад видеть их всех.

А про бедного монсеньора я больше ничего не слышал.

Святой с доставкой

На следующий год, опять-таки на утренней службе в папской часовне (по крайней мере, на этот раз я был включен в список приглашенных), я убедился в том, какое глубокое и подлинное уважение испытывают друг к другу мать Тереза и Папа Иоанн Павел II — эти два предстоятеля Церкви, которые для нас являются также и персонажами современной истории. Даже их манера приветствовать друг друга была весьма своеобразна и отвечала характеру каждого: мать Тереза на индийский манер сложила руки перед грудью, а Иоанн Павел II ласково ее обнял. Я обратил внимание на то — и потом еще не раз имел случай видеть, — что

они почти не тратили слов попусту. Они сразу же переходили к делу, не болтая о пустяках, которые не имели отношения к непосредственной теме их разговора. Так общаются лишь люди, полностью доверяющие друг другу: им не нужна светская беседа, не требуется соблюдать этикет. От приветствия мать Тереза тут же перешла к той просьбе, с которой явилась в Рим:

— Святой Отец, нам нужен святой для наших прокаженных.

На вопрос Папы, кого мать Тереза присмотрела на эту роль, она ответила, что подошел бы отец Дамиан де Вёстер, бельгийский миссионер, родившийся в 1840 году в Бельгии и переселившийся на Гавайи, чтобы ухаживать за прокаженными. Он и сам умер от этой болезни. В юности Дамиан — тогда его еще звали Жозефом — седьмой сын в крестьянской семье обрабатывал землю вместе с родителями, а в двадцать лет вступил в Конгрегацию миссионеров Священных Сердец Иисуса и Марии и принял имя Дамиан. В 1873 году он отправился на остров Молокаи, чтобы помогать прокаженным, которые находились там без социального и медицинского попечения. В 1885 году у него тоже обнаружили проказу, а в 1889 году он умер.

— Вы же знаете, о ком я говорю, Святой Отец? — продолжала мать Тереза и, получив в ответ утвердительный кивок, сочла, что уже достигла желанной цели. — Ну так за чем дело стало? Когда вы его канонизируете?

Однако провозглашению святого препятствовала серьезная проблема: отец Дамиан не совершил к тому времени чуда, которое стало бы известно и признано, что по церковному канону считается необходимым для причисления к лику святых.

Поскольку Святой Отец слишком хорошо знал мать Терезу, чтобы вступать с ней в долгие препира-

тельства, он попросил ее лично обсудить этот вопрос с префектом Конгрегации канонизации святых* кардиналом Пьетро Палаццини. Мать Тереза не заставила себя упрашивать, не промедлил и кардинал Палаццини, которого Папа, очевидно, лично уведомил о необходимости этой встречи. Уже на следующий день в четверть седьмого утра кардинал Палаццини постучал в дверь Сан-Грегорио, обитель миссионеров милосердия в Риме. Здесь останавливалась мать Тереза, когда проживала в Вечном Городе.

Кардинал Палаццини был худ, а ростом — не выше матери Терезы. По глазам его было видно, что он обладает быстрым умом и прекрасным чувством юмора. В Ватикане его знали все, а многие и побаивались: мало кто мог сравниться с ним в богословских познаниях и особенно в осведомленности в области церковного права. Кардинал уже много лет возглавлял Конгрегацию канонизации святых и числился среди главных советников Папы.

— Мать Тереза, меня к вам направил Святой Отец. Что я могу для вас сделать? — так с места в карьер началась беседа, которую мне поручили переводить.

— Ваше преосвященство, нам для наших прокаженных нужен святой. — Мать Тереза слово в слово повторила просьбу, с которой накануне обращалась к Папе.

— И кто же это будет? — осведомился кардинал.

— Отец Дамиан де Вёстер. Он Вам известен?

* Конгрегация канонизации святых — структура Римской курии (главного административного органа Святого Престола и Ватикана), в ведение которой входит руководство процессами беатификации, канонизации, а также присвоения титула Учителя Церкви. — Прим. ред.

— Да, известен. Но, как вы знаете, имеется одно затруднение: пока что он не совершал чудес. А для канонизации это необходимо.

— Так-то оно так, — проговорила мать Тереза, — однако в Священном Писании сказано... — И она выложила перед изумленным кардиналом Библию, раскрытую на нужной странице:

— «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин 15:13). Отец Дамиан именно это сделал, — продолжала она. — И если Библия называет такого человека святым, чего же нам еще ждать?

Выложив свой главный аргумент, мать Тереза уже была готова «подсечь» рыбку. Однако кардинал Палладини был не таков. Голыми руками его не возьмешь. Он набрал в грудь побольше воздуха и выложил свой козырь:

— Вы, конечно, правы. Но, знаете ли, в последние четыреста лет у нас сложилась традиция: для канонизации требуются три подтвержденных чуда. А за отцом Дамианом пока что ни одного не числится.

На что мать Тереза возразила спокойным и даже веселым голосом:

— Вот вам и прекрасная возможность покончить с традицией!

Наповал! Успех ее дела обеспечен, и мать Тереза поспешила добить противника:

— У Библии есть преимущество перед церковным правом, — добавила она, чтобы на том и закончить спор.

Но кардинал ответил ей с добродушной и хитрой усмешкой:

— Вы, конечно, правы, мать Тереза. Но не думаете ли вы, что все можно устроить куда проще: попросите

Бога о чуде, чтобы нам не пришлось менять четырехсотлетнюю традицию.

Тут впервые я увидел, как мать Тереза онемела и не нашлась с ответом. Наконец, она пробормотала:

— Well, then let's pray! («Хорошо, так будем молиться!»)

Лукавый итальянский кардинал одержал верх.

Чтобы проявить гостеприимство по отношению к расстроенной матери Терезе и доказать ей необходимость серьезной подготовительной работы для канонизации, кардинал пригласил ее в архив конгрегации, где предъявил ей горы документов, уже собранных по делу отца Дамиана.

— Какой же из этих томов наиболее важен для установления святости отца Дамиана? — осведомилась мать Тереза в третий раз подряд, с явным (не знаю, искренним ли) интересом оглядывая сотни переплетенных рукописей.

Прослышав про визит матери Терезы, все сотрудники конгрегации сбежались в архив. Кардинал с гордостью демонстрировал почетной гостье бесконечные стеллажи с книгами и документами, разъясняя всю сложность процесса канонизации. Но мать Тереза не отступалась. Она продолжала спрашивать, от какого тома зависит провозглашение отца Дамиана святым или по крайней мере блаженным. Кардинал подозревал одного из сотрудников и тот, поднявшись по стремянке, снял с верхней полки тяжелый и старый, уже несколько десятилетий собиравший пыль на свой кожаный переплет том. Он выложил книгу на дубовый стол — поднялось облако пыли — и показал ее матери Терезе.

— Значит, от этой книги и зависит канонизация отца Дамиана? — уточнила мать Тереза.

— Вот именно, потому что в этом томе...

Кардинал вновь взялся терпеливо разъяснять госте традицию, однако не добрался и до конца первой длинной фразы, как мать Тереза сунула руку в свою серо-синюю сумку и достала оттуда маленький чудотворный медальон* и клейкую ленту. Скотчем она закрепила медальон на обложке тяжелого пыльного тома и, перебив кардинала на полуслове, подытожила:

— Дело сделано, можем идти.

Развернулась и ушла, оставив в полной растерянности кардинала и его сотрудников.

Кто же в итоге выиграл спор? Господь сделал так, чтобы оба этих великих человека не остались в проигрыше. В скором времени мать Тереза вымолила чудо. И в то же время были пересмотрены правила канонизации: для провозглашения святым требовалось уже не три чуда, как прежде, а хотя бы одно. 4 июня 1995 года в присутствии матери Терезы папа Иоанн Павел II провозгласил блаженным отца Дамиана де Вёстера, трудившегося на острове прокаженных Молокаи и умершего от этой страшной болезни после четырех лет тяжких мучений. Мать Тереза была счастлива: ее прокаженные получили собственного патрона, святого, который при жизни страдал от той же болезни и к которому они могли с полным доверием прибегать в своем несчастье. 11 октября 2009 года папа Бенедикт XVI завершил канонизацию бельгийского

* Чудотворные медальоны матери Терезы связаны с явлением Богородицы святой монахине Екатерине Лабуре в 1830 году: Дева Мария обещала Свою помощь каждому, кто будет с верой носить такой медальон. — Прим. ред.

миссионера и на площади Святого Петра в Риме провозгласил его святым.

Нетрудно понять, почему матери Терезе непременно требовался особый святой-покровитель для прокаженных. С древнейших времен прокаженных изгоняли из общества, их избегали даже ближайшие родственники. Они жили в стороне от поселений, отверженными, их боялись как переносчиков заразы. Подобно святому Франциску, обнявшему прокаженного, мать Тереза тоже хотела дать этим несчастным людям ощущение человеческой любви и близости. В Индии, где проходило ее служение, таких больных до сих пор очень много. В 1957 году она впервые взяла на свое попечение больного лепрой. В том же году она распорядилась обучать сестер уходу за прокаженными. В этих больных она видела «особо возлюбленных детей Бога», ибо своим страданием они приобщаются к страстям Христовым.

Вскоре мать Тереза основала передвижные клиники для приема и лечения прокаженных, а для тяжелых случаев — стационарные центры по борьбе с лепрой. После Всемирного евхаристического конгресса в Бомбее Папа Павел VI подарил матери Терезе свой папамобиль. Эта удивительная женщина продала его с торгов, а на вырученные деньги построила целую деревню для прокаженных. В 1959 году она организовала крупный центр для прокаженных, затем в 300 километрах от Калькутты — деревню, где прокаженные под руководством миссионерок милосердия работали в мастерских, разводили кур и сами себя содержали. Это убежище она именovala «Шанти Нагар», «Обитель мира».

Повторное призвание матери Терезы

Чтобы понять совершенно особенную привязанность матери Терезы к беднейшим из бедных, нужно знать, каким событием было определено ее жизненное призвание. В 1928 году она вступила в миссионерскую конгрегацию «Сестры Лорето»* в Дублине именно с целью отправиться миссионеркой в Индию. В начале 1929 года она проходила послушание в

* «Сестры Лорето» (Институт Пресвятой Девы Марии) — миссионерская конгрегация, созданная в 1821 году и уже в 1842 году основавшая монастырь в Калькутте. Главный дом конгрегации находился в Дублине, Ирландия. — Прим. ред.

Даржилинге, на севере Индии. Этот город находится в Гималаях, на высоте 2000 метров над уровнем моря. В 1931 году мать Тереза принесла временные, а в 1937 году — вечные обеты. Она провела в конгрегации полтора десятилетия, всей душой стремилась к святой жизни и делала все, что для этого требуется. Однако 10 сентября 1946 года, когда мать Тереза ехала в поезде на ежегодное молитвенное собрание, случилось событие, изменившее ее жизнь. Произошло оно так: мать Тереза ехала в Даржилинг, туда, где когда-то проходила послушание. По дороге к вокзалу в Калькутте она увидела множество нищих, ибо после недавнего восстания значительная часть населения была полностью разорена и пребывала в самом плачевном положении. И на каждой станции, мимо которой проезжал битком набитый поезд, были явно видны последствия беспорядков: массы голодных, отчаявшихся людей. И в сердце своем мать Тереза отчетливо расслышала жалобу Иисуса: «Жажду!» Вместе с этим внятным горестным возгласом она столь же отчетливо ощутила в своем сердце все преодолевающую любовь Бога — Его любовь к ней самой. Позднее она писала: «Тогда впервые была провозглашена жажда Иисуса» (This is the first time that the thirst of Jesus is being proclaimed). В Евангелии от Иоанна «жажду» — предпоследнее из семи слов Иисуса на кресте. «После того Иисус, зная, что уже все совершилось, да сбудется Писание, говорит: жажду» (Ин 19:28).

Так во время сентябрьской поездки из Калькутты в Даржилинг мать Тереза постигла, что Бог не просто любит нас — «любит всех вообще», но что «жажду» есть последнее и высшее выражение Божьей любви. Он жаждет любви взаимной. Иисус ищет любви. Он жаждет любви сотворенного Им мира и жаждет спасения

душ. Он произнес слово «жажду» с креста, ибо крест есть то деяние Иисуса, которым Он пытается убедить нас в Божьей любви, не знающей границ, простирающейся и за пределы смерти.

Так мать Тереза постигла суть своего особого призвания. Десять дней духовных упражнений в Даржилинге она использовала для того, чтобы основательно поразмыслить над этим опытом, или, вернее сказать, над полученным откровением. К моменту возвращения в Калькутту она уже твердо знала, как теперь изменится ее жизнь. Мать Тереза решила служить Иисусу среди беднейших из бедных, она стремилась слиться с Ним, живя в совершенной бедности. Она решила вести нищенское существование среди бедняков, не иметь никакой собственности и полностью положиться на Провидение и попечение Господа.

Решение расстаться с «Сестрами Лорето» после 18 лет жизни в конгрегации далось матери Терезе нелегко. Ей и в голову не пришло совершить шаг, в котором она видела исполнение воли Христа, без согласия и понимания церковных властей. Она обратилась к своей настоятельнице, многократно беседовала с архиепископом Калькутты Фердинандом Перье. Она сумела обосновать свое желание. Она объяснила, почему хочет следовать повелению Иисуса — в том виде, как она его расслышала. Она также обратилась письменно к генералу ордена в Дублине.

2 апреля 1948 года Папа Пий XII в ответ на запрос архиепископа Перье даровал матери Терезе разрешение жить в миру, оставаясь членом сестринской конгрегации. Она должна была соблюдать устав конгрегации и повиноваться архиепископу.

16 августа 1948 года она сняла с себя монашеское облачение и покинула монастырь. Воспитанницы мо-

настыря спели ей на прощанье. Когда мать Тереза с чемоданом и сумкой приблизилась к воротам монастыря и остановилась в окружении сотен девочек, те запели, но на полуслове одна из них расплакалась, за ней другая. Еще минута — и все девочки, громко рыдая, вынуждены были прекратить пение. Мать Тереза наклонилась, подхватила свой багаж и пошла прочь. Вышла за ворота и направилась напрямик в соседние трущобы. Она ни разу не обернулась. Она раз и навсегда покинула это место, чтобы посвятить отныне жизнь служению беднейшим из бедных. Это произошло в день после праздника Успения Пресвятой Богородицы*.

Подход к нищим и бездомным, ютившимся на улицах Калькутты, мать Тереза, прекрасный педагог, искала в первую очередь через детей. Она полностью отдалась на волю и попечение Бога: не строила стратегических планов, не рассчитывала финансы — с самого начала она рассматривала всю свою деятельность как Его Дело («His work»). И Господь не оставил ее доверие без награды.

О матери Терезе рассказывают десятки замечательных историй, и каждая из них подтверждает слова, сказанные Иисусом Своим ученикам: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф 6:33).

Однажды мать Тереза отдала последнюю рупию какому-то священнику и не имела понятия, на что купит себе еды завтра. Вечером в ее дверь постучал незнако-

* Православная Церковь празднует Успение 28 августа по новому стилю. — Прим. ред.

мец и передал конверт с пятьюдесятью рупиями: «На вашу работу».

Позднее, когда сестры кормили тысячи жителей Калькутты, у них внезапно иссякли припасы. Сестры уже готовы были предупредить бедняков, что в ближайшие выходные им ничего не достанется. Однако мать Тереза велела им этого не делать. Она удалилась в часовню и погрузилась в молитву. Наутро грузовик доставил большое количество молока, хлеба и мармелада. Что произошло? По какой-то причине в тот день закрыли школы, и нашелся предусмотрительный чиновник, который направил провиант, отпущенный для школьных столовых, миссионеркам милосердия.

В другой раз закончилась мука, и не было денег, чтобы ее купить. Сестра, которая работала на кухне, явилась к матери Терезе в печали и поведала ей о своем затруднении.

— Ты отвечаешь за кухню? — был ответ. — Так иди в часовню и молись!

Сестра еще не закончила молиться, как очередной благотворитель позвонил в дверь и скинул на порог увесистый мешок муки.

В первые годы служения миссионерки милосердия, работавшие в Вене, платили довольно высокую арендную плату за помещения, куда приводили бедняков. Когда я высказал матери Терезе свое сожаление по этому поводу, она ответила попросту:

— Бог об этом позаботится.

Мы как раз ехали к кардиналу Кёнигу.

По окончании визита, когда мы уже собирались отъезжать, к машине подошли две немолодые дамы. Мать Тереза спешила на следующую встречу, и я даже не сразу убедил ее не откладывать разговор с дамами на потом. Итак, я ждал, прогревая мотор и удивляясь про

себя, отчего беседа так затянулась. Потом мы отъехали, и на первом же светофоре мать Тереза приоткрыла свою латанную-перелатанную сумку: там лежала пачка купюр — 300 тысяч шиллингов, переданная ей этими дамами.

— Вот видишь!

Мать Тереза и ее сестры могли без конца рассказывать о подобных случаях, которые происходили не только в Индии, но во всех странах мира, где появлялись миссионерки милосердия. Эти женщины знали, что чудеса происходят ежедневно, или, точнее, знали, что Иисус не оставляет Своего Дела. В больных и бедных мать Тереза подлинно видела Тело Христово, которому служила безоглядно, со всей преданностью, используя для своего служения всякую возможность. Но она никогда не допускала даже мысли, будто Конгрегация миссионеров милосердия — это ее дело. Нет, это было полностью и исключительно Его дело.

Именно поэтому она — к ужасу более приземленно настроенных людей — отказывалась что-либо планировать. Она оставляла все на волю Провидения. Иными словами, учитывая, как она вела дела, успеха мать Тереза могла добиться лишь в том случае, если это было целиком и полностью Его Дело. И ей все удавалось. Дело росло и процветало. Умирая, мать Тереза оставила после себя основательно выросшую конгрегацию с пятью ответвлениями и около шестисот монастырей во всех частях земли. Ее сестры продолжают являть миру Иисуса в беднейших из бедных.

В отличие от многих других католических конгрегаций, у миссионерок милосердия бедны не только сами ее члены, но и вся община в целом. Они не имеют

собственности, не заключают сделок. Давая обет бескорыстного служения беднейшим из бедных, сестры отказываются от какой-либо оплаты за свой труд. Они работают изо всех сил, ничего за это не получая (в материальном, разумеется, плане). Мать Тереза неколебимо верила, что Бог в Своей провиденциальной любви даст им ровно столько, сколько им нужно для продолжения работы. И Он в самом деле давал им необходимое. И сегодня продолжает давать через благотворителей, спонсоров и жертвователей со всех концов света.

Многим людям трудно было принять такое доверие матери Терезы к Божественному Провидению. Но она была твердо уверена, что Господь всегда предоставит ей необходимое. Одна из множества историй помогла мне понять, как это происходило. Однажды президент некоей международной компании нанес матери Терезе визит и предложил ей в дар участок земли в Бомбее. Однако прежде он задал профессиональный вопрос:

— Мать Тереза, каким образом вы ведете свой бюджет?

Мать Тереза ответила вопросом на вопрос:

— Кто послал вас сюда?

Он на это:

— Я почувствовал внутреннюю потребность явиться к вам.

Мать Тереза ласково улыбнулась гостю:

— Вот так и другие люди, как и вы, приходят ко мне и дают мне такой же ответ. Совершенно ясно: Господь посылает и вас, и всех прочих, чтобы вы позаботились о наших материальных нуждах. Вы и есть мой бюджет.

Если бы сестры целиком и полностью не полагались на Божье попечение, как могли бы они принять

на себя ответственность за тысячи и десятки тысяч больных, умирающих и голодающих, за маленьких детей? Они бы впали в отчаяние! Но сестры милосердия всегда улыбаются. Почему? Потому что они живут в свете Божьего Провидения.

Бедные – чудесные люди

Чтобы вполне оценить харизму матери Терезы, нужно отдавать себе отчет в том, что ее призванием было служение не просто бедным, но беднейшим из бедных («To the poorest of the poor»), тем, кто не умел помочь себе и не имел никого, кто бы о них позаботился.

Мать Тереза отнюдь не была «гуру». Она с большим уважением относилась к призванию других.

— Если ты призван воспитывать молодежь, это и есть твое призвание. Это и есть то, чего хочет от тебя Бог.

Я часто слышал от нее простую мысль:

— Я не умею делать то, что умеешь ты. А ты не умеешь того, что умею я. Вместе мы сможем сделать для Бога что-нибудь прекрасное.

Она не считала бедность ни идеалом, ни судьбой, которую Бог посылает человеку.

— Бог не создавал бедность. Это мы создали бедность и нищету, потому что не хотим делиться друг с другом.

В начале моего знакомства с матерью Терезой меня отчасти смущала ее склонность, едва перебравшись в новый дом, тут же приглашать туда бедняков. Чуть ли не принуждать их прийти. Всякий раз, когда она открывала новое прибежище, все бедняки округи получали приглашение к первой Святой мессе. Так поставила мать Тереза. Но теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что таким образом в Евхаристии и в присутствующих на ней бедняках мать Тереза принимала Иисуса.

Должен признаться, я бы на первую мессу с матерью Терезой позвал иную публику, а не этих, мало сведущих в порядке службы, странно выглядящих, а зачастую и неприятно пахнувших людей. Взять хотя бы первую службу в Вене. Дивная красота обряда, прекрасное пение сестер. По завершении мессы сестры прочитали вместе с матерью Терезой четыре свои особые молитвы. Они собирались вернуться к работе. В тот момент они обустроивали только что основанное отделение в Вене. Я вернулся из ризницы в капеллу, чтобы прочесть благодарственную молитву. Все прихожане вроде бы уже разошлись. Я опустился на колени за алтарем.

И тут по другую сторону алтаря я заметил бездомного нищего. В Вене их называют «сандлер». На ногах у него зияли открытые раны. Мне показалось,

что он немного выпивши. На мой вкус — зрелище весьма неприятное. Надеюсь про себя, что этот человек вскорости удалится, я принялся довольно бодро и набожно, хотя и не слишком сосредоточенно молиться. Но тут «сандлер» заговорил. Я испугался: мне показалось, что он обращается ко мне. В следующий момент я понял — и мне стало стыдно, — что он молится:

— Вот, Иисусе, вот и я туточки. Давно уж надумал. Не знам, радый Ты мне или нет, но мне туточки ндравится.

Минут пять он разглагольствовал в таком же духе, разговаривая с Иисусом очень фамильярно — и очень, как я стал понимать, задушевно. То была самая чистая, самая сердечная молитва, какую мне доводилось слышать. Меня, стоявшего на коленях за алтарем, он не замечал. Он думал, что остался наедине со своим Иисусом и может поговорить с Ним без помех. С тех пор я стал относиться к нищим и бездомным совсем иначе.

Его молитва тронула мое сердце и подтвердила слова матери Терезы, которые она так часто повторяла: «Бедные — чудесные люди» («The poor are wonderful people»). Мы видим их снаружи, видим их в отпугивающем облачении бедности, в этом внешнем покрове, который скрывает от нас истинную сущность. Как редко удастся заглянуть в сердце человеческое, подобно тому, как мне выпало тогда в Вене! Вот почему мать Тереза наставляла: «Никогда не судите!» («Never judge!»)

Бедняки Калькутты жили, да и сейчас живут, в неопишуемых условиях. Воздух города был настолько загрязнен, что человек, надевший поутру чистую со-

рочку и вышедший купить «Kalkutta Herald Tribune», возвращался домой в черной рубашке. Жара, влажность, пыль и грязь от проезжавших автомобилей. Особенно скверно становилось в безветренную погоду. Горели свалки, над городом нависал туман и специфический дым.

Вот почему одной из важнейших повседневных задач сестер была уборка. Они мыли не только свой дом, но и дома бедняков, которые посещали. Уборка, уборка, нескончаемая уборка. Вернувшись после «уборочного визита» домой, они вынуждены были стирать свои сари. Уборка была делом Святого Духа. От нее зависела жизнь: если в городе, подобном Калькутте, перестать убираться, жизнь прекратится. Она станет больной, уродливой и угаснет.

Итак, уборка поддерживает жизнь, а все, что способствует поддержанию жизни, исходит от Святого Духа. Занимаясь уборкой, мы в повседневной жизни соприкасаемся со Святым Духом!

Если больного, умирающего человека не обмывать, не поддерживать чистоту вокруг него, конец наступает гораздо быстрее. Гигиена умирающих — одно из важнейших и ответственных дел сестер милосердия. «Дом умирающих» ежедневно мыли от пола до потолка. Мыли все, буквально каждую мелочь.

Сестры постоянно ведут борьбу с грязью. И с телесной, и с духовной!

В каждом сестринском доме центром является часовня со Святыми Дарами. Здесь все должно быть достойно и по возможности красиво. Конечно, у каждого человека свой вкус. Мать Тереза, к примеру, высоко ценила фосфоресцирующие статуэтки Богоматери, а многие другие люди воспринимали их с меньшим восторгом. Но соответствовали они строгому вкусу или

нет, по крайней мере, эти статуэтки были безукоризненно чистыми!

Возьмем, к примеру, большую часовню в главном здании конгрегации на Лауэр Сиркулар Роуд в Калькутте. Посреди широкой и тогда еще не заасфальтированной улицы проложили трамвайные пути. Справа и слева по шестиполосному шоссе неслись автомобили и грузовики. Каждый проезжавший мимо дома автомобиль обдавал часовню облаком пыли. А грохот был такой, что архиепископ, вознамерившийся отслужить мессу вместе с сестрами, вынужден был попросить микрофон и громкоговоритель. Сестры плакали от счастья: наконец-то спустя столько лет они не только присутствуют на службе, но и *слышат* ее. Из-за уличного шума они до сей поры, как правило, не разбирали слов проповедника, а чтение из Евангелия угадывали постольку, поскольку смотрели в свои молитвенники.

Но и подобное неустройство было формой бедности, которую с железной последовательностью соблюдала мать Тереза. Правда, в данном случае мать Тереза смягчилась лишь потому, что епископ явился самолучно и распорядился установить микрофон. К тому времени, когда мне довелось служить в этой часовне, микрофон уже не помогал: грохот окружной дороги и вопли прохожих заглушали все. Смириться с этим я не мог и попытался намекнуть матери Терезе: не слишком-то уместно служить мессу на фоне шума, с которым и Ниагарский водопад едва ли сравнится. Знаете, что она мне ответила?

— Это музыка.

И к тому же грязь. Пол в часовне мыли трижды в день, выбивали коврики и салфетки. По-другому никак: все тут же покрывалось толстым слоем пыли. Но в

ризнице все оставалось безупречно чистым. Об этом заботились сестры, и в этой заботе выражалась их преданность Евхаристии. Мне ни разу не случилось надеть облачение, которое не было бы свежевыстиранным. И учтите: это в доме, где обитало более 300 сестер, а источник воды имелся один-единственный. Они спозаранку собирались возле источника и набирали воду, чтобы согласно строжайше заведенному распорядку, начать день со стирки своих сари. При виде сестер, собиравшихся около 4.20 утра возле источника, становилось ясно: они и сами живут как беднейшие из бедных, по слову матери Терезы: «Мы не сможем помочь беднякам, если сами не познаем бедность».

В Калькутте мать Тереза ежедневно провожала очередную группу волонтеров в хоспис Нирмал Хридей, дом для умирающих. Он был ее любимым детищем. После утренней мессы, перед завтраком, она произносила краткую речь и отправлялась с группой в Нирмал Хридей. Я обратил внимание, что после речи она обычно казалась взволнованной более чем обычно, и даже нетерпеливой, как будто ее что-то подгоняло. В хосписе она тут же назначала каждому из волонтеров задание, каждого брала за руку, проводила его через ряды коек к его личному подопечному, клала руку волонтера на лоб пациента и кратко, точно определяла, что именно он должен для него сделать: покормить, просто посидеть рядом, помолиться или побрить умирающего. Тем самым она оказывала большую помощь этим молодым людям из Европы и Америки, ведь они еще никогда не сталкивались со смертью, а первый раз подойти к человеку, который вот-вот расстанется с жизнью, очень нелегко.

Наконец, распределив задания, Мать Тереза выходила на крыльцо и останавливалась на верхней сту-

пеньке. Оттуда она могла наблюдать за всем, что творилось в помещении. Тут она широко улыбалась, довольная, умиротворенная. Только теперь она могла вздохнуть с облегчением.

Когда в Калькутту приехал Папа Иоанн Павел II, она и с ним проделала то же самое: взяла Папу за руку, подвела его к умирающему и попросила:

— Благословите его, Святой Отец! («Holy Father, please bless him!»)

Мать Тереза не ставила себе задачу обращать людей в свою веру — это может сделать только Бог. Она хотела, чтобы люди начали общаться с Иисусом («To put you in touch with Jesus»). Подводя волонтера, сотрудницу или самого Папу к умирающему, она обеспечивала им общение с Иисусом.

Ведь Иисуса — в этом мать Тереза была глубоко убеждена — мы принимаем, во-первых, в Евхаристии, а во-вторых, принимая беднейших из бедных. Он — в каждом страдающем человеке, нашем собрате. Видеть Иисуса в бедных предписано Библией столь же ясно, как и принимать Его в Евхаристии: «Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф 25:40). Поясняя эту мысль, мать Тереза поднимала вверх руку и отсчитывала каждое слово Евангелия по пальцам: «Вы-сделали-это-для-Меня» («You-did-it-to-me»). Для нее присутствие Иисуса в беднейших из бедных было такой же несомненной реальностью, как и Его присутствие в Евхаристии. Американский корреспондент, наблюдавший, как мать Тереза ухаживает за больным, смазывая омерзительные язвы, с отвращением воскликнул:

— Я не стал бы это делать и за миллион долларов.

— За миллион долларов и я не стала бы! — ответила мать Тереза.

Разумеется, нет: она делала это ради Христа.

С годами я стал обращать внимание, что кормление бедняков лишь поначалу дается с трудом, требует некоего внутреннего преодоления себя. Большинство людей, участвующих в такого рода помощи, преисполняются величайшей радости. С некоторыми из этих «избалованных бедняков» у них завязываются интересные разговоры, иногда — длящиеся годами. И тут-то, познакомившись ближе с бедняками и с их судьбами, понимаешь: они и в самом деле — «чудесные люди».

Нужно понять, что слово Иисуса на кресте — «Жажду!» — выражало не только физическую потребность, но несло в себе гораздо более глубокое измерение. «Жажду!» — сказал Он, и принял предложенный Ему уксус, хотя перед казнью отказался от дурманящего напитка. После бичевания, после многих мучений, после того как Он три часа висел распятый на полуденной иерусалимской жаре, Иисусу вместо воды протягивают уксус. Губы у Него, вероятно, потрескались до крови. Страшно представить себе, какую боль должен был причинить Ему уксус.

Но еще глубже — духовный смысл. Иисус начал публичное служение с того, что на свадьбе в Кане превратил воду в наилучшее вино. И вот Он заканчивает Свое земное служение, и солдаты протягивают Ему уксус — вино прокисшее.

Уксус стоял наготове у подножья креста: солдаты омывали им руки — это было средство гигиены. Значит, Иисус получил уксус вместе с попавшей в него грязью, и все же согласился утолить им жажду. Применяя этот символ к своей жизни, мы понимаем: любовь

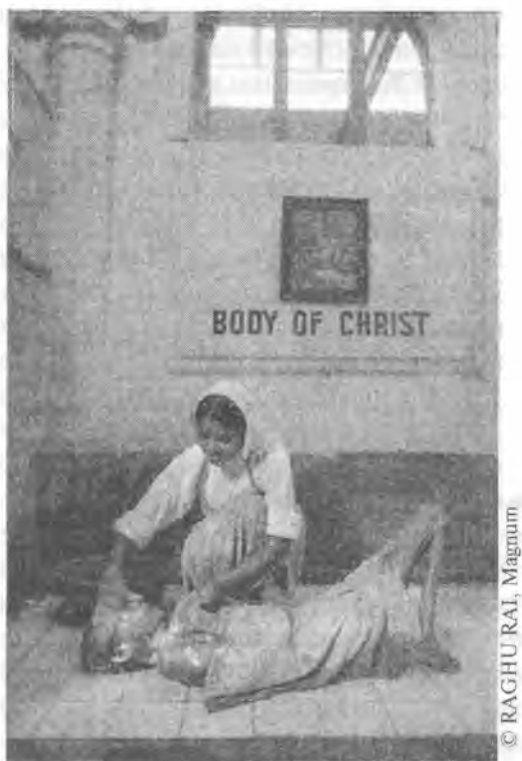
Божья принимает даже укус нашей жизни, то есть все наши грехи, упущения, слабости, предательства и измены. Укус и грязь — помой нашей жизни.

Священники Конгрегации миссионеров милосердия истолковали и прокомментировали тот смысл, который мать Тереза придавала этому слову Иисуса — «Жажду!». Они способствовали тому, чтобы это понимание распространилось и стало общепринятым: Бог так жаждет нашей любви, что мы можем с полным доверием обращаться к Нему, приходить к Нему вновь и вновь. Мир всегда старается увести нас прочь от чувства принадлежности Богу, от этого «*Belonging to God*». Мир хочет, чтобы мы принадлежали только миру. А мы и в самом деле сильно в нем укоренены...

Это слово Иисуса на кресте — «Жажду!» — ключ к деятельности и ко всей жизни матери Терезы.

В нем — весть, напоминающая нам о том, чего жаждет Сам Иисус. Он жаждет нашей любви и спасения душ, то есть спасения наших братьев по человечеству. В нашей культуре принято выражать человеку приязнь, обнимая его. А чтобы обнять человека, нужно сначала раскрыть руки, раскинуть их в стороны. Если сжать кулаки и держать их перед грудью, обнять вряд ли удастся. Боксерская стойка выражает противоположность любви — оборону, превентивную агрессию, недоверие, готовность к насилию. Иисус на кресте простирает руки, чтобы обнять нас всех, обнять человечество.

Мать Тереза обладала даром излагать сложнейшие богословские учения простыми и краткими фразами. Даже лозунгами, которые легко было понять и запомнить. Ее служение Иисусу, явленному в беднейших из бедных, лучше всего иллюстрирует такая картина из жизни Калькутты. Спозаранку на улицах много лежа-

«Тело Христово» в страшном облиции бедности

щих, спящих людей — их сотни и тысячи, им негде ночевать. И мать Тереза говорит:

— Смотрите, отец, Иисус ждет нашей любви.

А представление матери Терезы о духовном наилучшим образом передает снимок, сделанный индийским фотографом Рагху Раи: сестра из Конгрегации миссионеров милосердия склоняется над умирающим, а за

ее спиной на стене огромными буквами написано: «Body of Christ» — «Тело Христово».

Как-то раз мы после долгого и утомительного путешествия в поезде приближались к вокзалу Шинти Нагар, деревни прокаженных. Во мне шевельнулось беспокойство: интересно, что я почувствую, оказавшись посреди прокаженных? Я признался матери Терезе в том, что начал нервничать, испытываю беспокойство и даже страх при мысли об ожидающей меня встрече с больными.

Она ответила мне:

— Отец, там, в ужасном облиции беднейших из бедных, ты встретишь Самого Иисуса. Наша поездка принесет радость, ибо хуже бедности — одиночество и отсутствие любви. В нынешние времена самый тяжелый недуг не лепра и не туберкулез, а чувство, что ты никому не нужен.

Эти слова напомнили мне другое изречение матери Терезы: «Мир более изголодался по любви и уважению, чем по хлебу».

Когда мы с матерью Терезой шли от станции, одна женщина, уже в далеко зашедшей стадии болезни, начала вдруг петь удивительно красивым голосом. Этой песней она благодарила мать Терезу за любовь и заботу, которые получали от нее и эта женщина, и ее товарищи по несчастью. Я был чрезвычайно тронут и начал понимать, почему нашу глубочайшую потребность в любви могут утолить лишь исполненные Святого Духа люди. Ни деньги, ни хлеб сами по себе этой потребности не восполняют.

Мать Терезу нередко попрекали тем, что она не помогает людям «самим помогать себе». Так сказать, дает беднякам рыбу, а следовало бы вручить им удочки и научить рыбу ловить. Она всегда отвечала: «Мои бед-

няки слишком слабенькие, им удочку в руках не удержать». И добавляла, подмигивая: «Вот когда они выздоровеют и окрепнут, пусть тогда наши критики учат их, как ловить рыбу!»

Однажды она заговорила со мной о том, правильно ли оказывать помощь безо всякого вознаграждения.

— Многие люди попрекают меня, — рассуждала мать Тереза, — говорят, что я развращаю бедняков, раз они все получают даром. Но уж как балует нас Сам Господь Бог! Вот подумай: ты получил от него хорошее зрение, можешь читать. А что если бы Господь потребовал от тебя денег за то, что дал тебе глаза? Взгляни, как светит солнышко! А что если бы Господь велел нам работать часов пять подряд, чтобы заслужить право два часа наслаждаться солнечным светом? Я как-то раз говорила сестрам: хватает конгрегаций, которые балуют богатых, так что не беда, если хотя бы одна конгрегация побалует бедняков.

Бизнес матери Терезы

Как-то раз у нас была промежуточная посадка в Майами, и мы отправились на ночевку в сестринский дом. Перед домом в автомобиле сидел, чего-то дожидаясь, мужчина. Я заговорил с ним, и вот что он мне рассказал: по профессии он — архитектор, до появления здесь сестер воцерковлен не был. Как только сестры обосновались в Майами, его жена свела с ними знакомство. По доброте сердечной она стала помогать на кухне, ухаживала за больными и всячески старалась участвовать в благом деле. Муж отнесся к затеям жены сочувственно, заезжал за ней после окончания ею работы. Однажды он приехал сюда и ждал в автомобиле — так же, как в тот день, когда мы с ним разговорились.

Жена вышла из столовой для бедных, а с ней — какая-то невысокая немолодая монахиня. Жена представила архитектору мать Терезу. Та поблагодарила супруга за то, что он проявляет понимание и помогает жене работать с сестрами. Затем она спросила, кто он по профессии.

— Я архитектор.

— Замечательно! Значит, вы сможете сделать для нас несколько копий.

— Охотно. Что нужно скопировать?

Мать Тереза протянула ему визитку, «бизнес-карточку», и он прочел:

Плод тишины — молитва.

Плод молитвы — вера.

Плод веры — любовь.

Плод любви — служение.

Плод служения — мир.

Мать Тереза медленно и внятно прочла архитектору эти слова.

— Вы сможете сделать несколько таких карточек?

— Да, конечно. Дивные слова. Я сделаю вам копии. Сколько нужно — десять, двадцать?

— Будьте добры, тридцать тысяч, — попросила мать Тереза.

Я поинтересовался, выполнил ли он эту просьбу. Архитектор засмеялся в ответ:

— Да-да. Напечатал их огромное количество. И построил для матери Терезы два здания — дом престарелых и сестринский дом.

Из просьбы напечатать «несколько» визиток родилась прочная дружба, и приветливый, отзывчивый архитектор обрел веру.

Обзавестись столь своеобразной визиткой мать Терезу побудил преуспевающий индийский предприниматель. Он придерживался индуистской религии, но хотел что-то пожертвовать сестрам. А чтобы дать им понять, кто он такой и чем занимается, передал матери Терезе свою визитку. Мать Тереза внимательно рассмотрела карточку и произнесла:

— Замечательная идея!

Многие из слышавших ее слова чуть не поверили, что ей понравился бизнес этого человека, и она хочет принять в нем какое-то участие.

— Какая идея? — спросили сестры.

— Нам тоже нужна такая карточка! — воскликнула мать Тереза.

Так появилась ее уникальная визитка с процитированным выше текстом. На обороте мать Тереза написала: «Мария, Матерь Иисуса, будь отныне и моей Матерью» («Mary, mother of Jesus, be mother to me now»).

Это и была ее визитка. Замечательная визитка, на которой не обозначалось ее имя — только ее «бизнес».

Семейство Колпинг из северной Германии передало матери Терезе щедрое пожертвование. Как это часто бывает, по такому случаю устроили большой прием с фуршетом. Мать Тереза с трудом терпела подобные мероприятия — с трудом, но терпела. За угощением кто-то вздумал попрекнуть организаторов мероприятия: мол, жалость-то какая, все, что не съедят, будет выброшено. Потрясенная мать Тереза стала спрашивать: как же так, почему хорошую еду выбрасывают? Ей объяснили, что таковы санитарные нормы. И ни о чем другом она на приеме уже говорить не могла.

Переменить закон было не в ее власти, но, по крайней мере, она заставила многих людей призадуматься.

С этого приема мать Терезу на вертолете переправили на следующий, который устроил в ее честь сам канцлер ФРГ Гельмут Коль. Епископ Хнилица, мать Тереза, две сестры и я с трудом молились в грохоте пропеллеров по Бrevиарию*. Зато розарий дался нам легче — рокот вертолета точно совпадал с его ритмом. Только мы закончили, как мать Тереза, верная своей привычке обо всех заботиться, полезла в сумку и вытащила индийское украшение, которое традиционно вешают на шею гостю. Им она порадовала епископа:

— В самый раз для епископа, вишенка точно под цвет вашего пояса.

Из этой казавшейся бездонной сумки явились хлеб, бутерброды, фрукты и сладости. В ответ на удивленные вопросы, откуда взялось такое богатство, мать Тереза лишь плечами пожала:

— Раз прием устраивали для меня, я и прихватила столько, сколько в сумку влезло.

Чаше прочих мать Тереза летала самолетами авиакомпании Pan Am. Там ей во всем шли навстречу. С билетом экономического класса, а порой и вовсе без билета усаживали в салон первого класса, обеспечивали VIP-обслуживание: стюардессы прямо из самолета провожали мать Терезу в зал для VIP-персон, сами получали ее багаж и вместо нее проходили пограничный контроль, а она имела возможность тем

* Бrevиарий (лат. *breviarium* — молитвенник) — богослужебная книга, содержащая чинопоследования литургических часов согласно обряду Римской Церкви. Русскую версию Бrevиария, по аналогии с богослужебной книгой византийского обряда, называют также Часословом. — Прим. ред.

временем отдохнуть в комфортных условиях. На такое же обращение могли рассчитывать и спутники матери Терезы. Человек ведь быстро привыкает к хорошему, но поначалу я даже удивлялся, почему мать Тереза никогда не протестует против такого внимания со стороны авиакомпании, не проявляет «скромности». Она принимала все эти услуги без малейшего возражения. С другой стороны, когда на других авиалиниях подобных удобств не предоставлялось или там вообще понятия не имели, кто такая мать Тереза, меня это задевало, а мать Тереза как будто ничего и не замечала — равно как не обращала внимания и на свои «привилегии».

В нашем первом с матерью Терезой совместном полете я еще плохо себе представлял, каковы мои обязанности. Ко мне подходили пассажиры, просили разрешения хоть пять минут побеседовать с матерью Терезой. Одна стюардесса тоже обратилась ко мне:

— Как вы думаете, отец, нельзя ли мне поговорить с матерью Терезой? Я уже в четвертый раз имею счастье сопровождать ее в полете.

Я ответил:

— А я лечу с матерью Терезой в первый раз, так что вы знаете ее гораздо лучше, чем я.

Минуту спустя растроганная стюардесса чуть не плакала: мать Тереза спросила, удалось ли ее дочери найти работу, и подарила ей чудотворные медальоны для нее самой и для дочери. Была, однако, у матери Терезы и просьба:

— Пожалуйста, не забудьте собрать все остатки пищи и отдать нам, когда мы прилетим. Это для наших бедняков.

И действительно, в VIP-салон доставили восемь аккуратно упакованных пакетов с бутербродами и

шоколадками и передали матери Терезе для ее подопечных. Стюардесса позаботилась даже об одноразовой посуде.

Во время полета стюардесса доложила пилотам, кто находится в салоне первого класса. Один из пилотов пришел к нам, чтобы поздороваться с матерью Терезой, но она как раз задремала. Он тихонечко прошел мимо, снял форменную фуражку и сообщил всем пассажирам, что вместе с ними летит мать Тереза, и каждый желающий может прямо сейчас передать ему пожертвование для ее бедняков. С фуражкой в руках он обошел весь самолет и принес нам шестьсот с лишним долларов.

Господь подает своим даже во сне!

И в дальнейшем я неоднократно был свидетелем, как попутчики тихонько клали на кресло матери Терезы свои пожертвования или собирали деньги, пока она спала. Как-то раз она проснулась, а сестра предъявила ей немалую сумму, которую успели собрать, куда она отдыхала.

— Сестры! — сказала она радостно. — Мне, значит, надо почаще засыпать!

Но в полете она спала недолго, и по большей части молилась: сначала по Бревиарию, а завершалось все розарием. Потом она вынимала из сумки толстую пачку бумаг, клала их на откидной столик и продолжала работать с того места, на котором остановилась. Порой она задремывала над бумагами, потому что очень уставала. К тому же смена часовых поясов сбивала ритм ее сна. Однако, едва очнувшись, мать Тереза сразу же возвращалась к тому, чем занималась.

Найдено уже более 5000 писем, написанных ею различным группам людей — детям, политикам, семьям, монашеским конгрегациям.

Строжайшая самодисциплина не позволяла матери Терезе терять ни минуты времени. Пока сопровождающие спали или что-то читали, чтобы скоротать время в полете, она упорно трудилась, писала людям письма, из которых те черпали совет и утешение.

Хилари Клинтон, позднее ставшая Государственным секретарем США, а тогда бывшая первой леди Америки, признавалась: по возвращении из поездок она всегда находила у себя на рабочем столе сердитые письма, «послания ненависти» («hate mail»), однако непременно встречалась и какая-нибудь поздравительная открытка, краткий привет, «послание любви» («love mail»). Автором этих «посланий любви» часто бывала мать Тереза.

И это опять-таки — часть «бизнеса» матери Терезы!

Как-то раз в тогда еще советской Москве мы торопливо шли по улице с одного мероприятия на другое и вдруг заметили, что вокруг совсем нет радостных лиц, только печальные, испуганные, озабоченные. Мы обратили на это внимание матери Терезы, и она сказала:

— Да, вот тут-то и понимаешь: когда мы улыбаемся друг другу, это — деяние любви, это дар одного человека другому, это — чудо.

Однажды мать Тереза по пути из Мюнхена решила навестить и наставить сестер из сестринского дома в Загребе. Дом работал совсем недолго. Режим Тито в Югославии еще не успел пасть, коммунистическое правительство все еще крепко сидело в седле, все контролировало и всячески всех стесняло. Как всегда, очередной этап нашего путешествия не был спланирован заранее — предполагалось, что мы полетим в Варшаву. Рано утром в день отъезда я спустился с холма

Каптол, где тогда располагался загребский филиал Конгрегации миссионеров милосердия, в Старый город, чтобы приобрести два билета до Варшавы — для себя и для матери Терезы. Терпение, признаюсь, не входит в число моих добродетелей, и полтора часа в очереди дались мне с немалым трудом. Около десяти утра я, наконец, получил билеты.

Только я возвратился на Каптол, мать Тереза пригласила меня к себе и сказала:

— Прошу прощения, отец, но мы не летим в Варшаву, нам нужно вернуться в Мюнхен. Выясни, пожалуйста, можно ли обменять билеты?

Я снова отправился в город, выстоял еще сорок минут в очереди и успел обменять билеты как раз перед обеденным перерывом. С двумя билетами в Мюнхен я возвратился к сестрам, которые уже приступили к дневной молитве.

Когда сестры выходили после молитвы из часовни, я сердито проворчал, обращаясь к загребской настоятельнице:

— Замучился я покупать-сдавать билеты. Неужели нельзя планировать заранее?

Она рассмеялась в ответ:

— Отец, вам разве неизвестно, что означает аббревиатура нашей конгрегации — эти буквы МС?

— *Missionary of Charity*, Конгрегация миссионеров милосердия?

— Да, конечно, — кивнула она. — Но еще и «much confusion» — «сплошная суматоха».

Это исполненное добродушного юмора пояснение помогло мне восстановить душевное равновесие, а тут и мать Тереза подоспела с извинениями:

— Отец, мне, право, очень жаль, но все-таки мы едем в Варшаву. Можно ли еще раз обменять билеты?

И я снова пошел в город, стоял в очереди, упрашивал, выслушивал ехидные замечания. В конечном итоге я чудом успел вернуться к трем часам с билетами — и уже пора было отправляться в аэропорт, наш самолет вылетал в 17 часов с минутами. Я гордился собой — еще бы, проделать столько операций, не потеряв при этом денег, не уплатив никаких штрафов! Но и устал я изрядно от этой «much confusion», так что, усевшись подле матери Терезы в самолете, я не отказал себе в злорадном удовольствии сообщить ей:

— Матушка, сегодня я выяснил, что на самом деле обозначают буквы МС — не Конгрегацию миссионеров милосердия, а «much confusion», «сплошную суматоху».

Со своей неизъяснимо прелестной улыбкой мать Тереза обернулась ко мне и сказала:

— Отец, а другие-то значения ты знаешь? More confusion, mental case, multiple change... — «полная неразбериха, сумасшествие, постоянные перемены»...

Она предложила еще несколько таких же комических толкований, которые я сейчас не вспомню. В одно мгновение весь мой гнев по поводу неправильного планирования и плохой организации дела растаял.

Иногда отсутствие планирования и непунктуальность оборачиваются глотком свободы, о чем свидетельствует следующий эпизод из нашей «сплошной суматохи».

Однажды, собравшись в основанную матерью Терезой деревню-лепрозорий Шанти Нагар, мы на три часа застряли на главном вокзале Калькутты — Хобарте. То была прекрасная возможность для всех сопровождавших мать Терезу сперва помолиться вместе с ней, а затем поговорить. И нам во время беседы ни-

сколько не мешали десятки мужчин и женщин, которые, узнавая мать Терезу, подходили за благословением. А вот поездка по Японии, как я узнал от матери Терезы, происходила совсем по-другому: скорый поезд в мгновение ока доставил мать Терезу из Токио в Осаку. В отличие от Индии, в Японии все функционирует без сучка и задоринки.

— Это прекрасно, — рассказывала мать Тереза. — Поезда ходят строго по расписанию, кресла очень удобные.

Однако ее что-то смущало, так что она добавила:

— И все-таки жаль мне японцев! Ведь они не могут себе позволить даже на минуточку опоздать.

Говори с ними об Иисусе

В Вене только что построили новый дом миссионеров милосердия. И тут мать Тереза обратилась ко мне и спросила, готов ли я провести реколлекции для сестер. Тогда я был еще «молодым», недавно принявшим сан священником и воспринял это поручение как большую честь. Я уже знал, что мать Тереза весьма придирчиво отбирает священников, которым доверяет проводить духовные упражнения с сестрами. Она следила за тем, чтобы сестры получали простое, но основательное духовное наставление, чтобы их вера укреплялась и углублялась.

Вполне осознавая, какая честь мне оказана, я с некоторой тревогой спросил:

— Когда начинаются реколлеции?

— Завтра! — суховати ответила она.

Такой ответ меня подкосил. Я же впервые получил такое задание.

— Как это будет? О чем мне следует говорить с ними, мать Тереза? — пробормотал я в растерянности.

— Говори с ними об Иисусе! О чем же еще?

Потом я узнал, что это наставление она давала каждому священнику: просто говорите об Иисусе, рассказывайте о Нем, о том, как сами пришли к вере в Него. Однако мне предстояло ежедневно проводить четыре беседы по 45 минут каждая. О чем конкретно мне следовало говорить? Этого я не знал, но сказал себе: раз уж мать Тереза возлагает на меня такое поручение, Святой Дух не откажет мне в сотрудничестве. Я принялся молиться, листать книги, в ударном темпе прочел «Духовные упражнения» святого Игнатия Лойолы, и в тот же вечер Святой Дух послал мне кассеты с проповедями отца Ханса Буоба о святой мессе. К трем часам утра я закончил прослушивать и конспектировать первую кассету и перевел свои записи на английский.

На следующий день я подготовил на основе этого конспекта свое выступление, разделив его на четыре лекции и украсив собственными примерами, какие в тот момент пришли мне на ум. Так и пошло: вечером я возвращался домой, тут же включал магнитофон и конспектировал очередную запись. Восемь кассет — восемь дней, ведь духовные упражнения сестер всегда продолжались ровно восемь дней. Наши реколлеции прошли с большим успехом, и сестры даже сегодня напоминают мне о том, какое сильное впечатление произвели на них тогда мои проповеди. Без сомнения, Дух Святой помогал мне и говорил через меня и отца Ханса.

Следует отметить, что на первом собрании присутствовала и мать Тереза. На следующий день ей пришлось уехать по делам, но, я так понимаю, она хотела хоть одним глазком подсмотреть, как справляется новичок. Нужно же было ей знать, чему неопытный проповедник собирается учить ее питомиц! Я, конечно же, очень нервничал.

С тех пор мне часто поручали проводить духовные упражнения для сестер матери Терезы. Однажды я спросил настоятельницу, возглавлявшую региональное отделение конгрегации, есть ли какая-то важная для ее сестер проблема, на которой мне следует сосредоточиться во время разговора. К моему великому изумлению монахиня предложила мне вопрос:

— Как обращаться с сумасшедшими священниками? («How to deal with crazy priests?»)

Очевидно, для сестер это была важная проблема, ведь священники, принимавшие у них обеты и наставлявшие их, порой не в состоянии были справиться с личными проблемами.

К священникам мать Тереза относилась с подчеркнутым уважением, оказывала им большую честь, нежели высокопоставленным чиновникам и собственным сестрам. За трапезой, при распределении мест за столом, отводя время для отдыха — во всех этих проявлениях материнской заботы мать Тереза имела особое попечение о священниках. Откуда, почему у нее был такой, можно сказать, «культ» священников?

Разгадку я нахожу в ответе, который мать Тереза дала журналисту, спросившему ее о тайне ее всемирного успеха:

— Я каждый день, каждое утро принимаю Святое Причастие.

Наверное, именно поэтому ей всегда требовалось иметь под рукой священников, и по той же причине она особенно о них заботилась.

По этой же причине она просила у епископа, приглашавшего сестер поселиться у него в епархии, три письменные гарантии: им будет обеспеченно право хранить у себя в часовне Святые Дары и причащаться, им назначат священника, который будет ежедневно совершать службу, и будет разрешено собирать милостыню на подвластной этому епископу территории.

Мать Тереза была миссионеркой до кончиков ногтей: в каждом человеке она видела действие Иисусовой любви и Божьего всемогущества. Помню, как мы вместе летели на большом вертолете в Прагу. Стояла прекрасная погода. Пилота просили держаться как можно ближе к земле — проблемы с сердцем у матери Терезы все больше давали о себе знать. И вертолет, к моей радости, действительно летел так низко, что мы могли разглядеть все детали пейзажа. Порой казалось, что кроны высоких деревьев можно коснуться рукой, пилот только что не следовал по лесным просекам. Позднее я узнал, что этот человек был летчиком еще во время войны и среди авиаторов считался одним из самых опытных. Мать Тереза сидела у окна и смотрела на пейзаж, полностью погрузившись в созерцание этой красоты и мысли о Боге. Каждый холм, каждая изгородь, улица, дерево были видны совершенно отчетливо.

Вдруг она обернулась ко мне и сказала:

— Смотри, отец! — И после небольшой паузы: — Так просто увидеть красоту Бога. Только посмотри вниз! И постичь Его величие тоже нетрудно — ведь это

все сотворено Им. Гораздо труднее постичь Божье смирение.

Я пробормотал что-то вроде согласия, хотя при всем желании не мог понять, что такое «God's humility», «Божье смирение».

Прошло много лет. Эти загадочные слова о «Божьем смирении» запали мне в душу и с тех пор вспоминались не однажды. Да, мысль о Божьем смирении — мысль отрезвляющая. Он всемогущ, но Он не принуждает нас силой. Он Сам кладет предел Своему всемогуществу. Ради нашей свободы, ради любви к нам Бог сдерживает Свое всемогущество, не прибегает к силе. И более того: Он сделался беспомощным дитятей в яслях, Он принял крестную смерть, как беспомощный, беззащитный, страдающий человек. Не принуждая нас к добру, Бог принимает наше зло на Себя, как страдание, потому что если у нас не будет свободы, не будет и подлинной любви.

Лишь при условии, что мы настолько свободны, что можем и противостоять Богу, свободно сказать Ему «нет», наша готовность служить Ему обретает цену. Божье смирение предоставляет нам свободу.

После Святого Причастия сестры во всех отделениях конгрегации повторяют одну и ту же последовательность молитв, которые мать Тереза сама отобрала и часто громким, отчетливым голосом произносила вместе с ними. Одна из этих молитв принадлежит перу кардинала Ньюмена (1801-1890) и звучит так:

Возлюбленный Иисус,
Помоги нам распространить благоухание Твое
повсюду, куда мы приходим.
Исполни души наши Духом Твоим
и Твоей жизнью.

Наполни все наше бытие и полностью прими его,
Чтобы наша жизнь стала истинным отблеском
Твоей жизни.

Воссияй через нас и пребудь в нас так,
Чтобы каждый человек, которого мы встретим,
Ощутил Твое присутствие в нашей жизни.
Даруй, чтобы каждый, кто взглянет на нас,
Видел не нас, но только Тебя.

Пребудь с нами, чтобы от нас, подобно как от Тебя,
Исходил свет.

Ибо всякий свет исходит лишь от Тебя, Иисусе.

Ты — Свет, который через нас светит другим.

Мы хотим воздать Тебе хвалу, как Тебе
наиболее угодно:

Возвещать о Тебе, а не «проповедовать»:

Не словами возвещать, но тем, что мы есть,

С убедительной силой, с привлекательной силой
истинного знания,

С любовью к Тебе, Чья полнота явственно обитает
в наших сердцах.

Аминь.

Это было для матери Терезы главным: Иисус сияет
в нас и через нас, тут и слов не требуется.

По этому поводу вспоминается одно происшествие в обители сестер в Риме. Пьяный бродяга привалился к двери обители и, с трудом держась на ногах, принялся со всей мочи звонить в дверной звонок. Когда на этот зов примчалась сестра, он осыпал ее яростной бранью:

— Сестра, я голоден, дайте же наконец мне что-нибудь пожрать! Я тут целую вечность торчу! Чем вы заняты день напролет, что заставляете меня так долго ждать? Идите же, принесите мне еды!

Работа столовой давно закончилась, но сестра послушно направилась на кухню, чтобы приготовить что-нибудь для этого человека. Когда она складывала ему в пакет «сухой паек», ей пришла в голову отличная мысль: добавить еще и плитку шоколада. Она вынесла пьянице угощение, тот взял пакет, буркнул на прощание что-то вроде «Долго же вы провозились» и отправился закусить под ближайшее дерево. Там он открыл пакет, заглянул вовнутрь... Сверху лежала шоколадка. И вдруг этот бродяга словно протрезвел. Встал и вернулся к обителю, причем на этот раз он уже почти не шатался и звонок нажал один раз, бережно. Выглянула другая сестра, и бродяга, только что бывший таким грубым, очень вежливо спросил, нельзя ли на минутку вызвать сестру, которая собирала ему пакет с пайком. Сестру позвали, нищий кротко поглядел на нее и попросил:

— Сестра, а теперь расскажи мне о своем Иисусе!

Что было в плитке шоколада? Каким знаком сделалась она для этого человека? Наверное, то была искра милосердия, которая, стоит ей сверкнуть в повседневной жизни, осветит и укажет людям Иисуса, ибо Он Сам и есть милосердие. Мать Тереза сказала бы: «Милосердие Божье есть не что иное, как Сам обитающий в нас Иисус. Святость — не что иное, как Иисус, обитающий в тебе самом».

Святая Тереза из Лизье, любимая святая матери Терезы (в ее честь она и взяла имя Тереза при принятии обетов и выбрала ее своей личной покровительницей), говорила нечто подобное: «Когда я преисполняюсь любви, во мне действует Иисус и только Он. И чем более я сливаюсь воедино с Ним, тем горячее люблю моих сестер». Мать Тереза также давала нам возможность ощутить близость Иисуса в ней самой.

Суть Евангелия мать Тереза умела объяснить буквально на пальцах. Особенно охотно прибегала она к столь наглядному истолкованию в присутствии детей. Суть эта заключается в том, чтобы отождествлять Иисуса с нашими ближними, с беднейшими из бедных. На Страшном Суде, предупреждал Иисус, нас будут судить по тому, что мы сделали «меньшему из Его братьев». «Это-вы-сделали-для-Меня», — растолковывала мать Тереза, беря кого-то из малышей за руку и высоко поднимая его ладошку — на каждом слове она касалась одного пальчика и даже слегка трясла его, после чего приказывала всем детям дружно повторить: «Это вы сделали для Меня».

Существовала и расширенная версия, требовавшая пальцев обеих рук: «Я хочу стать святым и с Божьей помощью им стану».

Каждый волонтер, каждый сотрудник, являвшийся к ней в Калькутту, в скором времени выслушивал рассказ об индийском министре, обратившемся к матери Терезе с такими словами:

— Мы с вами оба занимаемся общественной работой, но разница между нами заключается в том, что я делаю это ради чего-то, а вы ради кого-то.

Мать Тереза завершала рассказ неизменным комментарием:

— И я уверена, что он прекрасно знал, ради Кого.

На заданный публично вопрос, состоит ли она в браке, мать Тереза ответила:

— Да, я замужем за Иисусом. Но не всегда получается Ему улыбаться. Он бывает таким требовательным!

Однако она вновь и вновь старалась улыбаться Ему, следуя правилу, в котором наставляла сестер:

— Когда у вас нет причин улыбаться, просто — улыбнитесь!

Принадлежать Иисусу для матери Терезы означало исполнять — конкретно и бескомпромиссно — работу Бога в мире. Это значило для нее превратиться в инструмент, при помощи которого Он осуществляет Свои планы. Каждый в силу своих способностей должен предоставлять себя для Божьего дела, утверждала мать Тереза, и если мы полностью положимся на Него и Его руководство, тут-то все и получится. Или, по крайней мере, мы «не испортим Его дело».

Однажды она сказала мне это напрямую. В 1986 году, когда мать Тереза приехала в Вену, мне поручили подготовить для телевидения интервью с ней. Я, человек с этим делом незнакомый, нервничал. Я никогда и в студии-то не бывал! Мать Тереза подметила мое состояние и окликнула меня:

— Отец, отчего ты разволновался? Разве наша жизнь не принадлежит целиком и полностью Богу?

— Конечно, принадлежит, — пристыжено отвечал я.

— Ну, так предоставим действовать Ему. — И после маленькой паузы она добавила: — От нас требуется только одно: молиться, чтобы мы ничего не испортили. Ведь это — Его дело.

Малые дела с великой любовью

Находясь рядом с матерью Терезой, большинство людей начинало понимать, сколь мало вещей в действительности нужно человеку и сколь небольшой суммой можно обойтись, если придерживаешься простого образа жизни. Начать хотя бы с одежды: сари матери Терезы постоянно латалось: в тех местах, где оно начинало просвечивать, нашивались заплаты, и сари служило дальше. Сестры норовили потихоньку убрать старые, еще не вполне расползшиеся на нитки сари матери Терезы в ларь. Главу своей конгрегации они об этом не предупреждали, но прятали ее одежду в благоразумном предвиденье беатификации: разуме-

ется, из них можно было со временем выкроить реликвии.

Однажды мать Тереза наткнулась на этот сундук и, конечно же, пожелала выяснить, зачем тут хранятся старые сари. Дальновидный сестринский план был разоблачен, и по требованию матери Терезы ее старые сари вновь вернулись в оборот. Я не знаю, закончилась ли на этом попытка заранее обрести святыню или же сборы старых сари продолжались?

Любой полученный ею подарок мать Тереза спешила как можно быстрее передать другому. Все принадлежало не ей, но бедным и нуждающимся или тому, кому, по мнению матери Терезы, именно в этот момент требовался небольшой знак любви и ободрения. Порой ей жертвовали дорогие, издавна хранившиеся в семье вещи: людям хотелось отдать эти памятные для них предметы святой и видеть, как она ими пользуется. Но простительное тщеславие таких жертвователей бывало обмануто: мать Тереза оказалась великим специалистом по передариванию. Помимо прочего, она утверждала, что отсутствие собственности, как и отсутствие планов, — глоток свободы, и потому все, чему она не находила немедленного применения, лишь отягощало ее.

Один богатый американец под впечатлением беседы с матерью Терезой и проповедуемого ею образа жизни, тронутый ее свидетельством, захотел подарить ей большой дом. Мать Тереза осведомилась, где расположен дом, и живут ли поблизости бедные. Выяснилось, что дом очень велик, а местность, где он находится, богата и процветает. Тогда она заявила, что подобный дом ей ни к чему, и с благодарностью отвергла подношение. Великодушный даритель не мог так легко отказаться от своего замысла, он настаивал:

пусть мать Тереза примет подарок, а какое-нибудь применение ему сыщется позже. Она призадумалась на минутку и ответила:

— То, что я не могу использовать прямо сейчас, лишь обременяет. — И после небольшой паузы: — А если мне что-то понадобится в будущем, Бог в будущем мне и пошлет.

«Важен не размер даяния. Важно, сколько любви мы в него вкладываем», — это изречение матери Терезы было мне к тому времени давно знакомо, и я вновь и вновь убеждался в его истинности.

Отец Паскуале Червера, руководитель движения священников «*Corpus Christi*», которое также было основано матерью Терезой, помог мне заново осмыслить ее слова.

Под конец конференции священнослужителей в Арсе (Франция) он спросил:

— Сможешь передать эти картинки моим друзьям в Вену? Мать Тереза всегда старается подарить каждому, с кем она встречается, что-нибудь маленькое, но памятное.

И вручил мне только что купленные в сувенирном магазине довольно-таки безвкусные открытки, написав на каждой из них несколько приветственных слов.

Я припомнил: мать Тереза и впрямь старается как можно скорее отдать кому-нибудь любую вещь, которая попадает ей в руки.

Я и сам получил от нее множество подарков, в том числе бумажные иконки с изображениями совершенно неведомых мне святых, красивую шерстяную шаль, которую она вручила мне в горах Центральной Индии (хотя ей самой было холодно), сосуд для святой воды и светящуюся в темноте статуэтку Богородицы с ладонь величиной — каким-то чудом ее рюкзак вмещал не-

мыслимое количество таких статуэток. Оттуда же, из рюкзака, она извлекла клейкую ленту и закрепила статуэтку на ветровом стекле моего автомобиля — так эта статуэтка и сопровождала меня много лет. А если бы я не умел вовремя уворачиваться, то сделался бы еще и владельцем чешского чайного сервиза, вязаных напульсников, тачки и множества других полезных вещей. Не забудем про чудотворные медальоны: по ее собственным словам, мать Тереза раздала их не менее сорока тысяч.

С какой любовью и охотой мать Тереза непременно дарила каждому, с кем встречалась, хоть что-нибудь! И тут же на ум приходит главная фраза брачного обета: «Прими это кольцо в знак моей любви и верности. Во имя Отца, Сына и Святого Духа».

Думаю, именно так она это и воспринимала. Даже самый малый подарок был зна́ком ее любви к одаряемому. Даже самым незначительным по цене подарком она пробивала брешь в панцире нашего эгоизма и отъединения. И скольких людей она таким образом «вскрыла»! Тепло ее прикосновения в тот момент, когда она вкладывала в ладони одаряемых чудотворный медальон и всегда крепко сжимала их руки своими, тоже было вестью любви, яснее всяких слов.

Одно такое «вскрытие панциря» произошло у меня на глазах и несколько напугало. Это было в Никарагуа, где в ту пору заправляла марксистки ориентированная диктатура сандинистского генерала Даниэля Ортеги. Мать Тереза просила о встрече с диктатором, она рассчитывала получить разрешение создать в этой стране отделение конгрегации. Встреча была назначена. Нас провели в комнату без окон. За широким, стоящим на

небольшом возвышении столом сидело четверо мужчин с автоматами.

Между своими охранниками восседал Даниэль Ортега. Он приветствовал нас троих — мать Терезу, одну из сестер и меня — пламенной получасовой речью о справедливости партизанской борьбы и о дьявольских кознях своих врагов. Наконец, пенясь гневом, он умолк и наступило молчание. Молчание, которое мать Тереза нарушила одной лишь фразой:

— Да-да, дела любви суть дела мира.

Напряжение усилилось. Никто не изъявлял желания перевести сказанные по-английски слова на испанский, чтобы президент мог их понять. Наконец эту неблагодарную задачу взяла на себя сестра. Заговорила неуверенно, дрожащим голосом. В комнате было душно. Не просто душно — чувствовалось опасное, искрящее напряжение.

Внезапно, не дожидаясь реакции диктатора на ее слова, мать Тереза поднялась и подошла вплотную к подиуму. Порылась в сумке, спросила Ортегу:

— У вас есть дети?

Толком не поняв, к чему такой вопрос, он тем не менее ответил:

— Да.

— Сколько?

— Семеро.

Мать Тереза вынула из сумки — не горстью, а по одному — семь медальонов, каждый из них поцеловала и подняла как можно выше, чтобы Ортега мог их принять — тоже, заметьте, не кучей, а по одному, сильно перегибаясь вперед, чтобы дотянуться до ладони матери Терезы, протягивающей ему этот дар.

— Жена у вас есть?

— Да!

Снова она роется в сумке, достает медальон, целует его, передает наверх.

— А это — для вас самого! — завершила обряд мать Тереза. — Вам он очень нужен. Вы должны надеть его на шею, вот так... — Она указала жестом на шнурок, украшавший шею диктатора, знаками пояснив, как следует повесить медальон.

Эта сцена полностью изменила атмосферу в комнате, и мать Тереза смогла преподнести диктатору главный свой подарок: пятерых сестер, которые поселятся в трущобах столицы и будут помогать беднейшим из бедных. На следующий же день она получила разрешение основать первую в Никарагуа обитель.

Всех сестер мать Тереза учила одному и тому же: подарок — знак любви. Сколь крепко они усвоили наставления основательницы конгрегации, я убедился много лет спустя, когда трудившиеся в Вене сестры попросили меня доставить в Нью-Йорк надежно перевязанный, «очень важный» пакет с надписью «Сестрам в Нью-Йорке — с любовью из Вены». В Нью-Йорке пакет раскрыли при мне, и я увидел, что «очень важная» посылка содержала только коробку конфет-пraliне.

Две недели спустя я возвращался в Вену через Вашингтон. В столице Соединенных Штатов мне опять-таки вручили «очень важную» посылку — «для сестер в Вене». Венские сестры с благодарностью приняли посылку, открыли ее, и я не поверил своим глазам: та же самая коробка пралине, которую я отвозил из Вены в Нью-Йорк. Выходит, из Нью-Йорка ее «с любовью» передали сестрам в Вашингтоне, и оттуда она вновь отправилась через океан — «с любовью из Вашингтона» — обратно к тем же венским сестрам. И мне стало ясно: подарок составляли не конфеты. Сестры дали друг другу любовь.

Поскольку в главном доме конгрегации в Калькутте на триста сестер приходился всего один священник, мать Тереза и некоторые сестры получили разрешение помогать ему во время Причастия. После службы мать Тереза выступала с обычной своей 15-минутной речью-размышлением перед волонтерами:

— Сегодня я помогала раздавать Тело Христово. Я держала двумя пальцами облатку и думала: «Как умалился Иисус, чтобы показать нам: Он ждет от нас не великих дел, но малых. Малых, но сотворенных с великой любовью».

У меня все еще хранится огромная плитка шоколада, присланная мне матерью Терезой на Пасху 1989 года из Армении. На обертке надписано: «Благослови тебя Бог. Мать Тереза». Я так и не отведал этого шоколада, и плитка внутри этой обертки, наверное, развалилась в труху. Но мне дороже любовь удивительной женщины, чьей рукой сделана надпись на обертке: «Важен не размер даяния. Важно, сколько любви мы в него вкладываем».

Выражением ее девиза — «Пусть твоя любовь проявится в живом действии» (Put your love into a living action) — было постоянное зоркое внимание ко всем окружающим ее людям. Мне также перепало немало ее благотворного внимания — к примеру, когда мы возвращались из университета в центральной части Индии, где мать Тереза получила почетную ученую степень. О визите матери Терезы сообщили местные газеты, и во время восьмичасовой поездки обратно в Мадрас (ныне Ченнай) улицы населенных пунктов были чуть ли не перекрыты толпами людей, мечтавших хоть мельком увидеть мать Терезу, помахать ей рукой,

когда она будет проезжать мимо. Мы продвигались очень медленно. Кортёж то и дело останавливался в какой-нибудь деревне, чтобы местные старейшины получили возможность приветствовать мать Терезу.

Солнце палило немилосердно. Звучали длинные речи, люди напирали, чтобы оказаться как можно ближе к матери Терезе. Когда мы к 11 часам вечера добрались до обители в Мадрасе, я падал с ног от усталости. Но, как обычно, мы первым делом направились в часовню, чтобы в тишине прочесть про себя краткую благодарственную молитву перед Святыми Дарами. Я постарался набожно сосредоточить взгляд на святыне, однако жажда замучила меня так, что в голову не приходила ни одна благочестивая мысль. Я думал лишь о том, как бы побыстрее с этим покончить и попить. Вдруг за спиной у меня послышались тихие шаги: повинувшись безмолвному знаку матери Терезы, одна из сестер принесла мне на блюдечке высокий стакан с водой и тихонько подвинула его к моим ногам.

Христос сказал: «И кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды, во имя ученика, истинно говорю вам, не потеряет награды своей» (Мф 10:42). В тот вечер я подумал об этих словах Иисуса. Подумал я и о другом: я-то помнил только о своей жажде, а мать Тереза — о каждом из нас. И после краткой молитвы она опять-таки позаботилась не о себе. Она велела принести нам в ризницу два матраса, подголовники, полотенце и мыло, чтобы мы могли умыться и поскорее лечь спать.

— Отдохните как следует. У вас был тяжелый день.

На мои слова:

— Мать Тереза, но у вас-то день выдался куда тяжелее! — последовал жизнерадостный, но не менее серьезный ответ:

— Все для Иисуса (All for Jesus).

Ей исполнилось 77 лет, почти столько же, сколько нам, двоим ее спутникам, вместе взятым. Через несколько лет, когда ее спрашивали о возрасте, она с лукавой улыбкой отвечала:

— Снаружи 81, в душе 18!

Во всех обителях миссионеров милосердия принято после утренней мессы кормить священника завтраком. В Калькутте мать Тереза лично следила за тем, чтобы епископа Хнилицу, приехавших вместе с ним из Словакии священника и журналистку и меня сразу же после мессы проводили на завтрак и усадили за крошечный столик прямо в тесной ризнице — в большинстве обителей ризница использовалась также в качестве приемной. Вероятно, ради высокого гостя — епископа — мать Тереза распорядилась подать каждому из нас на завтрак глазунью, что по калькуттским меркам было настоящей роскошью. Однако я заметил, что из троих моих сотрапезников никто не притронулся к яичнице. Вероятно, они соблюдали диету или же у них имелись другие веские причины. Но я-то люблю глазунью! Да и сестер обижать не хотелось. Поэтому я «принес себя в жертву» и доел глазунью за всеми.

На следующее утро я служил мессу в одиночестве. Мне снова накрыли завтрак в ризнице (у епископа и его спутников нашлись в тот день другие дела). Но как же я был удивлен, когда снял салфетку с тарелки и увидел перед собой четыре глазуньи! Очевидно, прислуживающие в ризнице сестры заметили мою любовь к яичнице (удивительно — ведь на время завтрака они удалились!). С тех пор, пока я жил в Калькутте, каждый раз после утренней мессы в обители я получал на завтрак четыре хорошо прожаренных яйца.

Пятнадцать лет спустя я проводил духовные упражнения в обители сестер под Варшавой. После утренней Мессы мне и там по обычаю накрыли завтрак в ризнице и к моему изумлению — подали четыре глазуньи! Во мне зашевелилось подозрение, которое вскоре и подтвердилось: теперь эту обитель в Польше возглавляла одна из сестер, которые угощали меня в минувшие дни в Калькутте. Она не забыла про мою любовь к яичнице. В разных частях мира в обителях сестер я получал на завтрак по четыре «глазка». Маленький знак внимания — свидетельство великой любви. Этот случай убедил меня: сестры передают друг другу через океаны и континенты не только свою любовь, но и свои секреты.

Однажды мать Тереза была приглашена боннским бургомистром на какое-то почетное мероприятие, где выступила с речью. А затем ее вместе со всеми спутниками отвезли на обед в огромный, очень красивый рыцарский зал. Памятуя о бедняках Индии, которых обычай гостеприимства побуждал делиться последним куском хлеба или последней горстью риса с любым гостем, даже с пришедшими помочь им сестрами, мать Тереза установила правило, запрещавшее сестрам вкушать пищу вне дома. Зато она разрешала им устраивать во время поездок «пикники»: перекусывать тем, что взяли в дорогу. Даже в данном случае она не пожелала даровать временное освобождение от устава, но решила проблему по-своему:

— Сестры, доставайте все, что взяли с собой! Устроим тут пикник!

И вот в почтенном рыцарском зале монахини принялись раздавать гостям свои бутерброды. Бургомистр и прочие высокие гости получили монашеский хлеб.

Таким образом обед превратился в «пикник», и сестры не погрешили против правил.

В вертолете по пути из Бонна мать Тереза вытащила из сумки припасы, которые берегла, чтобы разделить их со спутниками. Напоследок она достала шоколад — а шоколад, надо сказать, мать Тереза очень любила. Но прежде чем предложить его нам или угоститься самой, она отправилась в кабину пилота и лишь вернувшись, разделила между нами остаток плитки.

Вертолет приземлился, оба пилота вышли первыми и встали по сторонам трапа. Мать Тереза сошла на землю, за ней другие пассажиры. Я выходил последним и, проходя мимо пилотов, заметил у одного из них слезы на глазах. Я спросил, не случилось ли с ним беды, и он ответил:

— Знаете, я уже 25 лет управляю этим вертолетом. Возил много великих и знаменитых людей, но ни разу никто ничего мне не дарил. А сегодня я впервые получил подарок: мать Тереза угостила меня шоколадкой и подарила чудотворный медальон.

За те месяцы, что я провел у матери Терезы в Калькутте, я сделал много фотографий и видеозаписей матери Терезы, сестер и их бедняков. В Гонконге мне удалось приобрести самое современное по тогдашним понятиям фотооборудование. Но из Калькутты я отправлялся в Москву. Брать с собой снимки в Советский Союз я не хотел: опасался, что если фотографии обнаружат в моем багаже, то попросту конфискуют. Из этих соображений я попросил мать Терезу оказать мне любезность и отправить аккуратно упакованную коробку с фотографиями и видеозаписями, сделанными мной в Калькутте, с дипломатической почтой в Рим. Мать Тереза и сама собиралась недели через три лететь в Рим, а потому решила доставить мой груз са-

молично. Я передал ей свою драгоценную коробку, в которой, кстати, находились многие использованные в этой книге фотографии.

После приключений в Москве и благополучного возвращения в Рим мы целой компанией поехали в аэропорт встречать мать Терезу. Я нетерпеливо ждал момента, когда вновь получу свою коробку с фотографиями и видеозаписями. Нас пропустили в багажный зал. Там вместе с матерью Терезой мы стали дожидаться явления 54 чемоданов и ящиков. 53 предмета багажа тут же вынырнули на конвейер. Недоставало лишь одной единственной коробки — той самой, с фотографиями.

Мою тревогу и разочарование словами не передать.

— Надо сообщить об утрате багажа! — заявил я матери Терезе.

Служащие аэропорта пытались меня успокоить:

— Недостающий багаж непременно доставят завтра днем, следующим рейсом из Бомбея.

Мать Тереза посоветовала помолиться святому Антонию, который, как известно, помогает вернуть любую потерю, и обещать ему какое-нибудь пожертвование за помощь. Я последовал ее совету: посулил святому Антонию 50 долларов — огромная для меня сумма по тем временам. На следующий день я снова наведалься в аэропорт. Моей коробочки не было. Не появилась она и на следующий день, и через день. Служащие бюро находок признали: если багаж не прибыл на второй день, то, скорее всего, больше не появится — украден. Несколько разочаровавшись в могуществе святого Антония, я пошел жаловаться матери Терезе. Она тут же спросила:

— Сколько ты обещал святому Антонию?

— 50 долларов.

— Сойдет. Но надо обещать ему, что эти пятьдесят долларов пойдут на хлеб для бедняков. На такую жертву он особенно отзывчив.

Я тут же, не сходя с места, обещал святому Антонию пятьдесят долларов на хлеб для бедняков. Но тут же сообразил, что за столь ценные для меня снимки пятидесяти долларов будет маловато. Тогда я повысил вознаграждение до сотни.

Через два часа я вернулся в аэропорт и — здравствуйте, пожалуйста! Прибыла моя посылочка к величайшему изумлению служащих аэропорта и моему собственному.

Один вопрос так и остался без ответа: как именно удалось мне снискать благосклонность святого Антония? Откликнулся он на обещание «хлеба для бедняков» или решающим стало то, что я увеличил сумму до ста долларов?

Обращаясь с речью к ассамблее ООН в Нью-Йорке, мать Тереза для иллюстрации прибегала к таким же простеньким историям, как и в беседах со своими подопечными. Например:

Однажды к нам в обитель пришла юная пара и принесла много денег. Я спросила: «Откуда такое богатство?» Они ответили: «Два дня назад мы поженились. Мы еще до свадьбы решили, что не станем покупать свадебный наряд, не станем устраивать пышный праздник, а вместо этого отдадим деньги вам». Я-то знаю, что такое для индуистской семьи отказаться от свадебного платья и пиршества! А потому я спросила еще настойчивее: «Почему? Почему вы так решили?» И они ответили: «Мы так сильно любим друг друга, что хотим разделить радость любви с людьми, кото-

рым вы служите». Что такое радость любви? Как мы ее узнаем? Когда мы отдаем. Отдаем до боли.

Когда я собиралась в Эфиопию, меня в Калькутте навестили дети. Они знали, что я еду в Эфиопию, и пришли ко мне. Пришли, потому что сестры обещали им рассказать, как страдают дети в Эфиопии. Пришли, и каждый принес мне денежку. Совсем немного денег, но каждый отдал буквально все, что у него было. А один маленький мальчик подошел ко мне и сказал:

— У меня ничего нет. Нет денег. Совсем ничего. Но у меня есть кусочек шоколада. Возьми его с собой и отдай детям в Эфиопии!

Этот малыш любил великой любовью. Ведь, мне думается, он впервые держал в руках кусочек шоколада. Подержал и отдал его, отдал с радостью. Он радовался тому, что имеет возможность поделиться с другими, хоть немного облегчить чьи-то страдания. Вот что такое радость любви: отдавать, отдавать до боли. Иисусу любовь к нам причинила боль. Он умер на кресте, чтобы научить нас любви. Так и мы должны любить: до боли.

У беднейших из бедных

Мать Тереза, урожденная Агнес Гонджа Бояджиу, выросла в католической семье албанского происхождения. Ее отец Николай (Коле) Бояджиу, родом из Призрена, поселился в 1910 году в Скопье (тогда это был Ускюп, а ныне — столица Македонии). Коле работал аптекарем, а затем архитектором. В партнерстве с другом он основал строительную фирму. Драна, мать Агнес, вышла замуж за Коле в шестнадцать лет. Она была на восемнадцать лет моложе супруга. В 1905 году у супружеской четы родилась дочь Ага, тремя годами позже сын Лазар, а 26 августа 1910 года — дочь Агнес.

Католики в тогдашнем Скопье составляли незначительное число, но существенное духовное меньшинство. Население города насчитывало сорок семь тысяч человек, подавляющее большинство — мусульмане, была и заметная православная община. Вплоть до Балканской войны 1912 года нынешняя столица Македонии принадлежала Османской империи, а затем досталась Сербии.

Мать Терезу неизменно видели с четками-розарием в руках. Корни такой набожности уходят в детство: Драна водила детей к утренней мессе, а по вечерам читала с ними розарий. Тогда же, в детстве, приобщилась Агнес и к социальной стороне веры: ее мать посещала бедных и больных. Семья жила в относительном благополучии, покуда отец не скончался в возрасте 46 лет. Коле Бояджиу интересовался политикой, боролся за права албанцев и входил в городской совет. Умер он в 1919 году: вернулся с политической конференции в сербской столице Белграде с острой болью, в Скопье его тут же положили в больницу, и через несколько часов он скончался. Лазар был твердо убежден в том, что отца отравили политические противники.

Со смертью Коле для семьи начались трудные времена. Мать изо всех сил пыталась прокормить малышей своим трудом. С ее согласия Агнес, едва достигнув совершеннолетия, покинула дом и посвятила свою жизнь Богу. Она вступила в конгрегацию «Сестры Лорето», находившуюся в Ирландии. Мать с сестрой в 1934 году перебрались в столицу Албании Тирану. С тех пор мать Тереза больше не видела своих близких. Коммунистические власти Албании вопреки заступничеству крупнейших политических деятелей так и не позволили матери Терезе въехать в страну, пока режим там не переменился.

Скопье стало не только физической, но и духовной родиной матери Терезы, колыбелью ее призвания. В своем родном городе в 1922 году двенадцатилетняя Агнес впервые услышала проповедь хорватских иезуитов, приехавших из Индии. Тогда-то в девочке и зародилась мечта отправиться с миссией в Индию. Агнес и ее сестра Ага принадлежали к марианской общине возглавляемого иезуитами прихода Сердца Иисусова. Это наложило свой отпечаток: вся духовная жизнь матери Терезы сосредотачивалась на поклонении Марии и Сердцу Иисуса.

К «Сестрам Лорето» в Дублине, также находившимся под сильным влиянием иезуитов, Агнес (теперь уже Тереза) присоединилась с вполне определенной целью: получить назначение в Индию. Конгрегацию «Сестры Лорето» основала в 1822 году Фрэнсис Мария Тереза Болл (1794-1861). Это была ирландская ветвь сестричества, созданного Марией Уорд.

В конце 1928 года Терезу и в самом деле отправили в Индию в качестве послушницы. Она полностью посвятила себя этой стране, выучила бенгальский, овладела хинди. Как-то раз индийский журналист сказал ей:

— Мать Тереза, вы хоть и не родились в Индии, но сделали индианкой.

И она ответила:

— У меня больше прав считаться гражданкой этой страны, чем у вас: я выбрала эту страну добровольно, а вы такого выбора не делали.

После трудного перелета из Европы, обычно с пересадкой в Дели и в Бомбее, пассажиры попадают в Калькутту. После таможенных и пограничных фор-

мальностей, едва выйдя из аэропорта, они окунаются в раскаленную волну влажного воздуха. Сильнее, чем удушливая жара, поражают крики, вопли сотен детей, которые поджидают туристов на выходе в надежде на подарок или угощение. Пробьешься через горячий воздух, крики, толпу к такси, заберешься в черно-желтую металлическую развалину — считай, первый этап пути преодолен.

Но не так все просто: предстоит еще объяснить таксисту, куда ехать. Прежде чем сядешь к нему в машину, водитель, конечно же, заверяет, что прекрасно знает маршрут и много раз бывал там, куда вам надо попасть. Но теперь, когда пассажир сидит внутри и никуда уже не денется, обнаруживаются проблемы. Порой такси кружит по городу целый час. Единственное спасение — самому знать и название улицы, и кратчайший путь.

Мать Тереза обеспечила епископу Хнилице и мне приют у иезуитов, на Парк-стрит. Моя комната располагалась в мансарде под самой крышей. Там было так жарко, что окна приходилось держать открытыми днем и ночью. На всем в комнате лежал густой слой калькуттской пыли. Воздух был грязен от выхлопных газов и фабричного дыма. Несмотря на то, что я запасся европейскими моющими средствами и был вполне готов прибирать, чистить и мыть, я, должен признаться, даже не знал, с чего начать: слишком очевидна была безнадежность любой попытки убраться. Я решался лишь на то, чтобы осторожно повернув двумя пальцами вентиль крана, пустить воду, а затем ее закрыть.

По утрам я просыпался в 4.15 под крик муэдзина и за двадцать минут добирался пешком до обители. С тротуаров поднимались спавшие на улицах люди и приступали к утреннему туалету. Для многих этот об-

ряд состоял в том, чтобы сполоснуть набедренную повязку в белопенистом ручейке, неторопливо протекавшем по сточной канаве на обочине дороги, а затем бить мокрой повязкой о бордюр до тех пор, пока не высохнет достаточно, чтобы можно было перевязать сырой тряпкой чресла. Затем — личная гигиена. Смахнуть с воды белую пену, окунуть указательный палец в ручей и сырым пальцем трижды провести по зубам. Тут-то я понял, почему многие из этих людей, в особенности старики и дети, со временем становятся пациентами матери Терезы или же попадают в ее хоспис. Их свозили в приюты в надежде, что они там либо поправятся, либо умрут, окруженные любовью и заботой.

Когда я в первый раз приехал в Калькутту в 1984 году с епископом Хнилицей и словацкой журналисткой, мать Тереза немедленно распорядилась сшить нам с епископом белые ризы. Наутро они были готовы. При тамошней жаре это было идеальное облачение — легкое и без труда стирающееся. Правда, мать Тереза думала не столько о том, чтобы уберечь нас от солнечного удара или сэкономить на стирке, сколько о том, что в нас с первого взгляда должны узнавать священников.

Я постоянно убеждался: важнее всего матери Терезе были не какие-то мои личные качества, не мои способности, не мои поступки, а мой сан. Вместе с тем она старалась сотворить из меня, молодого, только что принявшего сан человека, «настоящего» священника. Именно по этой причине она и держала меня подле себя и сестер. Две стороны медали: использовать священника в его особом сакральном качестве и одновременно оказывать на него влияние. К примеру, когда толпа обступала ее со всех сторон и все просили ее

благословения — «Mother, your blessing!» — она отсылала просителей к священнику, если тот находился рядом: «Иди, пусть отец тебя благословит».

Дом иезуитов стал для меня постоянным обиталищем и в следующие приезды в Калькутту. Довольно часто мне доставалась та самая мансарда под крышей, в которой и ночью было жарко почти как днем. На потолке мансарды имелся вентилятор, кровать закрывал сетчатый полотно. Перед сном следовало очень тщательно подоткнуть сетку со всех сторон под матрас, не то проснешься весь искусанный москитами. Однако несмотря на эти меры предосторожности в первое же утро я обнаружил на своей руке множество красных следов. Я рассердился на себя и дал зарок вечером быть с сеткой повнимательнее.

Зарок я выполнил. Однако на следующее утро руки у меня вновь оказались сплошь в укусах. На четвертый день отметины еще и воспалились. Когда в 5.30 утра я вместе с толпой волонтеров явился в обитель, мать Тереза тут же выдернула меня из толпы и спросила:

— Что это у тебя, отец?

— Наверное, укусы москитов.

Она всмотрелась:

— Божий подарочек! («A gift of God!») Немедленно иди к врачу, отец, а я помолюсь.

Позднее я убедился, что для нее любая боль, любое огорчение и даже страдание было «Божьим подарком». Человек может превратить в «подарок Бога» все, что угодно, — достаточно небольшого усилия воли. В то утро я в очередной раз заметил, как внимательна мать Тереза к каждому человеку из своего окружения: от ее внимания не ускользала ни малейшая деталь.

Она сразу подмечала, если кто-то являлся к ней печальным или мучился болью, и старалась, насколько это было в ее силах, скорее помочь — словом, делом, а если ничего другого в ее распоряжении не было, то молитвой.

Сестра, обрабатывавшая мои укусы, посоветовала мне заглянуть *под* полог. Так я и сделал — убрал полог и обнаружил восемь упитанных клопов! Пусть защитники животных меня извинят, но я тут же взял платок и раздавил гадов одного за другим. На матрасе остались восемь пятен крови. Клопы жили себе в моей постели и кормились моей кровью.

Вспоминаю также одну из первых месс, которую я служил в капелле обители. Зазвучал вступительный гимн, и я не поверил своим ушам: то был напев хаба-неры «Ла Палома», хотя и с незнакомыми словами. Кому-то из сестер так понравилась эта мелодия, что она положила на музыку Себастьяна Ирадьера вполне благочестивый текст. Столь занятная комбинация была включена в песенник, которым пользовались сестры.

В ту пору в Калькуттской обители проживало около трехсот сестер, но на весь дом имелся лишь один источник воды — колонка во внутреннем дворе, под часовней. Выйдя из часовни и поглядев с балюстрады вниз, можно было полюбоваться чем-то вроде муравьиного царства: триста сестер сновали взад и вперед, набирая с утра воду для стирки сари. Одни молчали, другие распевали псалмы. Но ощущения суеты не было. Лишь мир и набожность. Порой я надолго задерживался на балюстраде, любуясь этой картиной, пытаюсь проникнуться атмосферой бедности, в которой жили сестры. Мать Тереза повторяла вновь и вновь: «Чтобы понять бедняков, надо и самим жить жизнью бедня-

ков». Там, стоя на балюстраде и глядя во внутренний двор, я хоть отчасти начинал понимать «жизнь бедняков». Ни радио, ни телевизора у сестер не было. Более того — не было и кондиционеров. Даже вентиляторы предназначались исключительно для пациентов и гостей, но не для живущих в обители. Настоящая жизнь бедняков, с одним только отличием: сестры добровольно выбрали эту жизнь во имя Иисуса.

Созерцатели в миру

Для всего мира мать Тереза являет собой образец христианской любви и сострадания. Ее имя стало синонимом нежной заботы о бедных, о самых несчастных людях. Многие хотели бы знать, в чем заключается ядро ее веры, глубинная тайна матери Терезы. Все, кто был близко с ней знаком, единодушно в одном выводе: Евхаристия — Причастие во время Святой Мессы и молитва перед Святыми Дарами — играли особую роль в жизни матери Терезы.

Во время поездки в Италию она вдруг дала нам краткий, исчерпывающий ответ. Молодой священник провел с матерью Терезой и ее спутниками часовую

молитву и прочел розарий. Едва они закончили, как у священника сам собой вырвался вопрос:

— Мать Тереза, в чем ваша тайна?

Она покосилась на вопрошавшего уголком глаза и ответила:

— Все просто — я молюсь.

Когда я в первый раз беседовал с матерью Терезой после принятия сана, мне все хотелось разобраться в основах ее духовности.

Я только что провел тридцатидневные духовные упражнения в молчании в братском доме миссионеров милосердия в Нью-Йорке. Я размышлял над возможностью присоединиться к этому сообществу, которое задумывалось как мужское ответвление конгрегации матери Терезы. Она тогда часто навевалась в Нью-Йорк, обустривая новый дом для миссионеров-мужчин.

После духовных упражнений я рассказал матери Терезе о предостережении, которое услышал от отца-капуцина в самом начале своего священнического пути: «Учти, никогда тебе не стать священником, если не научишься молиться хотя бы по полтора часа в день!»

Я запомнил этот совет, хотя по молодости и не понимал еще, зачем надо так подолгу молиться. Теперь же я хотел понять, насколько важна молитва для матери Терезы. Она ответила мне просто и недвусмысленно:

— Отец, без Бога мы будем слишком бедны, чтобы помогать беднякам. Но когда мы молимся, Бог дает нам свою любовь. Посмотри на сестер: они бедны, но они молятся. Плод молитвы — любовь. Плод любви — служение. Только молясь, ты сможешь помочь беднякам по-настоящему.

Как-то раз во время поездки она присмотрелась к

шлангам, по которым бензин поступал из бензоколонки в бак автомобиля, и пояснила наглядно:

— Видишь, отец, так и кровь в нашем теле: без бензина машина не поедет, без крови нет жизни. А без молитвы умрет душа.

К числу постоянных высказываний матери Терезы принадлежит и такая фраза: «Молитва очищает сердце, а чистое сердце Бога узрит». Поначалу я не понимал, что подразумевает она под словами «узреть Бога». Но потом мне стало ясно, что мать Тереза имела в виду способность ощутить присутствие и действие Бога в своей жизни, видеть во всем Его руку и с любовью отвечать на Его попечение о нас. Как-то раз она сказала: «Если твое сердце чисто, ты сможешь видеть Бога во всем и в каждом человеке».

И отсюда вывод: «Когда мы узрим Бога, мы будем любить друг друга так, как Он возлюбил нас». Отсюда ее жизненный девиз: «Деятельная любовь» (love in action).

Я видел, как она молится, полностью погрузившись в молитву, закрыв руками лицо и вскинув голову вверх — так, что лишь нос торчал между ладонями. И мне вспоминались слова учеников, увидевших, как молится Иисус и просивших Его: «Господи! научи нас молиться» (Лк 11:1). Иисус откликнулся на их просьбу и дал им «Отче наш».

На вопрос, что значит для нее молитва, мать Тереза отвечала:

— Бог говорит со мной, а я говорю с Ним. Все просто. Это и есть молитва.

Молитва — соприкосновение двух сердец: «Когда я молюсь Иисусу, я взываю от всего своего сердца к

сердцу Иисуса. Когда молюсь Богородице, обращаюсь сердцем к сердцу Марии. Когда молюсь своему ангелу-хранителю, тоже от сердца к сердцу». Пожалуй, ключевой фразой матери Терезы о молитве я бы назвал следующую: «Бог говорит в тишине наших сердец. Мы слушаем, а затем от полноты сердца говорим. И Он слушает. Это и есть молитва».

Отношения матери Терезы с Иисусом, с Его Матерью, со многими святыми казались глубоко личными, словно то были близкие ей люди. Папа Иоанн Павел II благословил красивую статуэтку Фатимской Божьей Матери и передал ее с нами в подарок матери Терезе. Она взяла ее с собой в поездку на Украину, к детям, пережившим чернобыльскую катастрофу. В поезде одна из спутниц заметила, что статуэтка не стоит лицом к матери Терезе, а смотрит в окно, и быстренько развернула ее, поставила «правильно», однако мать Тереза тут же вступилась:

— Оставь ее, пусть смотрит в окно, должна же она видеть, куда едет. Она так рада, что попала в эти края!

— Молитва сама собой не дается, — сказала однажды мать Тереза. — Чтобы помолиться, надо приложить усилие.

Она не учила никакой особо сложной «технике молитвы», но постоянно твердила о необходимости наблюдать за тем, что мы делаем во время молитвы. Нужно «бодрствовать и молиться», ведь молитва творится в глубине сердца.

Молитва была для матери Терезы «детской речью», обращением ребенка к отцу, то есть чем-то отнюдь не формальным и не поверхностным, но разговором «от сердца к сердцу».

В духовном учении матери Терезы молитва — ответ человека на жажду Бога, на тот вопль с креста — «Жаж-

ду!». Рассказывая про обустройство своих обителей, она никогда не забывала отметить: «Иисус получил новую дарохранительницу», ибо сколь бы прагматично ни подходила она к выбору самой обители и ее обстановки, она не представляла себе ни одного сестринского дома без Святых Даров. Будь ее воля, на каждом клочке земли стояло бы по дарохранительнице, да не по одной! В каждой обители она сама подыскивала место для дарохранительницы, сама вбивала в стену гвоздь, на котором следовало повесить распятие, и вырезала из черной бумаги буквы, составлявшие слово «жажду». Она была уверена: человек утоляет жажду Сына Божьего, жажду любви, когда в тиши предстоит Ему и общается с Ним.

Молилась она не только в специально отведенные для молитвы часы. Подобно апостолу Павлу она учила, что молиться надо «во всякое время» (Еф 6:18). Апостольское наставление «непрестанно молитесь» (1 Фес 5:17) воплощалось для нее в розарии. Она почти не выпускала из рук четки и часто принималась их перебирать. Я нередко наблюдал, как она быстро пропускает сквозь пальцы бусины розария.

Еще одна совместная поездка — в горы Центральной Индии, где открылся новый университет. Я сидел ступенькой ниже матери Терезы. Ее руки с четками находились как раз на уровне моих глаз. Я мог часами наблюдать, как она перебирает бусины. Она делала это так быстро, что явно не успевала каждый раз целиком прочесть «Радуйся, Мария». Мне очень хотелось спросить, какие же молитвы читает она в столь ускоренном темпе, но, к сожалению, ответ так и остался мне неизвестен: я не отважился задать вопрос. Что-то удержало меня от проникновения в ее интимную тайну. Теперь я могу лишь высказать предположение насчет этой

мгновенной молитвы: думается, на каждую бусину розария приходилось что-то вроде молитвенного вздоха, краткого призыва. Например: «Иисус милосердный!» или: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешную!»

Уже будучи священником, но оставаясь в Риме и готовясь к миссионерской деятельности, я как-то спросил мать Терезу:

— Ваша Нобелевская речь в Осло произвела сильнейшее впечатление. О ней даже пишут диссертации в университетах. Как вы готовились к этой речи, какие источники использовали? Вам кто-нибудь помогал?

Мать Тереза ничего не ответила. Она приподняла висевший на поясе розарий, помахала им в воздухе, словно знаменем, а потом с непередаваемо лукавым выражением лица покачала им взад-вперед перед своими глазами.

Молитва и вся церковная жизнь, в особенности таинства, были основой апостольского служения матери Терезы. Ныне я точно знаю причину, по которой мне так часто позволялось сопровождать ее: попросту матери Терезе нужен был священник, который ежедневно служил бы для нее и ее сестер святую мессу и принимал у них исповедь.

Сестры каждый день как минимум час проводили в молитве перед выставленными Святыми Дарами. Когда в 1972 году в Бангладеш разразилось катастрофическое наводнение, мать Тереза тут же направила туда сестер. Положение в стране было ужасное, сестры трудились сверх сил, и местные власти просили их, в порядке исключения, не прерывать работу для положенных по уставу часов молитвы. Мать Тереза решительно воспротивилась:

— Нет, на время молитвы и мессы сестры должны возвращаться в обитель.

Многие спасатели не могли понять смысл такого решения: вокруг бушует стихия, как не сделать исключения? Но мать Тереза признавала: если ежедневно не укреплять силы сестер богослужением и молитвой, они быстро исчерпаются.

Сама она молилась непрестанно. И из постоянной молитвы произрастало ее постоянное свидетельство. Сколько я ни наблюдал за матерью Терезой во время наших совместных поездок, я всегда видел, что она ни на миг не перестает быть монахиней и провозвестницей Христовой любви. Допустим, я сопровождал ее в качестве «официального лица», надев воротничок священника. Но рано или поздно деловая поездка подходила к концу. Я оставался один или у себя дома, или в обители, или в комнате для гостей. И какое-то время я не принадлежал никому. Только самому себе. Конечно, на это время я не переставал быть священником, но активная позиция отступала перед усталостью: верх брала потребность в отдыхе, разрядке. Мать Тереза таких отступлений не знала. Ни в болезни, ни в инвалидном кресле, ни в зале ожидания в аэропорту, ни наедине с сестрами. Каждый миг ее жизни был свидетельством. Целиком проникшись сознанием, что Господь жаждет нашей любви, она ни на миг не позволяла собственным потребностям заслонить от нее Господню жажду.

Мне даже кажется, что вкушая хлеб, она всегда вспоминала Евхаристию. Телесный голод и все прочие физические потребности были в ее глазах лишь внешним выражением голода более сильного — нашей потребности во Христе. Каждый день на собственном примере она показывала: благодаря молитве наша земная жизнь сливается с жизнью небесной.

Как и Папа Иоанн Павел II, она никогда не упускала возможности обратиться к молодежи, ибо к этому ее побуждала любовь Христова. Она считала необходимым говорить молодым людям: «Послушайте, юноши и девушки! Святость — величайшая цель. Ее следует возжелать, к ней следует стремиться. И тогда, с Божьим благословением, вы станете святыми». Она всегда очень тонко чувствовала момент, когда свидетельство окажется наиболее уместным и будет воспринято. Однако она, нисколько не смущаясь, свидетельствовала и тогда, когда это казалось неуместным.

Не счесть, сколько раз мать Тереза повторяла: «Если члены семьи молятся вместе, такая семья будет крепкой» (*A family, who prays together, stays together*). Эта фраза, которую так часто произносила мать Тереза, принадлежит не ей, а отцу Пейтону, американскому священнику и проповеднику семейной молитвы. Мать Тереза «присвоила» его слова, потому что всем сердцем верила в ценность семейной молитвы и семейного единства. Своим собеседникам она часто задавала вопрос: «Где начинается любовь?» — и сама же давала ответ: «Любовь начинается дома, в семье».

«Семья, — цитирует ее слова отец Брайан Колодейчук*, — это особый инструмент в руках Господа. С помощью семьи Бог доносит до нас весть о том, что мы созданы для великих дел, созданы для того, чтобы любить и быть любимыми. Каковы отношения в семье, такими же будут и отношения с соседями. От отноше-

* Отец Брайан Колодейчук — канадский католический священник, постулятор беатификации матери Терезы Калькуттской, автор комментариев к ее дневникам и записям. — Прим. ред.

ний в семье зависит, какими будут наши деревни, города, вся страна. Когда семья станет оазисом любви, мира и святости, то все страны, весь мир начнут жить в любви, в мире, в единстве с Богом и друг с другом».

Во многих городах мира сестры берут на свое попечение стариков и беспомощных инвалидов. Дома для них обустроены очень просто, но содержатся в безупречной чистоте. Пожилые люди приветливо общаются друг с другом и с сестрами. Как-то раз я при матери Терезе похвалил эту систему, и она сказала мне:

— Как ты думаешь, отец, почему в домах престарелых пациенты садятся у входа и часами смотрят на дверь?

Я не знал, и она ответила за меня:

— Сыновья или дочери отдали их в приют, где они получают все материальные блага. Но дети о них позабыли. Ты когда-нибудь видел в этих приютах улыбающихся стариков? Они беднейшие из бедных, ибо чувствуют величайшую жажду, жажду любви. Но надо непрестанно задавать себе вопрос: нет ли таких бедняков в моей собственной семье? Надо напоминать себе, что любовь начинается в семье.

В семье мы узнаем, что означают слова Иисуса, назвавшего Себя «Путем, и Истиной, и Жизнью» (Ин 14:6). Вот о чем говорила мать Тереза: «Что верно для отдельного человека, справедливо и для семьи в целом: мы слушаем слово Иисусово — и вся семья слышит Истину. Исполняя Его заповеди, мы тем самым следуем за Иисусом. Недаром Он назвал Себя «Путь». А принимая Причастие, мы принимаем Иисуса. Недаром Он назвал Себя «Жизнь»».

Обезоруживающе мила

Одной лишь своей добротой и вместе с тем требовательностью к себе мать Тереза достигала того, что в ее присутствии люди подтягивались, соблюдали дисциплину и просто не могли оставаться небрежными. Тем, как она приветствовала каждого, как внимательно с ним обращалась, мать Тереза изменяла атмосферу в любом помещении, где находилась. Изменяла с порога. Мне памятно, как она, чуть что, принималась сама двигать кресла, чтобы усадить каждого из присутствующих. Всякий, кто приходил к ней с визитом, чувствовал: она ждала только его и никого другого.

При первых наших встречах я приписывал такое отношение тому обстоятельству, что находился в свите епископа. Однако на самом деле мать Тереза встречала каждого человека, независимо от звания и положения в обществе, свойственной ей сияющей улыбкой. Каждый ощущал ее искреннюю радость, и любая предвзятость отпадала сама собой. Примеров тому я видел множество, так как приводил к матери Терезе на утреннюю мессу или на краткую беседу множество людей. Среди них были и такие, кто не хотел иметь с Церковью ничего общего. Но и они при первой же встрече ощущали такое тепло, такой свет, что души их оттаивали, и через считанные минуты они выходили из комнаты, где беседовали с матерью Терезой, преображенными.

Да, мать Тереза сама по себе была чрезвычайно обаятельна. Но велика была и ее духовная сила, которая соединялась с природным обаянием. Многие полагали, будто мать Тереза обладает даром «заглядывать в сердце», то есть проникать в тайны человека и заводить разговор о том, о чем она никак не смогла бы узнать «естественным» образом.

Один такой случай, при котором сам я не присутствовал, произошел в Италии и был мне описан заслуживающими доверия свидетелями. Супруги-итальянцы гуляли в парке, где мать Тереза с сестрами устроила «пикник». Женщина внезапно почувствовала, что от группы сестер исходит свет и тепло. Этот свет окутал ее, словно облаком, она вдруг увидела всю свою жизнь и заплакала. В этот момент к ней подбежала маленького роста монахиня и заговорила с ней, будто со старой знакомой, хотя прежде они никогда не встречались. Этот разговор полностью изменил жизнь итальянки.

Я часто задаю себе вопрос: не изменила ли мать Тереза и меня? Разве не повлияла она на меня, не оставила своего отпечатка? Очень надеюсь, что так оно и есть. Уже сама форма разговора — короткие, очень простые фразы — сильно действовала на собеседника. Многие ее высказывания стали для меня девизами, которые я вновь и вновь использую в соответствующих жизненных ситуациях. К примеру, вытирая со стола, я повторяю: сколько ни три, стол не сделается новым, но вытирать его следует с такой любовью, чтобы и в самом деле его очистить. Этому меня научила она.

Вместе с ней самые малые практические дела обретали огромное духовное значение.

Ныне мой опыт убедил меня: если находишься в присутствии святых или пребываешь в святом месте, то начинают вдруг происходить удивительные события и «совпадения». То есть в святых местах и рядом со святыми людьми Бог обнаруживает Свое присутствие явственнее, чем в обычной жизни. Именно поэтому, думается мне, под руководством матери Терезы все происходило быстрее и эффективнее и при этом насыщалось глубочайшим смыслом. Что бы она ни делала, это всегда было значимо и никогда — заурядно. Даже если это были самые незначительные дела.

Как-то раз мать Тереза отправилась в Испанию. Там ее возил на машине молодой человек по имени Паскуаль. Тогда он еще и не думал принимать сан. Он возглавлял турбюро. Мать Тереза подыскивала дом для испанских сирот, больных СПИДом. Благодаря типичным для нее «совпадениям» она быстро нашла подходящее здание, в котором и поныне сестры мате-

ри Терезы принимают ВИЧ-инфицированных и больных СПИДом детей.

Паскуаль же был жизнерадостным человеком. Работа его была сопряжена с путешествиями по всему миру. Когда он проводил мать Терезу в аэропорт, она на прощание подарила ему книгу и подписала ее. В тот момент ему даже некогда было посмотреть, что написала ему мать Тереза. Когда же дома он раскрыл книгу, ему бросились в глаза слова: «Дорогой отец Паскуаль». Молодой человек перепугался: он решил, что мать Тереза ошиблась. Она по ошибке приняла встречавшего и возившего ее по городу человека за священника!

Книгу Паскуаль спрятал в шкаф, во второй ряд. Не хотелось, чтобы друзья ее нашли и задразнили его насмерть. Так книга и простояла в недрах шкафа целых десять лет, пока хозяин не затеял генеральную уборку. Разбирая шкаф, он вновь наткнулся на подарок матери Терезы. Раскрыл книгу и прочел дарственную надпись. За эти десять лет он как раз стал тем, кем и представить себя не мог в дни беззаботной юности: он стал священником.

Мать Тереза очень хорошо понимала природу власти — власти священника, власти епископа и Папы, и своей собственной власти — власти генеральной настоятельницы. Принимая решение, она четко разделяла процесс и результат. То есть, в начале следовало сформулировать проблему, обсудить ее, но потом наступал момент окончательного, непререкаемого решения. Она советовалась и консультировалась со многими, она прислушивалась к чужому мнению, с глубоким вниманием и предельной сосредоточенностью изучала вопрос, но как только все элементы решения складывались перед ее мысленным взором воедино,

оставалось лишь помолиться — и решение принято. С этого момента отменить ее «приговор» было невозможно. Тут-то она и проявляла себя «милостивым диктатором», как многие ее именовали.

Что касается церковных властей, то она точно знала, о чем следует спрашивать Папу, а о чем — местного епископа. Даже совет рядового священника она принимала близко к сердцу. Помню, как один священник наставлял меня: «Всегда следи за своими словами: что мы посоветуем, то она буквально и сделает». Она и в самом деле придавала большое значение компетентному совету, в особенности, если он исходил от духовного лица.

Для нее священник был — не в силу каких-либо его индивидуальных талантов и склонностей, но в силу его сана — человеком, состоящим в близких отношениях со Христом. Причем неважно, сознавал ли он сам эту близость или нет. Даже если сам священник не воспринимал всерьез достоинство своего сана, мать Тереза не могла пренебречь его словами. Она полагала, что в истолковании Божьей воли священникам отводится особая роль.

Встречая мать Терезу из очередной поездки мы, конечно же, расспрашивали ее не только о делах и достижениях, но и о встретившихся ей трудностях. О том, не допускали ли высокопоставленные политики и чиновники неточностей или даже злого умысла. Словом, нам хотелось посплетничать.

Но мать Тереза не позволяла себе ни одного дурного слова о людях. Мы настаивали — наверное, в том-то и в том-то ее обманули... Не провели ли ее? Не манипулировали ли ею? Не обошлись ли с ней дурно?

Но мать Тереза чаще всего отвечала: «Все были к нам так добры!» («They were so good to us!»). Вместо анекдотов и сплетен она рассказывала о том, как принимавшая ее сторона, как правительство страны, где она побывала, помогли ей, какие усилия приложили люди ради доброго дела и чем увенчались их старания.

Ни одного слова осуждения! Однажды я, не выдержав, заметил:

— Мать Тереза, но ведь не так уж гладко все прошло!

И она тут же, без колебаний, ответила:

— Отец, ты же знаешь: лучше не обвинять, а извинять («You know, Father: rather excuse than accuse»).

Еще одна фраза из числа тех, которые я часто от нее слышал.

В другой раз, в Москве, после совсем не радостного знакомства с советскими учреждениями, мы получили еще один урок. Мы не смогли добиться от нее ни одного критического замечания, ни одного негативного слова. Зато она сказала:

— Если ты принимаешься судить, у тебя не остается времени для любви.

Одна индийская семья, деятельно помогавшая матери Терезе в начале ее работы в трущобах, сдружилась с ней так близко, что мать Тереза все время думала об этих людях и порой заглядывала к ним в гости. И вот как-то раз во время ее визита (об этом мне рассказывали) присутствовала уже взрослая дочь, которая вдруг начала жаловаться матери Терезе на коррупцию в городском управлении Калькутты: повсюду взяточничество, не подмажешь — не поедешь. На самом деле девушка хотела, чтобы мать Тереза, пользовавшаяся величайшим авторитетом в правительстве Калькутты, заступилась там за ее друга. Эта молодая женщина так и сказала:

— Мать Тереза, не могли бы вы нам помочь? Калькутта — насквозь коррумпированный город. Здесь без взятки ничего не добьешься.

Мать Тереза отреагировала так, как она обычно реагировала, если кто-то начинал «говорить темное», «распространять тьму» (так она это называла).

— Да-да, это замечательные люди. Они так помогают нашим детям!

Но молодая собеседница не успокоилась и гнула свое:

— Мать Тереза, в Калькутте почти все только и думают, что о деньгах.

Мать Тереза вторично попыталась внести луч надежды в это темное царство и заговорила об индуистском обычае оставлять на пороге пригоршню риса для бедных.

В отчаянии молодая женщина вскрикнула:

— Мать Тереза, да раскройте же глаза! Калькутта — ад коррупции!

На миг повисло тяжелое молчание. Затем мать Тереза посмотрела своей собеседнице прямо в глаза и совершенно спокойно возразила:

— Я прекрасно знаю, что в Калькутте много взяточников. Но я знаю и о том, как много тут хорошего. И я предпочитаю видеть хорошее.

Наивной она не была. Не была она и слепа ко злу. Однако однажды она приняла волевое решение, которому следовала всю жизнь. Да, это был сознательный акт воли — жить в любви и надежде. Сознательное решение — видеть в людях хорошее и верить в добро.

Между собой сестры подшучивали: мать Тереза найдет извинение и для черта. Она вновь и вновь подчеркивала: не следует прислушиваться к дурным слу-

хам об известных особах, гораздо правильнее будет помолиться за этих людей.

Как-то раз она сказала:

— По крайней мере, в одном грехе мне никогда не приходилось исповедоваться: я никогда не осуждала ближнего.

Вот, выходит, как основательно она усвоила урок, который ее мать преподавала в Скопье своим тогда еще маленьким детям. Как-то раз за ужином дети принялись обсуждать и осуждать учителя. И тут мать вдруг выключила свет и коротко пояснила:

— Я не буду больше оплачивать счета за свет. К чему он детям, которые дурно отзываются о людях?

Мать Тереза стремилась помогать людям, а не винить их и не судить. Она помогала бедным, помогала наркоманам и больным СПИДом. Она облегчала страдания умирающих индуистов, мусульман, христиан и неверующих. Ее любовь не знала границ, не делала различий для рас и религий. Она не разделяла людей по материальному положению и мировоззрению. Она являла нам христианскую любовь к ближнему своим живым примером.

Меня удивляло: как мать Тереза терпит упреки и обвинения, раздававшиеся в ее адрес преимущественно в английских, но также и в немецких публикациях. Однажды она разъяснила мне эту загадку, наставляя, как следует принимать обиду:

— Когда тебя в чем-то упрекнули, прежде всего спроси себя: справедлив ли упрек? Если справедлив, иди и проси прощения. Если несправедлив, то держи свою обиду обеими руками, не выпускай ее, не давай ей воли. Но и не упусти возможность принеси свою обиду в жертву Иисусу. Радуйся, что можешь принести Ему нечто ценное.

В каждый момент жизни она сознавала: Божья любовь объемлет все творение, а она сама и другие люди — лишь хрупкие орудия в руках Господа. Вот почему она постоянно призывала молиться о том, «чтобы не испортить Божье дело» («Let us pray, that we don't spoil Gods work»). Она была неколебимо уверена: все благое, что существует, — Его рук дело!

По мере того как СПИД распространялся и сделался актуальной темой в средствах массовой информации, стали раздаваться голоса: мол, чума XX века — Божья кара за грехи или, по крайней мере, некое следствие наших грехов. Тем с большим интересом прислушался я к разговору, в котором матери Терезе был задан вопрос:

— Мать Тереза, эпидемия СПИДа — это кара за грехи?

Мать Тереза посмотрела вопрошавшему прямо в глаза:

— Я, мать Тереза, — грешница. Все мы — грешники. Все мы нуждаемся в милосердии Божьем.

И я припомнил другие ее слова: «По крайней мере, в одном грехе мне никогда не приходилось исповедоваться: я никогда не осуждала ближнего».

В Праге мать Тереза рассказала мне, как 31 октября 1984 года в Нью-Йорке был открыт Дом священников-миссионеров милосердия. Сначала священников было всего пятеро. Все они принесли матери Терезе обет: ни о ком никогда не отзываться дурно, ни внутри общины, ни за ее пределами. И вот комментарий матери Терезы:

— Вы, священники, представляете нам Иисуса. Никто и ничто не должно встать между вами и Иисусом.

И к этому она присовокупила еще одно пастырское наставление:

— Чтобы вдохнуть в приход жизнь, нужно собрать, как это сделал Иисус, команду из восьми, десяти или двенадцати человек, которые подлинно принесут Иисуса в этот приход.

Планируя очередную поездку или отчитываясь о выполненном поручении, я часто вынужден был звонить матери Терезе в Калькутту. И я с самого начала заметил: она почти всегда сама снимает трубку. Порой я даже сомневался, стоит ли звонить: мне было стыдно, что на мои вопросы и сообщения мать Тереза тратит столько драгоценного времени. Но она умела двумя-тремя словами, а главное — приветливой интонацией, неподдельной радостью, звучащей в голосе, тут же развеять мои сомнения.

Моя младшая сестра отправилась волонтером в Калькутту. И теперь в каждом телефонном разговоре мать Тереза сообщала мне, как ласково моя сестра обращается с бедняками, как она их любит. «Посмотрим, что Бог приготовил для нее!» («We will see, what God wants for her!») Был ли то намек, надежда, что моя сестра захочет присоединиться к ЕЕ сестрам? Так или иначе, но выслушивая такую похвалу от матери Терезы, я всегда испытывал братскую гордость.

Внимание, с каким мать Тереза относилась к каждому посетителю и каждому собеседнику, передалось и ее сестрам. Один случай произвел на меня глубочайшее впечатление: в аэропорту Нью-Дели мне пришлось довольно долго ждать пересадки, поскольку рейс в Калькутту опаздывал более чем на восемь часов. Пока я ждал, я заметил среди других пассажиров монахиню-японку, которая сидела с заплаканными глазами. Одинокая и несчастная. Я спросил ее, в чем де-

ло. Выяснилось, что ее ждали в Калькутте к четырем часам дня, а вовсе не в два часа ночи. Теперь выходило, что из-за опоздания рейса, она не знает, как добраться из аэропорта в город. Я обещал позаботиться о ней, хотя и не знал, как и чем смогу помочь.

В Калькутте мне пришлось для начала вызволить ее из толпы детишек, которые и в два часа ночи окружали каждого вновь прибывшего в надежде выманить хоть мелкую монетку. Таксист заверил нас, что ему в точности известно местоположение монастыря, в который направлялась монахиня, и обещал довезти нас. Но как только мы сели к нему в машину, он тут же сообразил, что понятия не имеет, куда ехать. Поскольку мне довелось однажды побывать в этой общине, я хотя бы представлял себе, в какой район Калькутты следует направляться. До половины четвертого утра мы плутали по городу, покуда наконец — скорее благодаря случайности — не отыскали вход в обитель. На громкий наш стук сначала никто не ответил. Потом после двадцати минут ожидания изнутри зашаркали, кто-то приближался к двери. Нет, ответил нам голос из-за двери, в такой час ни в коем случае не полагается отворять. Нужно дожидаться рассвета. То есть, ждать нужно было часа три.

Что же, призадумался я, делать с несчастной монахиней-японкой? Я не мог взять ее с собой к отцам-иезуитам, где останавливался сам по приезде в Калькутту. Тогда я попросил водителя отвезти нас к Дому ребенка, «Шишу Бхаван», в котором работали сестры матери Терезы. Я сильно устал, был несколько раздрадован и всю дорогу думал: если и там нас ждет подобный прием, мое доверие к конгрегации матери Терезы будет подорвано.

Мы постучали. Дверь немедленно отворилась. Сестра, уже начавшая варить в огромных котлах за-

втрак для голодных, приветствовала нас. Я объяснил ей наше затруднение, и она тут же ответила:

— Подождите, я схожу за настоятельницей.

Я попытался удержать не в меру ретивую монахиню:

— Бога ради, не надо, она же еще спит!

— Да-да, но я схожу позову ее.

Монахиня убежала, но уже через три минуты вернулась вместе с настоятельницей. Подумать только, сестра-настоятельница тоже оказалась японкой! Я опасался, что разбуженная в четыре часа утра настоятельница будет выглядеть... ну, скажем, не совсем счастливой, но все оказалось наоборот. Она вышла к нам с сияющей улыбкой на лице, будто ждала нашего приезда и страшно обрадовалась нам. В две минуты все проблемы разрешились: измученная японская монахиня попала в гостеприимный дом и — уверен — через пять минут уже мирно спала в постели.

Я говорил вначале, что мать Тереза казалась мне похожей на мою родную бабушку: и многочисленные морщинки, и сердечное тепло, и прямота в общении с людьми. Оборачиваясь к человеку, чтобы побеседовать с ним лично, отдельно от других, она целиком и полностью сосредотачивалась на нем. На какое-то время все, кроме этого собеседника с его вопросами и проблемами, переставало существовать. Нечто подобное наблюдал я, и присматриваясь к Папе Иоанну Павлу II.

Посетители никогда не чувствовали себя лишними, помехой для матери Терезы. В данный момент, длится он минуты, секунды или часы, ЭТОТ человек становился для нее самым важным из людей. Ощувив такое отношение к себе, почувствовав, как они важны для матери Терезы, проникнувшись близостью к ней,

многие люди становились ее лучшими друзьями. После ее смерти я слышал, что более пятисот человек всерьез считали, будто были тем самым «главным» человеком в ее жизни.

В Пондичери (ныне Пудучери), в той части Индии, что прежде была французской колонией и где работали в свое время французские миссионеры, одна женщина мне сказала:

— Миссионеры принесли нам новую религию — третью, помимо буддизма и индуизма. А мать Тереза принесла нам любовь Христову.

Взять быка за рога

Я всегда восхищался мужеством матери Терезы. Оно казалось мне не только одной из ее главных добродетелей, но и весьма существенным свойством ее характера. Вот лишь один пример. Еще в ту пору, когда она состояла в конгрегации «Сестры Лорето» и преподавала в Калькуттской школе, она как-то вывела своих учениц на прогулку. Посреди широкого луга на них напал разъяренный бык. Ученицы с воплями разбежались, бык погнался за ними, но мать Тереза, схватив красный зонтик, раскрыла его и бросилась наперерез огромной зверюге. От подобного сумасбродства бык так растерялся, что развернулся и дал деру.

Возможно, это всего лишь легенда. Но если бы в тот раз бык не струсил, не было бы не только легенды, но и ее героини.

Прошли годы, и я получил возможность понаблюдать за поведением матери Терезы в сандинистской Никарагуа. Она задумала основать сестринскую обитель в столице страны, Манагуа. В другом месте я уже рассказывал о том, как ей удалось наладить прямой разговор с главой сандинистов Даниэлем Ортегой и получить для своих сестер доступ в страну, находившуюся под руководством коммунистов. В ту пору враждебность вдохновленного идеями Маркса, Ленина и в особенности Фиделя Кастро сандинистского режима к Католической Церкви была очень велика. Напряжение достигло такого масштаба, что никто не мог поручиться за нашу безопасность.

Сообщалось о явлениях Девы Марии в местечке Гвапа, в двух часах езды от Манагуа. Тогдашний архиепископ Манагуа кардинал Мигель Обандо-и-Браво признал эти видения истинными. В том районе готовился большой праздник. Мы тронулись в путь в сопровождении полицейского кортежа. По таинственным дорогам, по скрытым в тени дубрав проселкам мы поднимались в горы. На последнем участке пути нам стали часто попадаться на глаза белые камни. В тех местах это знаки политического противостояния.

Бернардо — человек, которому являлась Дева — встретил нас и поведал свою историю. Затем на поле не был устроен пикник. Присутствовало несколько епископов и кардинал Дарио Кастрильон Ойос, в ту пору возглавлявший Латиноамериканский епископский совет, а также упомянутый выше архиепископ Манагуа. Вдруг из близлежащего леса вышла сотня во-

оруженных до зубов солдат. Я знать не знал, кто эти люди в форме, к какой армии принадлежат и на чьей стороне сражаются. Так что мне сделалось очень и очень не по себе.

Как и в той истории с быком, с которой я начал главу, мать Тереза тут же взяла инициативу — и тем самым ответственность — на себя. Солдаты с угрожающим видом приближались к нам. Она поднялась и решительно шагнула им навстречу. Встала прямо под дулами нацеленных на нее автоматов, порылась в сумке и начала раздавать солдатам, каждому персонально, чудотворные медальоны. Чтобы принять подарок из ее рук, солдатам приходилось убирать оружие за спину, а когда она одарила каждого солдата — каждого, не пропустив ни одного, и каждый принял ее подарок, — мать Тереза пригласила всю роту к нашему импровизированному столу. Но от этого приглашения они отказались, и мы смогли спокойно вернуться к трапезе.

Через несколько дней было получено разрешение поселить группу сестер в Манагуа. С помощью кардинала мать Тереза выбрала храм и разместила сестер в приходском флигеле. Отец Мондрагон, много лет занимавший должность настоятеля этого храма, с матерью Терезой был близок.

Их знакомство произошло достаточно необычным образом. Как рассказывал мне сам патер, поначалу он был приверженцем богословия освобождения и принял коммунистический режим сандинистов. Однажды его друг, тоже священник, предложил ему вместе отправиться в Рим на большую конференцию священнослужителей, где в качестве докладчика должна была выступать и мать Тереза. Некий «безумный голландец» (состоятельный католический предприниматель) брал на себя дорожные расходы заокеанских священников,

не имевших средств на такие путешествия. Отец Мондрагон откровенно признался, что «папские штучки» его мало интересуют. К Риму он относился очень негативно. Тем более, возразил ему коллега, стоит взять небольшой отпуск и поехать погулять по Риму, посмотреть этот старинный город. В итоге отец Мондрагон согласился — отчего бы и не согласиться, коли «безумный голландец» берет на себя расходы.

Он думал ограничиться туристической поездкой. На конференцию он даже не заглядывал. Но вот в последний день, в субботу, он решил, что из вежливости все же следует там появиться.

— Я сказал себе: «Пойду погляжу, чем там паписты занимаются», — рассказывал он мне впоследствии. Он вошел в зал, названный в память Папы Павла VI, как раз в тот момент, когда по рядам, из глубины зала к просцениуму, проносили статую Божьей Матери Фатимской. Когда статуя проплывала мимо отца Мондрагона, он вдруг ощутил столь великую любовь и такой свет, что понял: всю свою жизнь он заблуждался. То было подлинное обращение, внезапное и безусловное.

Начался доклад матери Терезы. Она говорила о любви Иисуса к Своим священникам. Отец Мондрагон вернулся в Никарагуа полностью преображенный. На следующий день, в воскресенье, он в проповеди открыл прихожанам все, о чем узнал сам: «Я хочу сказать вам одно: все, что я утверждал до сих пор, полная чушь. Нам придется начать все с начала, и мы начнем с молитвы перед Святыми Дарами. А затем мы посвятим наш приход Богородице».

У этого священника и остановились сестры матери Терезы, прибывшие в Никарагуа. Он стал их первым исповедником и руководителем.

Через несколько месяцев я вернулся в Никарагуа, чтобы во время Великого Поста провести с сестрами духовные упражнения. Напряжение между государством и церковью отнюдь не ослабло, скорее наоборот. Отец Мондрагон спросил меня, приму ли я участие в процессии* на Страстную Пятницу, но предупредил: ему самому уже несколько раз угрожали смертью. Его предупреждали: пока он остается в стенах церкви, его не тронут, но если только он отважится организовать процессию и выйдет на улицу, его пристрелят. По своему опыту пребывания за железным занавесом я знал, что присутствие иностранцев в какой-то мере служит защитой для членов церкви, и, хотя мне было не по себе, я не мог отклонить такую просьбу.

В Страстную Пятницу мы построили перед церковью участников процессии: впереди министранты**, за ними повозка с несущим крест Иисусом в синем плаще, дальше следовали сестры матери Терезы, а замыкали шествие священники — то есть отец Мондрагон и ваш покорный слуга. Улицу заполнили зеваки.

* Процессия (лат. *procession* — движение вперед) — в христианской традиции — шествие, составляющее часть богослужения или паралитургической практики. Церковь, восприняв процессию из религии Ветхого Завета (процессии паломников к Иерусалимскому храму), наделила ее принципиально новым смыслом: жизнь христианина — паломничество, он совершает свое земное странствие, следуя за Христом и неся свой крест. — Прим. ред.

** Министрант (лат. *ministrans* — прислуживающий, помощник) — мирянин, помогающий священнику во время мессы и других богослужений. — Прим. ред.

Едва процессия тронулась, как вдруг я понял, что остался единственным священником, бредущим во след за страдающим Иисусом. Отец Мондрагон исчез. Лишь когда из громкоговорителя донеслась молитва, я сообразил, куда он подевался: он устроился с микрофоном в «фольксвагене», там молился и оттуда управлял процессией. Конечно, подумал я, в автомобиле он лучше защищен от пули, а мне стоит молиться о том, чтобы у снайперов — если они подкарауливают процессию — оказалось хорошее зрение: ростом и фигурой я мало отличался от отца Мондрагона. Как бы меня не подстрелили по ошибке!

Каждый прохожий казался мне подозрительным, если я не мог издали разглядеть, что у него в руках. От сестер утешение было довольно слабое: они, видя мою тревогу, рассмеялись и сказали:

— Отец, если уж вам суждено умереть, умрите с достоинством. А мы за вас помолимся.

Ага, очень приятно.

То была самая долгая процессия в моей жизни. Наконец мы добрались до площади, где собирались служить мессу. Но тут, откуда ни возьмись, появилась группа молодежи с «матюгальником» и давай голосить коммунистические и антирелигиозные песни. Свой дьявольский аппарат они установили прямо перед алтарем, в тени высоких деревьев. Ни одного слова отца Мондрагона мы разобрать не могли. Ни во время мессы, ни во время проповеди. Лишь на миг нам удалось что-то услышать: у молодежи закончилась кассета, и они замешкались, переворачивая ее. Именно в это мгновение отец Мондрагон воскликнул:

— Есть время для песен и есть время для молитвы!

Но вот вновь загремела музыка революции, и коллега шепнул мне на ухо:

— Только не дергаться! Это полицейская провокация. Им нужен лишь повод, чтобы всех нас арестовать.

Квадратную площадь с двух сторон окаймляли полицейские автомобили. Но пассажиры сидели в них молча и просто наблюдали за происходящим. Верующие не поддались на провокацию, выслушали заглушенную песнями литургию и мирно возвратились в церковь.

Из Никарагуа мать Тереза просила меня отправиться на Кубу, чтобы провести духовные упражнения и с тамошними сестрами. Она была убеждена, что я, гражданин нейтральной Австрии, смогу получить визу без особых затруднений.

— Ты просто сходи в консульство, отец, и тебе дадут визу.

У меня имелись серьезные сомнения, ведь обычно за визой нужно обращаться у себя на родине или, по крайней мере, в основные представительства страны въезда. А кто в маленькой Никарагуа даст европейцу визу в соседнее коммунистическое государство? Без особой веры в успех я направился в кубинское посольство в Манагуа. Прошел через высокие ворота и дальше через дверь с охраной. Я подал прошение о визе, прождал немало часов и получил ответ, что кубинскую визу мне выдать не могут. Однако зачем-то мне предложили явиться еще и на следующий день. Я пришел, опять услышал «нет, но приходите завтра». Явился я и на третий день. И в третий раз получил отрицательный ответ. Потом еще раз пришел. И тут мне сказали, что у них я визу не получу, однако могу запросить ее через Вашингтон или Нью-Йорк. Признав свое окончательное поражение, я вышел из посольства.

У ворот стояла пожилая женщина, она схватила меня за рукав и потащила за угол.

— Сюда, сюда, пожалуйста!

Она вручила мне бумажку, где стоял какой-то номер — С16 — и сказала:

— Будьте к четырем часам дня в аэропорту, вы полетите с нами.

Я поблагодарил ее и ушел, совершенно озадаченный. Кто эта женщина? Чего она хотела? Даже если она пыталась помочь, она, очевидно, ошибалась: была среда, а по средам самолеты в Гавану не летали.

И все же я собрал свой необременительный багаж и точно к четырем часам дня был в аэропорту. Никогда ведь не знаешь, как обернется дело. На летном поле стояли два маленьких самолетика и одна реактивная машина. Я подошел к стойке регистрации, предъявил паспорт и ту карточку с номером. Стюардесса направила меня к другому выходу, где тоже находился контроль. Я опять показал полученную возле посольства записку и вдруг оказался замыкающим в цепочке пожилых женщин, настоящих «коммунистических бабушек», с битком набитыми сумками и пластиковыми пакетами. Цепочка тянулась через все поле к самолету. Мне велели присоединиться к этой группе. Так я оказался в салоне самолета, зажатый между двумя «бабушками». Я сидел на месте, которое, как я понял, и было креслом С в 16-м ряду. Как только последняя пассажирка поднялась на борт, машина взлетела.

Вскоре мы приземлились в Гаване. Я вновь последовал за «бабушками». Тревога нарастала, ведь я прилетел на Кубу без визы. Дамы прошли в боковой проход мимо основного здания аэропорта. У ворот стоял полицейский. В паспорт никто не заглядывал. Так, без визы, я оказался в царстве Фиделя Кастро.

Само собой разумеется, меня никто не встречал: я не предупредил сестер о своем приезде, ибо не верил, что у меня что-то получится. Позднее нунций (постоянный дипломатический представитель Папы) разъяснил мне, что то был нерегулярный рейс для жен и родственников кубинских политиков: они летают в Никарагуа на шоппинг.

Несколькими месяцами ранее мать Тереза встречалась с Фиделем Кастро и просила у него разрешения разместить в его стране сестринскую обитель для попечения о беднейших из бедных и умирающих. Как ни удивительно, Фидель Кастро удовлетворил ее просьбу, и сестры приехали на Кубу, чтобы заботиться о бедняках и в особенности об умирающих. Но когда я проводил упражнения, я узнал от сестер, что их пускают лишь в одну-единственную больницу, а там только в одно отделение — более того, только к одному пациенту.

Четыре сестры полностью сосредоточили свое внимание на одном тяжело больном человеке. Это глупейшее ограничение наложил на их деятельность не Фидель Кастро, а главный врач больницы. Миссионерки милосердия были близки к отчаянию, однако настоятельница утешила их:

— Раз Иисус решил оказать столько любви одному умирающему, значит, тот в ней нуждается.

И они продолжали терпеливо, неделю за неделей, ухаживать за своим единственным пациентом.

Потом сестрам предоставили право купить дом. Но оказалось, что в этом здании живут прежние обитатели, и сестры, конечно же, не могли их прогнать. Сложилась трудная ситуация, поскольку сестры должны были покинуть свой прежний дом, но не могли переехать в новый, который не был освобожден арендаторами.

И еще одна проблема: сестры не могли осуществлять свою обычную миссию, посещая одиноких и больных людей за пределами больницы, не могли даже заговорить с ними, поскольку общение с «иностранками» ставило под удар семьи этих людей. Только дети понятия не имели о стеснительных правилах и собирались вокруг миссионерок толпами.

При тоталитарном коммунистическом режиме всякое общение с иностранцами опасно. Когда я попытался разъяснить сложившуюся ситуацию матери Терезе, она тут же нашла выход:

— Так пусть они стараются посетить как можно больше людей! Всех не посадят.

Души в нужде

Крошечная поначалу конгрегация матери Терезы невероятно разрослась. В первые годы ее существования миссионерки по большей части заботились о малообеспеченных жителях Калькутты. После провозглашения независимости от Великобритании и последовавшего разделения страны в 1947 году в Калькутту хлынули миллионы беженцев. Тогда-то город и превратился в столицу бедствия и нищеты.

Десять миллионов индуистов и сикхов бежали из только что провозглашенной исламской республики Пакистан. Навстречу им двигались семь миллионов мусульманских беженцев, покидавших Индию. Во

время этих беспорядков и трагических скитаний погибли около миллиона человек. А в 1947 году между Индией и Пакистаном разразился первый вооруженный конфликт.

В Индии один голодный год сменялся другим. Человеческие страдания достигли предела. Однако мать Тереза вскоре поняла: глубокая отчаянная нужда существует и в благополучных странах. Но несчастье там не столь очевидно. Ту, другую, бедность чашкой риса не утолить.

— Если человек одинок, брошен, если он остался без работы, чувствует себя ненужным, отверженным обществом, то это тоже бедность, — не раз говорила мать Тереза. — Причем это такая форма бедности, устранить которую намного сложнее, чем голод. И вот такой нищеты полным-полно в самых богатых странах.

По этой причине мать Тереза открыла отделения своей конгрегации во многих западных столицах, в том числе в Риме, Лондоне, Нью-Йорке и Вене. Однако от ее внимания не укрылась и еще одна, помимо двух названных, форма нищеты. А именно, нищета духовная, более страшная, чем одиночество и физический голод. В такой нищете живут люди, не пришедшие к Богу, люди без веры, люди, не имеющие зачастую даже возможности услышать о Боге или как-то выразить свой духовный голод.

В Нирмал Хридей, хосписе в Калькутте, материальная нужда давала о себе знать очень остро. Волонтерам приходилось трудно. Многие из них не имели никакого понятия, как общаться с умирающими. К тому же, что приятного, если в обязанности входит мытье полов и туалетов? Так что служить там никто особо не

рвался. Из-за недостатка добровольцев мыть туалеты приходилось сестрам или самой матери Терезе. В хосписе любили вспоминать — вероятно, из педагогических соображений — одну историю, произошедшую многими годами ранее и являющую отношения духовной и материальной бедности в несколько неожиданной перспективе.

В хоспис явился нарядно одетый мужчина. Он попросил разрешения переговорить с матерью Терезой. Сестры сказали ему, что мать Тереза находится в дальней части дома, моет туалеты. Мужчина двинулся в указанном направлении и в самом деле застал мать Терезу за этим занятием. Завидев гостя, мать Тереза решила, что явился добровольный помощник. Она тут же стала ему показывать, как правильно держать в руках туалетный ершик, как навести чистоту без перерасхода драгоценной воды. После наставлений она сунула ершик в руки джентльмену и оставила его наедине с унитазом.

Минут двадцать спустя посетитель вышел из уборной, подошел к матери Терезе и спросил:

— А теперь мы можем поговорить?

— Да, конечно, — приветливо ответила мать Тереза.

Он вытащил из портфеля конверт и сказал:

— Мать Тереза, я — директор авиакомпании. Вот ваши билеты. Я за тем и явился, чтобы вам их передать.

Директор авиакомпании впоследствии говорил, что то были «самые важные двадцать минут» в его жизни. Он часто вспоминал тот день, ибо никогда прежде не испытывал подобного счастья.

Счастье помогать ближнему выпало и на долю четырех работников, которых мать Тереза столь же спонтанно «рекрутировала» во время строительства столо-

вой для бедных. Она и сама участвовала в строительстве. Когда же ей понадобилась пара крепких рук, чтобы передвинуть тяжелый сундук, мать Тереза попросту распахнула дверь, вышла на улицу и попросила четырех прохожих помочь. Двое из них, как выяснилось потом, были могильщиками, а двое других — дорожными рабочими. Все четверо вернулись домой сияющие, с памятными чудотворными медальонами.

Каждый человек томится по высшему смыслу, по Богу. На Западе это томление ощущается сильнее, чем в Индии, ибо общество потребления не в состоянии его утолить. Мне это наглядно проиллюстрировало одно происшествие на севере Италии. Во время поездки мать Терезу попросили выступить с речью перед десятью тысячами молодых людей. Я сопровождал ее как переводчик. На месте выяснилось, что организаторы пригласили своего переводчика. Мать Тереза, с присущей ей истинно материнской заботой, поняла, что я несколько разочарован своей ненужностью, и в качестве утешительного приза повела меня за собой на трибуну.

С самого начала стало ясно: молодая переводчица очень нервничает. Едва мать Тереза начала первую фразу: «В Евангелии мы читаем» («We read in the Gospel») на лице молодой женщины выразилось смутение, ибо английское Gospel («Евангелие») было ей незнакомо. Еще несколько фраз — и в речи матери Терезы прозвучало слово «Евхаристия». Оно и вовсе повергло переводчицу в ступор. Молодая женщина свободно говорила по-английски и по-итальянски, но мир, в котором жила мать Тереза, мир, в который мать Тереза звала молодежь, был этой женщине совершенно чужд. В отчаянии она расплакалась. Тогда мать Тереза нежно обняла ее за плечи, подвела к моему стулу, говоря ей

какие-то ласковые, утешительные слова. Я поспешил подняться.

Переводить пришлось мне. Хотя я и прежде часто выступал в качестве личного переводчика матери Терезы, лишь после случившейся накладки мне стало ясно, до какой степени индивидуален ее словарь: она говорила очень простыми, общеупотребительными словами, но придавала им особое значение. Конечно, переводил я отнюдь не так точно, как сделал бы это профессиональный переводчик, но после этого происшествия я осознал: главное — не качество перевода, а сила свидетельства, поражавшего слушателей матери Терезы в самое сердце.

Первая обитель сестер в Вене располагалась в районе, где проживало множество бедных людей. Очень скоро в приюте скопилось столько бродяг и нищих, что появилась необходимость переехать в более просторное здание. Как только мать Тереза приехала в Вену, она тут же попросила назвать ей людей, которые могли бы помочь в поисках дома. Получив список имен, она взялась за телефон и обзвонила всех. Разумеется, быстро нашлись два предпринимателя, которые выразили готовность купить дом для сестер матери Терезы и сдавать его за символическую арендную плату — доллар в год.

Этот дом находился в квартале красных фонарей и чуть ли не до момента продажи использовался в качестве борделя. Мать Тереза пожелала немедленно осмотреть здание, чтобы понять, годится ли оно в качестве жилища для ее сестер. Так я в свите матери Терезы попал в здание, полностью сохранившее еще обстановку дома терпимости. Про себя я думал: интересно, мать

Тереза решится войти внутрь или остановится на пороге? А если войдет, как она будет себя ощущать в подобном месте, как будет держаться?

К моему изумлению, она вошла в дом, как вошла бы в любое другое здание. Не без интереса огляделась. Меня смущали картины на стенах и запахи. Мне было неловко, даже стыдно, будто это я притащил мать Терезу в подобное заведение. Она же словно и не замечала ни обстановки, ни эротических изображений на стенах. Она деловито обходила комнату за комнатой, прикидывая: тут будет часовня, здесь алтарь, сюда повесим крест, а в том зале устроим трапезную, кухня будет как раз под ней. За считанные минуты она распределила, где чему быть, и направилась к выходу. На пороге она обернулась и сказала мне:

— Отец, ты, главное, освяти тут все хорошенько.

Это здание и поныне служит благословенным убежищем для нуждающихся матерей и других бедняков. Ежедневно сотни людей получают здесь горячий суп и другую пищу.

Мать Тереза любила повторять: «Мы — трубы». А трубы делай хоть из золота, хоть из серебра, хоть из пластмассы — все равно. Не так важен материал, как их пропускная способность. Как-то раз мать Тереза сказала сестрам:

— Мы с вами — ничто. В том-то и проявляется потрясающее смирение Господа: Он так велик, так дивен, что использует ничтожества, дабы явить миру Свое полноценное Бытие. Вот для чего Он использует вас и меня. Мы же должны просто пропускать через себя милость Божью, как трубы пропускают воду.

Желание быть «ничем» полностью соответствовало ее мировоззрению. Быть лишь «карандашиком в руках Господа», стрелкой компаса, указывающей на Иисуса.

Отказ от собственной значимости был в глазах матери Терезы первым шагом к святости.

Ее продолжающееся и поныне влияние на многих людей наглядно иллюстрирует история, которую поведал мне священник, работавший с ее сестрами. Вскоре после того как мать Тереза получила Нобелевскую премию, ее торжественно принимали в Сан-Франциско и даже вручили ей символические ключи от города. Репортаж с этого мероприятия передавали все радиостанции города. Какой-то молодой человек, по уши увязший в торговле наркотиками и оружием, ехал в это время по шоссе и слушал по радио музыку. Когда начался репортаж о встрече с матерью Терезой, он стал переключать приемник с канала на канал, но оказалось, что мать Тереза оккупировала все частоты. Парню не хотелось вместо музона слушать благочестивые речи, но пришлось ждать, когда закончится вручение ключей. Слушая против собственного желания речь матери Терезы, этот молодой человек вдруг расплакался. Слезы хлынули из его глаз с такой силой, что он вынужден был свернуть на обочину и припарковать автомобиль.

Лишь когда передача закончилась, он более-менее пришел в себя и смог продолжить поездку. Из первого же телефона-автомата молодой человек позвонил на радиостанцию и спросил, кто только что выступал. Ему ответили: «Это была мать Тереза». Парень разузнал адрес ближайшей обители — только что основанного в Сан-Франциско сестринского дома. Сестры подсказали ему, что в Нью-Йорке есть и мужская община их конгрегации. Он поехал в Нью-Йорк к отцам-миссионерам милосердия, прошел там духовные упражнения, впервые за много лет исповедался и начал новую жизнь.

За «железным занавесом»

Помимо жизненно важной физической потребности в воде существует не менее великая духовная жажда — неодолимое стремление быть любимым... «Человек жаждет не только воды, — снова и снова повторяла мать Тереза, — он жаждет Слова Божьего». Подобная жажда существовала как в западном рыночном обществе, так и в странах коммунистического Восточного блока. И ее не способны утолить ни свободный рынок, ни марксистско-ленинская идеология, ни маоизм.

Пояс атеистических государств, отделенный «железным занавесом» от стран Центральной Европы,

простирался до Тихого океана. Он состоял из подвластных Москве стран Восточного блока, Китайской Народной Республики и ее сателлитов и в ту пору был практически непроницаем для представителей иностранных религиозных общин. В особенности — для католических миссионеров. Любые формы веры, даже сугубо частные, скрытые, преследовались и подавлялись силой.

Словацкий епископ в изгнании Павол Хнилица, чьим помощником я состоял в Риме, неотступно просил мать Терезу направить сестер в СССР. Он много рассказывал ей о своей жизни в коммунистической стране. В 1984 году епископ даже отправился в Индию, чтобы встретиться там с матерью Терезой и все-таки добиться отправки сестер в Советский Союз. Мать Тереза колебалась: ей не хотелось вмешивать своих сестер в политику, но Папа Иоанн Павел II дал разрешение и пастырское благословение. Это и стало началом приключений в Советском Союзе.

— Вы поедете туда, куда меня не пускают! — сказал Папа. Звучит, как призыв трубы: в путь, в бой!

В том же 1984 году мне выдалась недолгая поездка в Москву. Летел я из Калькутты, и мать Тереза снабдила меня пластиковым пакетом с чудотворными медальонами, поручив «посеять» их в Москве. Тем временем она вместе с сестрами собиралась молиться, штурмовать небеса, чтобы Богородица согласилась призвать сестер в Москву и открыла для них возможность основать обитель в Советском Союзе.

«Посевом» медальонов мать Тереза занималась неоднократно. В ее глазах то был особый акт веры и молитвы. Следовало уронить медальон на пол, помолиться и с верой ожидать последствий такого поступка. На этот раз молиться Богородице следовало с осо-

бым усердием: если бы разрешение было получено, сестры матери Терезы стали бы первой официально признанной католической конгрегацией на территории Советского Союза. Так что мешок, врученный мне матерью Терезой для «посева» в Москве, был до отказа набит несколькими сотнями медальонов.

Транзитная виза давала мне право задержаться в Москве не более чем на неделю. Мы с епископом Хнилицей обсудили, как провести это время в советской столице, чтобы выполнить поручение матери Терезы с наибольшей пользой. Тут опять-таки были свои проблемы и опасности. Я без особого оптимизма сформулировал их так: «Неделя в Москве — двадцать лет в Сибири».

Но лучше рассказать все по порядку. Во-первых, мы с матерью Терезой задержались в поездке по южной Индии, где посещали одну из сестринских обителей. Когда добрались до Калькутты, выяснилось, что вылет в Москву придется отложить на неделю: на свой рейс я опоздал. Представительство «Аэрофлота» в Калькутте не спешило менять нам билеты, поскольку за это время транзитная виза истекала. И возник замкнутый круг: советское консульство в Калькутте отказывалось дать новую визу, пока не будут предъявлены билеты с измененным сроком поездки, а Аэрофлот без визы не давал билеты. Оба этих учреждения, сколько их ни просили, уперто стояли на своем. Я был близок к отчаянию и выхода из создавшегося положения не видел.

Наконец меня осенила идея: не испробовать ли мне силу чудотворных медальонов матери Терезы на служащих «Аэрофлота». И точно: тут же свершилось первое маленькое чудо. Я вручил медальон молодой женщине со словами:

— Я попытаюсь снова обратиться в консульство с просьбой о визе, но без билета мне, скорее всего, откажут.

И направился к дверям. На пороге она меня окликнула:

— Погодите, я вклею вам в билет квитанцию с новым сроком вылета. Вообще-то так делать нельзя, но вы сразу же идите в консульство. А как получите визу, вырвите эту бумажку и возвращайтесь ко мне. Я официально выпишу вам новый билет.

Так нам удалось перенести сроки поездки. Тем временем пришло известие, что Папа Иоанн Павел II, опираясь на Фатимское пророчество о России и мире, решил 25 марта, в праздник Благовещения посвятить мир, и в особенности — Россию, Непорочному Сердцу Девы Марии. Папа поручил всем епископам провести такое же посвящение на своих территориях. Но кто мог осуществить посвящение в самой России, где не было католического епископа? Ведь именно для России Богородица особо желала такого посвящения и очищения.

Самолет «Аэрофлота» к полуночи доставил нас через Бангкок в Москву. Мы с епископом Хнилицей оказались единственными пассажирами, которые тут же не прошли на пересадку, а пожелали использовать транзитную визу для временного пребывания в столице Советского Союза. Это означало, что нам нужно пройти через весьма строгую и даже придирчивую советскую таможенную службу. Наш багаж перерыли, обнаружили и подозрительный наперсный крест епископа, и монеты из Ватикана, и целый мешок — несколько сотен — чудотворных медальонов. В ту пору провоз религиозных предметов в Советский Союз был строжайше запрещен, так что нам грозили неприятности. А для сло-

вацкого епископа в изгнании появление в СССР и без того было сопряжено с риском.

Но медальоны в очередной раз явили свою чудотворную силу. Епископ Хнилица спросил таможенного офицера, нравятся ли ему медальоны и не хотел бы он иметь такой. Таможенник быстро оглянулся по сторонам и кивнул. Он получил медальон, а мы без проблем прошли таможеню.

Схожее маленькое чудо совершил медальон — вернее, Богородица — несколько дней спустя. А именно 24 марта, накануне праздника Благовещения. По приглашению сотрудников посольства нас вместе с группой дипломатов пропустили в Кремль, позволили осмотреть кремлевские соборы. Охранник на входе подозрительно глянул на рюкзачок, который епископ нес на груди, и запретил брать его с собой. И вновь тот же ритуал: медальон — охранник бросает вороватый взгляд на своего коллегу в милицейской форме — кивает, и мы проносим свою ношу в Кремль, где нам показывают не только Архангельский, но и Успенский собор.

Для осуществления наших планов содержимое епископского рюкзачка было жизненно важно: мы собирались совершить святую мессу в том самом храме, который — внутри Кремля, в самом средоточии советской власти — свято хранил тайну вступления Пресвятой Богородицы в жизнь вечную.

Незаметно для множества посетителей мы, прислонившись к Патриаршему моленному месту, совершали в Успенском соборе мессу. Газета «Правда» благодаря своему крупному формату служила нам замечательным прикрытием. За широкими листами этого официального органа партийно-правительственной пропаганды мы укрыли листы с текстом посвящения мира и России Непорочному Сердцу Девы Марии.

После того как мы исполнили обряд посвящения, я вспомнил о просьбе матери Терезы «посеять» медальоны в центре Москвы. В Успенском соборе находились гробницы глав русской Церкви — митрополитов и патриархов. Они располагались почти вплотную к стене. Оставался лишь небольшой зазор, и я подумал, что попав в щель за одной из гробниц, медальон может пролежать там сотни лет и принести обильные плоды. Выбрав момент, я закинул медальон за надгробие. Но как раз в эту минуту общий шум в храме стих, и медальон упал с очень отчетливым «дзинь-дзинь-дзинь». Во мгновение ока на месте преступления возникли пять работников музея и начали встревоженно доискиваться, каков был источник странного звука. Мне пришлось прикинуться ни в чем не повинным туристом, хотя казалось, что громкий стук сердца вот-вот меня выдаст. После долгих пяти минут поисков сотрудники успокоились. Думаю, медальон и по сию пору лежит за гробницей и, Бог даст, пролежит там, в Успенском соборе Кремля, еще сто и больше лет.

Вера, молитва и медальоны принесли обильные плоды: ныне на территории бывшего Советского Союза размещается более двадцати обителей конгрегации миссионерок милосердия.

На следующий день мы отправились домой, в Рим. При выписке из гостиницы я попытался выяснить у сонной дамы за стойкой регистрации, сколько мы должны заплатить. Назвал ей наши имена, но в ответ слышалось краткое «нет». Я повторил наши имена — снова «нет». Епископ попытался заговорить с ней по-русски. Получил тот же ответ и подытожил: «Что ж, значит, мы — гости Богородицы». И мы без помех покинули гостиницу.

По воле случая мы поспели в Рим к десяти часам утра (помогла разница во времени) и смогли принять участие в официальной церемонии посвящения мира Непорочному Сердцу Девы Марии. Посвящение Папа проводил по завершении торжественной праздничной литургии на площади Святого Петра. Правда, из-за чудовищных римских пробок я не надеялся добраться из аэропорта в Ватикан вовремя. Мы опоздали, но и тут произошло маленькое чудо: швейцарский гвардеец провел нас с епископом через пустую базилику. Мы вышли на яркий свет, которым была залита в то прекрасное воскресное утро площадь Святого Петра, в тот самый момент, когда Папа произнес первые слова посвящения: «Под защиту Твою прибегаем, Пресвятая Богородица».

После праздника епископ Хнилица отчитался Папе Римскому о тайном посвящении, которое мы провели в Кремле, передал ему яблоко с московского рынка и один из оставшихся у нас чудотворных медальонов. Папа был глубоко тронут множеством благоприятных совпадений и увидел в них поданный Богородицей знак: Она одобряет посвящение, все сделано так, как Она повелела в Фатиме в 1917 году.

Через год, в 1985 году, к власти в СССР пришел Михаил Горбачев, и мать Тереза начала пожинать плоды своих молитв. В Советский Союз середины 80-х годов допустили четырех сестер конгрегации, позволили им основать обитель! Для нас это было «Его делом». Чудо свершилось.

Советские законы, как и политическая доктрина страны, казалось, полностью исключали саму возможность появления там обители сестер матери Терезы. На

территории Советского Союза запрещена была деятельность иностранных благотворительных организаций. К чему они, если государственная идеология, основанная на марксистско-ленинском учении, насаждала веру в тотальную заботу партии и правительства? Советское государство и Коммунистическая партия могли и сами обеспечить нуждающихся. В «раю для трудящихся» не могло быть ни одного человека, лишенного помощи и поддержки. Такова была социалистическая догма.

А потому на все просьбы матери Терезы впустить ее сестер в страну высокопоставленные партийные функционеры возражали:

— У нас нет бедных. Чем будут заниматься ваши сестры? У нас не то, что на гнилом Западе: государство обеспечивает своих граждан всем, в чем они нуждаются.

Спокойно и деловито мать Тереза опровергала эти возражения:

— Сестры подарят любовь и заботу тем, у кого нет близких. Этого государство обеспечить не может.

Как случилось, что в 1988 году запрет на деятельность иностранных благотворительных организаций был отменен? Мы не знаем — но это случилось. И тогда впервые появилась возможность направить сестер в Советский Союз. И это — мать Тереза была твердо убеждена — было опять-таки «Его делом». Завершился долгий путь от «предварительных чудес» до чуда окончательного, и теперь сестры смогли подарить беднейшим из бедных в Советском Союзе свою любовь и заботу.

В июле 1987 года два американских режиссера, Анна и Жанетта Петри, показали на Московском кинофестивале документальный фильм «Мать Тереза».

Под затяжные овации зрительного зала им была вручена премия Советского комитета защиты мира. До того дня едва ли кто-нибудь в Советском Союзе слышал о матери Терезе. Теперь же публика громко спрашивала: почему эта маленькая женщина, объехавшая весь мир и всюду творившая такие замечательные дела, ни разу не побывала в Советском Союзе. Ответ был прост: ее никто не приглашал.

Документальный фильм не только получил премию, но и затронул сердца многих партийных руководителей. Было решено вручить золотую медаль Советского комитета защиты мира и самой матери Терезе. Возглавлял комитет Генрих Боровик. Для вручения премии логично было пригласить в страну «героиню», и она охотно приняла приглашение. С большой поспешностью были подготовлены все необходимые документы, получена виза и — мать Тереза готова была к проникновению в сердце мирового коммунизма.

Жанетта Петри, соавтор фильма и постоянная помощница сестер матери Терезы, организовала поездку. К ее ужасу, накануне вылета в Москву мать Тереза поделилась с ней «сюрпризом»:

— Знаете, кто полетит с нами в Москву?

Мадам Петри, не хуже меня знакомая с манерой матери Терезы «прихватывать» с собой свиту, страшно встревожилась:

— Матушка, нам больше ни для кого визы не дадут, все сорвется!

— Ей виза не нужна! — засмеялась мать Тереза и представила своим потрясенным спутникам статую Девы Марии ростом примерно в семьдесят сантиметров. — Она так хочет поехать вместе с нами! — продолжала мать Тереза. — У нас с Ней заключен договор: Она помогает мне проникнуть в труднодоступ-

ную страну, а я беру Ее туда с собой. Это всегда срабатывало.

Так 19 августа 1987 года мать Тереза со статуей Девы Марии в руках впервые в жизни явилась в Москву. Ей устроили торжественный прием в присутствии десятков журналистов, провели церемонию вручения премии Советского комитета защиты мира. Конечно же, она прекрасно понимала: государственные функционеры хотят таким образом использовать ее в своих политических целях. Но мать Тереза никогда, ни при каких условиях не вмешивалась в политику.

Вот и на этот раз в благодарственной речи она говорила о собственной позиции:

— «Серебра и золота нет у меня», — процитировала она слова апостола Петра, сказанные хромому нищему у ворот храма (Деян 3:6), — но мой дар народам Советского Союза — мои сестры, которых я сюда направляю.

Она сразу же замахнулась на то, чего никто не считал возможным не только в Советском Союзе, но и за его пределами: она подарила Иисуса беднейшим из бедных в России и сопредельных странах, принесла Его, облеченным в таинства, присутствующим в служении членов своей конгрегации. На фоне многолетних преследований христиан, которые начались еще в 1917 году, на фоне многолетнего подавления веры в стране, это было чудом.

Прошло больше года, прежде чем сестры добились виз и «подарок матери Терезы» добрался до России. Тем не менее 15 декабря 1988 года я провожал в римском аэропорту мать Терезу, сестру Малу, назначенную настоятельницей регионального отделения конгрегации,

Жанетту Петри и еще четырех сестер. Они летели в Москву. Там в ту пору проживал один-единственный католический священник, отец Норман. Он числился при французском посольстве. Но матери Терезе требовался свой собственный священник, и я получил от своего епископа разрешение отправиться вслед за матерью Терезой в Москву.

Во время визита матери Терезы к кардиналу Анджело Содано, госсекретарю Ватикана, кардинал наделил меня всеми полномочиями, какие могли мне понадобиться для миссии в Советском Союзе: я имел право крестить, проводить конфирмацию, благословлять браки между супругами-католиками.

Я рассчитывал, что мать Тереза вызовет меня после Рождества, но визу уже получил (на всякий случай я ходатайствовал о ней заранее). И вот, когда за четыре дня до праздника я собирался выехать из Рима в Вену, а оттуда в Мюнхен, чтобы встретить там Рождество вместе с родственниками, из Москвы пришел факс: «Дорогой отец Лео! Приезжай немедленно. Привози все с собой. Благослови тебя Бог. Мать Тереза». Я попытался заверить сестер и брата, что к Сочельнику поспею обратно из Москвы, но они лишь посмеялись и были правы: я застрял в Москве до июля.

Вечером того же дня, когда был получен факс, я уже сидел вместе с двумя сестрами матери Терезы в самолете. В аэропорту мать Тереза встретила нас лично, обратившись к нам со словами вдохновенного пророчества: «Я молилась Матери Божьей о том, чтобы обителей в России стало по числу тайн розария». Тогда этих тайн насчитывалось пятнадцать, ныне — двадцать.

Сколько трудностей пришлось преодолеть первой группе сестер, да и мне, чтобы получить разрешение

на въезд! А потому я лишь усмехнулся восторгам матери Терезы, а про себя непочтительно подумал: «Старает, матушка, позволяет себе помечтать».

Десять лет спустя — за две недели до смерти матери Терезы — я проводил в Москве недельные реколлеции для настоятельниц всех наших обителей, какие уже имелись тогда на территории бывшего СССР. На встречу явилось ровно пятнадцать настоятельниц пятнадцати обителей вместе со своими заместительницами. Каждой обители было дано имя в честь одной из тайн розария. Эти названия сохранились и поныне.

Я знал ситуацию в Советском Союзе по прежним визитам, и мне было хорошо знакомо чувство беспомощности, которое настигает человека на паспортном контроле или при входе в гостиницу, где царствуют всемогущие представители службы безопасности или милиции. Каким шоком, думал я, была для радовавшихся своей новой миссии сестер встреча с такими людьми! Каково подчиняться резким командам: «Молчите! Говорить будете, когда вас спросят!»

А ведь мы как иностранцы еще пользовались некими привилегиями! Медленно, но неотвратимо на меня напоздали подавленность и страх. Горло сдавливало неприятное чувство, хотелось одного — спастись бегством. А поскольку бежать из Советского Союза, этой антиутопии, было невозможно (слишком бдительный пограничный контроль), мне чудилось, будто я попал в огромную, надежно охраняемую тюрьму.

Была в этой ситуации, правда, и положительная сторона: актуальной, повседневно значимой стала для нас молитва «Под Твою защиту прибегаем, Пресвятая Богородица». Эта молитва — древнейшее христиан-

ское обращение к Деве Марии, найденное в египетских папирусах III века. И она укрепляла во мне глубочайшее доверие к Богу: Богородица, ангелы и святые непрестанно ходатайствуют за нас.

По пути в центр Москвы (там сестрам были выделены три больничные палаты) мы проезжали мимо бесконечных рядов однотипных домов, холодных спальных кварталов, мимо куда-то спешащих одетых в темное людей. Озабоченные лица прохожих свидетельствовали о великой духовной нужде и небывалом страдании. Даже Кремль произвел на нас гнетущее впечатление. Видимо от того, что не так уж и далеко была от него Лубянка и здание КГБ, где пытали и убивали верующих и противников режима. Мы наведались в единственный на многомиллионный город католический храм. Церковь святого Людовика соседствует — что символично — с двумя зданиями советской службы безопасности. Шептали, будто пресловутые тюремные подвалы КГБ тянутся и под зданием церкви.

Община была малочисленная и состояла почти полностью из пожилых женщин, «бабушек». Явственно чувствовались недоверие и подозрительность, с каким эти люди встречали каждого незнакомца. И это понятно: глубоко укоренилась память о том, как в годы революции ЧК — предшественница КГБ — захватила крестильные списки церкви святого Людовика. И по ним арестовывала и расстреливала верующих.

Старый полуслепой священник почти каждый день перед мессой совершал чин поминовения усопших. Мать Тереза нашла простое и успокоительное объяснение этому обстоятельству:

— Он плохо видит, а наизусть, вероятно, знает только это чинопоследование.

Как и повсюду, где основывалась обитель, мать Тереза и здесь сочла нужным обустроить часовню в одной из трех палат, предоставленных сестрам на седьмом этаже больницы. И, как всегда, в часовне присутствовала дарохранительница, на стене висело распятие, а под правой рукой Распятого — краткая надпись по-английски: «I thirst» («Жажду»). Эта надпись обязательно появлялась на стене часовни в каждой сестринской обители. И в ней было наглядное и краткое объяснение причины, по которой мать Тереза желала направлять своих сестер в страну победившего атеизма: Господню жажду, Его желание любить и быть любимым не сдержат никакими политическими или культурными барьерами.

Наступил Сочельник. Посреди духовной нужды огромной столицы, в окружении страдающих пациентов больницы группа во главе с матерью Терезой встречала Рождество. На высоте седьмого этажа мы чувствовали себя ближе к небу. Впервые после 1917 года пусть маленькая, но все же официально допущенная в страну группа католических миссионерок встречала в России Рождество Христово. Малое семя, сулившее принести обильный урожай.

Между медсестрами, врачами, пациентами, словно лесной пожар, распространился слух: нынче вечером в больнице совершается богослужение. Они тихо, украдкой сошлись и так же тихо разошлись — первые посетители больничной часовни, которая в тот вечер превратилась в Вифлеем.

Советское Рождество

На Советский Союз обрушилось море бедствий. Очередной удар пришелся на вторую неделю декабря 1988 года: в Армении содрогнулась земля. Мощные подземные толчки разваливали многоэтажные здания, словно это были карточные домики. Больше всего пострадали Спитак и Ленинакан (ныне Гюмри). Землетрясение унесло более тридцать тысяч жизней. Среди погибших было много детей.

Сестринская обитель в Москве еще не была толком обустроена, однако мать Тереза откликнулась на просьбу представительницы Армянского комитета защиты мира направить в Ереван четырех сестер и свя-

щенника. Задачей этой группы было принести в детскую больницу «смирненную любовь и служение» («humble love and service»), поддержать в скорбный для целой страны час раненых детей и их близких.

Недавно построенная больница была рассчитана на сто двадцать детей. Но теперь в ней находились более шестисот пациентов, по большей части — пострадавших от землетрясения.

Мы вылетели из Москвы с величайшей поспешностью — можно сказать, сломя голову — не подготовившись и не собравшись. Мать Тереза никогда не была сторонницей долгих сборов. Рождество — день, когда Младенец Иисус пришел на Землю, — был в ее глазах самым подходящим моментом, чтобы отправить в помощь Армении четырех сестер и священника. Вылет из Москвы в Ереван был назначен на вторую половину дня 25 декабря. Ни наша растерянность по поводу такой спешки, ни бушевавшая в столице метель не могли нарушить этот план. Во всяком случае, в аэропорт Шереметьево мы прибыли вовремя.

Оказалось, что не только Москва, но и Ереван утонул в снегу. Нам пришлось несколько часов дожидаться отложенного рейса. Поскольку мать Тереза все еще оставалась почетным гостем Комитета мира, мы все считались VIP-персонами и могли проводить скучные часы ожидания в депутатском зале, предназначенном для представителей партийной и хозяйственной номенклатуры, артистов и прочих неординарных личностей. Мрачная тишина зала была вдруг нарушена живыми, взволнованными речами смуглых индийских сестер в ярких бело-голубых сари.

Индийские сари, а за окном — московская метель. Ледяной ветер, холод, а мать Тереза, как всегда, в кожаных сандалиях без носков. Можно ли придумать бо-

лее яркий контраст, чем этот — между чиновничьим уютом зала и евангельской бедностью? Депутатский зал преобразился так, как никто бы не мог ожидать от этих бетонных стен, помпезно-безвкусной мебели и пыльных ковров во весь пол.

Часы вынужденного ожидания мать Тереза всегда заполняла проповедью, молитвой, разговором и веселыми шутками с сестрами. Так и в тот день Рождества она радостно приветствовала томившихся ожиданием гостей VIP-зала. И каждую робкую ответную улыбку она вознаграждала медальоном из своей сумки — из своей переносной сокровищницы. И она, и сестры использовали любую искру интереса, любой вопросительный взгляд как желанную возможность обратиться к незнакомцу с улыбкой или приветливым словом. Вскоре все присутствующие в зале либо сразу повесили себе на шею — на цепочке или на шнурке — чудотворный медальон, либо спрятали его в сумку. Тех, кто немного говорил по-английски, мать Тереза научила сопутствовавшей медальону молитве: «Мария, Матерь Иисуса, будь и мне Матерью» («Mary, Mother of Jesus, be a Mother to me»).

Как велики были изумление и радость людей, получавших этот маленький знак любви! Еще больше всеобщее изумление возросло, когда сестры сдвинули стулья и тихо, чтобы не мешать другим ожидающим в VIP-зале, прочли дневные молитвы и спели псалмы. В просторном салоне воцарилось молчание, словно в католическом соборе в час молебна в Святую ночь. Я боялся, как бы стоявшая у дверей охрана не положила конец «религиозной пропаганде» в депутатском зале столичного аэропорта. Но этого не произошло. Едва отзвучало последнее ангельское приветствие, из сумок и коробок были извлечены московский черный

хлеб, плавленные сырки и — не удивляйся, читатель, — маленькие шоколадные яйца. Да, пасхальные яйца на Рождество!

Всех, кто находился в салоне, пригласили разделить рождественскую трапезу из хлеба и шоколадных яиц. Но лишь самые отважные решились принять из рук одной из сестер пластиковые стаканчики с желтой газировкой.

После приятного угощения остатки еды были аккуратно собраны, пластиковые стаканчики ополоснуты, и наступил час заслуженного отдыха. Мать Тереза уехала в «барочное» кресло под огромных размеров картиной, развернула газету и принялась расшифровывать кириллицу, знакомую ей по годам учебы в сербской школе в Скопье. За этим занятием она задремала, развернутая газета накрыла ее почти полностью. Эта картина так и стоит перед моими глазами: Рождество 1988 года, мать Тереза в Москве, в сердце Советского Союза, мирно спит на «барочном» троне под монументальным портретом Ильича, целиком укрытая газетой «Правда».

На летное поле все падали и падали тяжелые белые хлопья... Лишь к вечеру появилась надежда, что самолет сможет вылететь из Москвы. Сначала отправили другие рейсы, наша машина поднялась в воздух уже в темноте. Мы до последнего момента не были уверены, что сумеем приземлиться в аэропорту Еревана, куда шло множество рейсов с гуманитарной помощью. Самолеты санитарной, военно-медицинской и военно-транспортной авиации, доставлявшие жизненно необходимые припасы и поисковые группы для спасения остававшихся под завалами жертв землетрясения,

конечно же, имели преимущество перед обычным гражданским рейсом. И все же «быстрая новенна», столь любимая матерью Терезой, сделала свое дело: мы приземлились в снежную бурю. При посадке нас изрядно трясло, самолет дрожал и стонал так, что стало страшно. Я даже попытался утешить себя мыслью, что смерть в обществе матери Терезы не столь уж плоха. Однако успокоительных препаратов не потребовалось: как и многие другие люди, переживавшие трудные ситуации вместе с матерью Терезой, я вдруг ощутил иное, гораздо более сильное чувство. Панику как рукой сняло. Как это описать? Казалось, что Тот, Кто столь явно направлял и оберегал мать Терезу, ведет и оберегает всех ее спутников.

Впрочем, и в Ереване кризисная ситуация не заставила себя ждать: мы приземлились перед полуночью. Едва успели выйти из здания аэропорта, как у нас за спиной погасли огни и закрылись все двери. Нас никто не ждал. Видимо, решили, что в этот день самолет не прилетит. В общем, за нами не приехали. И вот мы стоим в ночь после Рождества на ветру, посреди метели, в жутком холоде и темноте на пустынном шоссе. Аэропорт вынесен далеко за пределы города. До столицы Армении так просто не добраться. Для такого случая мать Тереза сочла «быструю новенну» недостаточной. Был извлечен розарий. Не успели мы прочесть и десяток «Радуйся, Мария», как мать Тереза громко воскликнула: «Смотрите, как добр Иисус!» («See, how good Jesus is!»). Господь вновь пришел на помощь ей и тем, кто с ней был. На сей раз Божья помощь воплотилась в виде милицейской машины, чьи огни вдруг пронзили густой снежный сумрак.

По размерам автомобиля я заключил, что он предназначен либо для перевозки целого отряда, либо

для транспортировки заключенных. Я не осудил бы стражей порядка, если б они схватили ночных бродяг, одетых в экзотические сари и сандалии (и стоящих при этом на заснеженном шоссе возле аэропорта!) и доставили их прямым ходом в здание с крепкими решетками. Но вместо этого милиционеры отвезли нас в детскую больницу Еревана, где нам предстояло провести ближайшие месяцы.

Очевидно, по дороге наши спасители связались с руководством больницы, сообщили им, что, несмотря на непогоду, мы все же добрались. У дверей больницы нас ожидала приветственная делегация: женщина-главный врач, другие врачи, тоже по большей части женщины, две-три дамы, которые, как я понял, были подругами главврача, и охрана, которую я мысленно тут же причислил к КГБ. Все эти люди старались показать, что ждали нас и к нашему приезду все подготовили.

Как только нас провели в предназначенные нам помещения, мать Тереза принялась, вроде бы дружески подшучивая, но очень деловито распределять комнаты. Нам отвели не так уж много места. Как я уже говорил, больница была рассчитана на сто двадцать коек, а после землетрясения в ней разместили более шестисот детей, многие из которых сильно пострадали. Пациенты лежали повсюду — в коридорах, на лестничных площадках. Четырём сестрам матери Терезы предоставили две комнаты. В одной из них мать Тереза без промедления начала обустраивать часовню: извлекла привезенное с собой распятие и портативную дарохранильницу. Через пару минут крест с надписью «Жажду» уже висел на стене, стол был передвинут и превращен

в алтарь, на полу расстелили циновки. И вот в этих стенах впервые зазвучала вечерняя благодарственная молитва.

В другом крыле того же этажа мать Тереза выделила мне семиметровый чулан с маленьким слуховым окошком. Когда я туда заглянул, на моем лице, наверное, отразилась некоторая растерянность, а то и неудовольствие. Мать Тереза, успевшая уже проинспектировать эту темную дыру, решительно заявила мне:

— Отец, вот теперь ты — настоящий миссионер.

В голосе ее звучало подлинное ликование, перед ним не устоишь! С этими словами она вытащила из своей многократно залатанной сумки, этого рога изобилия, кулечек чернослива, выдала мне угощение — «Доброй ночи» — и я остался один с сухофруктами в руках посреди помещения, где стояла кровать — то бишь деревянные козлы с матрасом из мешка соломы.

Как обживать этот чулан? У меня с собой не было ничего, кроме одежды — той самой, что была на мне. Багаж мой потерялся еще по пути из Рима в Москву и так и не обнаружился. Я утешал себя мыслью, что проведу в чулане всего одну ночь.

Так начались мои армянские приключения. В тот поразительный рождественский вечер в дальнем Ереване я ужинал черносливом, коим столь заботливо снабдила меня мать Тереза. Съел сушеный плод, хотел было выбросить косточку, но призадумался: погоди, надо ведь все использовать, ничто не должно пропасть зря. Может быть, и косточка еще пригодится? И точно! В ближайшие две недели за неимением альтернативы я чистил косточками от слив зубы.

Усталый, я рухнул на кровать и крепко проспал не многие остававшиеся до утренней мессы часы. Вряд ли мне удалось бы столь безмятежно заснуть, знай я

заранее, что этот «гроб с оконцем в крышке» предназначен не для однократной ночевки, а что он станет моим домом на ближайшие полгода.

Приключения в Армении

Условия, в которых мне пришлось жить в следующие недели и месяцы, оказались самыми скромными из тех, в каких мне только доводилось прежде бывать. Электричества не было, и мой лишенный окон чулан всегда был погружен в темноту. Слуховое окно выходило в какие-то служебные помещения. Помыться у себя я не мог, а в общем душе горячая вода отсутствовала. И все же, оглядываясь назад, я с готовностью утверждаю: это были лучшие месяцы моей жизни.

Лучшие, ибо на следующий же день после мессы мать Тереза выдала нам «инструкции»:

— Зачем мы сюда приехали? Мы приехали, чтобы возвестить Христа обездоленным, даря им смиренную любовь и служение («give humble love and service») и всегда с улыбкой («with a smile»).

В то же утро я стал свидетелем сцены, которая наглядно показала мне, что такое «смиренная любовь и служение». Я вышел из своего закутка и только успел завернуть за угол, чтобы попасть на лестницу, как увидел группку любопытствующих. Эти люди замерли на месте и, словно зачарованные, смотрели в одном и том же направлении. Прошло, наверное, минуты три, прежде чем они сдвинулись с места. И тогда, подойдя ближе, я понял, что привело их в изумление: согнувшись в три погибели, мать Тереза вместе с двумя сестрами оттирали тряпками пол. Больница была введена в строй за три года до описываемых событий. Но уборные, длинные коридоры и лестницы еще ни разу — буквально ни разу — не видели генеральной уборки. В тот день сестры под руководством матери Терезы и при ее непосредственном участии подали вполне конкретный пример, как должны выполняться ее «инструкции». Начав с верхнего этажа, они отмыли один за другим каждый коридор, каждый пролет лестницы и каждый туалет.

В промежутках между грязной работой они успевали погладить по головке раненого или напуганного ребенка, кого-то помыть, кому-то вручить чудотворный медальон. Сестры всеми силами помогали персоналу больницы, ободряли родственников пациентов. Их помощь была действительно необходима: врачи и медсестры сбивались с ног, принимая сотни пациентов, большинство из которых составляли тяжелораненые дети. Разразившееся перед самым Рождеством землетрясение унесло почти тридцать тысяч жизней,

причем именно в том регионе, где проживало католическое армянское меньшинство. Более шестидесяти лет эти люди втайне, укрываясь от преследований, продолжали хранить веру. Теперь детская больница Еревана, столицы советской Армении, была переполнена пострадавшими из этого региона. Отчего так произошло, и в чем был Божий замысел? Это мы, должно быть, узнаем, лишь оказавшись в вечности.

Уже 28 декабря 1988 года мать Тереза подписала соглашение с Советским комитетом защиты мира, организацией, которая курировала иностранцев, приглашенных по его линии. А еще мать Тереза подписала поручительство за меня, и мне разрешили совершать литургию. Но только внутри больницы, для сестер. Я не имел права ни заниматься миссионерской работой, ни служить мессу для местного населения, ни участвовать в каких-либо публичных мероприятиях и конференциях за пределами больницы, ни, естественно, вести разговоры о политике. На деле соблюдать подобные ограничения едва ли было возможно: не мог же я окормлять одних только сестер, когда вокруг — такое... И у нас сложилась особая практика: если какой-то ребенок находился при смерти, молодые врачи из располагавшейся прямо у меня над головой реанимации трижды стучали каблучком в пол. Я бежал наверх, чтобы получить шифрованную информацию. К примеру: 18С. Это означало, что на третьей койке в восемнадцатом ряду лежит умирающий ребенок, и я должен поспешить исполнить свои священнические обязанности.

Многих детей мне удалось окрестить в последние минуты их жизни. Видимо, риск в этом был. Мне из-

вестен пример польского священника, тоже приехавшего с гуманитарной миссией в Армению: один раз он поддался на просьбы родителей и окрестил ребенка. Это стало известно властям. На следующий же день его выслали из страны.

Любовь и забота сестер буквально творили чудеса с больными детьми. Мы не раз становились свидетелями невероятных, необъяснимых исцелений. Одна из сестер обладала, как мне кажется, особенно сильным даром целительницы. Когда она молилась за детей, возлагала на них руки и благословляла, многие быстро шли на поправку. Так произошло с девочкой, у которой был прогрессирующий паралич конечностей и дыхательных путей. Врачи сдались и полагали, что она умрет в ту же ночь. Повинуясь троекратному удару каблучка в пол, я поспешил наверх и окрестил дитя. Та сестра, о которой я рассказываю, находилась подле меня и молилась за девочку. Мы были уверены, что к утру нам предстоит дать бедняжке последнее помазание.

Но к утру паралич отступил. Девочка снова смогла свободно дышать. Через три недели она пришла к сестрам в часовню, чтобы в знак благодарности за их молитвы исполнить перед ними небольшой танец. Исцеление было столь неожиданным, что врачи особо доложили о нем главврачу больницы, а та выступила с сообщением на конференции армянских медиков. В конце концов это необъяснимое событие было отражено в отчете больницы, направленном в Москву. Из Москвы в Ереван незамедлительно выехала делегация врачей, в том числе психиатров, с официальным поручением: выяснить, какие «методы исцеления» применяются сестрами матери Терезы. Целый день нас допрашивали трое медиков. Среди них был один молодой ассистент, наверное, ординатор. Сестры по-

казали им чудотворный медальон, объяснили, как надо молиться. Удивительно, но комиссия этим объяснением удовлетворилась (при строго атеистической государственной идеологии!). Медальон прикрепили к одной из страниц пухлого отчета и укатали обратно в Москву.

Через два года я стоял в Москве на перекрестке и вдруг с противоположной стороны улицы меня окликнули:

— Отец Лео, отец Лео!

Я оглянулся и узнал того молоденького ассистента из медицинской комиссии.

— Батюшка, какое удивительное совпадение! Надо же было встретить вас именно сегодня, — бросился он ко мне. — Вчера я принял крещение в Православной Церкви! Это все чудотворный медальон, который вы тогда мне дали!

Советский комитет защиты мира представлял собой серьезную государственную структуру. У меня сложилось впечатление, что он целиком состоял из членов партии и работников КГБ. Прав ли я в этом или нет, не так уж важно. По крайней мере, все местные органы власти от милиционера до главврача больницы подчинялись указаниям из его Республиканского отделения. Мать Тереза не вполне осознавала характер организации, которая должна была курировать ее сестер и меня, но тем не менее быстро наладила с ней связи и приобрела там друзей. По большей части женщин, чьи сердца она открывала немногими искренними словами и чудотворными медальонами. Простыми словами она сообщала им потрясающую истину: «Бог любит тебя! Он создал тебя! Ты — Его. Он создал тебя, чтобы любить, и чтобы ты любила Его».

Эти женщины от души полюбили мать Терезу. А она с сочувствием, порой даже с ужасом слушала рассказы об их судьбах, о распавшихся браках, о многочисленных абортах, которые в Советском Союзе считались нормой. «Бедное дитя» («Poor child»), — вздыхала она, не произнося ни слова упрека. Она глубоко сопереживала этим женщинам и всегда готова была посочувствовать. Но также и задать направление новой жизни, основанной на принципе «любить и быть любимой».

«Бог любит мир через нас» («God loves the world through us»), — утверждала мать Тереза и первая осуществляла этот принцип на практике. Годы спустя, когда политическая обстановка в России изменилась, и сестры уже не нуждались в покровительстве людей из каких-либо организаций, бывшие руководители и сотрудники Республиканского отделения Советского комитета защиты мира по-прежнему получали от матери Терезы то короткое письмо, то открытку с благословением. Эти послания приходили из разных уголков мира. Каждый получал от матери Терезы несколько слов, адресованных ему лично и полных искренней благодарности и любви. Мать Тереза не забывала никого, кто хоть раз ей помог. К счастью, она обладала фотографической памятью.

Подписание вышеупомянутого соглашения дало мне ясно понять: мое пребывание в прекрасной республике Армения не сведется к рождественским каникулам, как я предполагал изначально. Мать Тереза вознамерилась сделать из меня «a real missionary», «настоящего миссионера». Договор с Комитетом, как я уже сказал, предусматривал, что священник, чей приезд стал необходимой предпосылкой для появления в Армении сестер матери Терезы, никоим образом не может широко общаться с местным населением и за-

ниматься миссионерской деятельностью: он должен окормлять исключительно сестер. Однако сестры ежедневно получали сотни приглашений! Так проявлялось знаменитое армянское гостеприимство, действительно, чуть ли не самая яркая черта характера этого народа. Сестры по уставу не могли есть за пределами обители. Это правило мать Тереза ввела в Калькутте, чтобы бедняки не делились с сестрами той малостью, какой располагали сами: законы гостеприимства в Индии требуют в первую очередь накормить гостя, даже если придется отдать ему последние крохи. Чтобы не выходило, что сестры одной рукой дают беднякам, а другой у них же отнимают, мать Тереза установила всеобщее правило: за пределами обители сестры не могут вкушать никакой пищи. Поскольку и сама она неукоснительно придерживалась этого правила, бедняки в скором времени поняли: сестры ни за что не разделят их трапезы — не из неуважения, а потому что таков их закон.

В Армении это правило подверглось новым испытаниям. И вот мать Тереза нашла способ решить проблему, не оскорбив армянского гостеприимства, но и не отступив от ею же установленного принципа: принимать бесчисленные приглашения она поручила мне. Поскольку меня сестринский устав не сковывал, мне пришлось шесть месяцев подряд чуть ли не каждый день ужинать в гостях. Здоровье мое подвергалось суровому испытанию: армянский ритуал требовал, чтобы сначала произнес тост хозяин, затем гость, затем старший сын хозяина и так далее. Под каждый тост выпивали стаканчик великолепного армянского коньяка.

На ужин обычно приходили родные, друзья, знакомые и знакомые родных, друзей и знакомых. Порой за

столом собиралось человек сорок или пятьдесят. И это становилось опасным. Мать Тереза написала расписку, что я не буду ни участвовать в публичных мероприятиях, ни проповедовать. А эти ужины превращались порой в самую настоящую катехизацию. Мне задавали множество вопросов о вере. Интерес к христианству явно был высок. Иногда кто-то заявлял мне: «Меня крестили в Католической Церкви». Чтобы не привлекать к нашим встречам внимания органов (этого не хотели ни наши гостеприимные хозяева, ни сестры), я стал просить, чтобы число гостей за ужином не превышало двадцати. А тут еще ввели комендантский час. После десяти вечера всем было запрещено выходить из дома. Припозднившихся путников задерживали и запирали на ночь на стадионе под открытым небом — очень неприятно при 20° ниже нуля. На следующий день спозаранку арестованных судили. В десять часов вечера по главным улицам Еревана проезжали танки, улицы перегораживали тяжелыми металлическими цепями. Летом комендантский час сдвинули на 23.00.

Мне эти меры оказали, пусть косвенную, но помощь: появилась веская причина подняться из-за ломившегося от снеди и напитков стола до десяти вечера. В противном случае я был бы не в силах к пяти утра явиться с сестрами на утреннюю молитву и совершать литургию. К лету сестры надумали построить себе домик прямо в эпицентре землетрясения, чтобы заботиться о пострадавших там, на месте. Им обещала поспособствовать итальянская организация «Protezione Civile»*. Мне пришлось частенько наведываться в Спитак, в 110 километрах к северу от столицы, и воз-

* Департамент гражданской обороны Италии, аналог российского МЧС. — Прим. ред.

вращаться оттуда поздно вечером. Однажды я мчался обратно на предоставленном мне «Protezione Civile» автомобиле. Опаздывал и жал на газ. На последнем отрезке шоссе перед городом действовало ограничение скорости до 30 километров в час, я же мчался со скоростью 130 километров в час, лишь бы успеть до комендантского часа.

Так, с изрядным превышением скорости, я вылетел на мост и увидел, что танки уже выступили в поход. Я понадеялся проскочить на большой скорости между танками и лишь в последний момент заметил, что мост уже перегорожен толстенной металлической цепью. Я с диким скрежетом затормозил и уткнулся передним бампером в цепь. Сердце упало: что сделают со мной военные? На моих часах минутная стрелка неотвратимо приближалась к 23.00. Солдаты подбежали к автомобилю, увидели синюю мигалку наверху и мой воротничок священника. Я решил прибегнуть к методу матери Терезы: приветливо улыбнулся и защебетал:

— У меня есть для вас подарки!

И принялся вкладывать каждому в ладонь по чудотворному медальону. Чудо или не чудо, но, во всяком случае, удача: солдаты сняли цепь и отпустили меня домой. Ночевать на стадионе мне в ту ночь не пришлось.

Вечер в детской больнице Еревана. Сестры, как всегда, стоят на молитве. Возле больницы, да и везде в объявленном на военном положении городе — военные патрули. Мы преклоняем колени — сестры давно уже застлали пол в часовне ковром. Вдруг я слышу у входа грохот тяжелых сапог и с ужасом думаю: «Зачем военные поднялись к нам?» Шаги остановились возле открытой двери часовни. Я стою на коленях. Мне видны лишь полы чьей-то шинели. Откуда-то сверху че-

ловец в шинели протягивает мне записку. Читать кириллицу я не умею и знаком направляю солдата к той из сестер, которая понимает по-русски. Человек в шинели и тяжелых сапогах шагает дальше, подает свою записку сестре. Едва она успевает ее прочесть, как он рвет бумагу в мелкие клочья. Потом сестра объяснила мне, что там было написано: «Я католик».

Величайшая гордость армян и величайшая их боль: гора Арарат, символ страны. Этот гигантский массив, имеющий классическую для гор вулканического происхождения форму, вознесся так высоко, что со смотровой площадки, расположенной в четырех километрах к югу от Еревана уже можно, пусть и не очень отчетливо, разглядеть его пики. В сторону Арарата армяне глядят со скорбью: символ их страны находится не на армянской, а на турецкой территории. После Первой мировой войны граница отрезала Армению от ее национальной святыни.

На лестнице, ведущей к смотровой площадке, сидела старая женщина с искривленными ногами. Внимание сестер тут же перенеслось с красот пейзажа на старуху с растрепанными волосами, которую мы приняли за нищенку. Солнце едва пригревало. Женщина, одетая в какие-то грязные лохмотья, сидела на ледяных каменных ступенях. Казалось, она не могла сдвинуться с места.

Но предложение матери Терезы пойти с нами женщина отклонила. Кто-то приводил ее сюда побираться, а вечером провожал домой. Позднее мы выяснили, что «опекун» забирал две трети собранной милостыни. Советский закон приравнивал нищенство к уголовному преступлению, а потому «соучастник» заслуживал

свою долю. Мать Тереза и наша переводчица Анахит договорились с Ирной — так звали старуху, что в ближайшее время мы наведаемся к ней домой.

Через пару дней мы приехали с одеялами, запасами еды и моющих средств. «Дом» Ирны мы опознали издалека: покосившийся, почти падающий под натиском ветра и непогоды сарай на краю огромного поля. Вероятно, прежде там хранили сено или корм для скота. Внутри хижины стояла омерзительная вонь. Я даже обрадовался, когда меня вытурили за дверь: отправили за водой. Поскольку хозяйка не могла самостоятельно передвигаться, в доме годами не убрали. Страшная грязь, ноги липли к полу, некуда было деться от пыли и мусора. Все, что могло понадобиться Ирне, располагалось на расстоянии вытянутой руки от ее постели — то есть от мешков с соломой, брошенных на полуразвалившийся остов кровати. Маленькая газовая плитка служила и для готовки, и для обогрева. За ней стояли один в другом три грязных, треснутых стакана. В верхнем, более-менее целом, плескались остатки мутно-коричневой жидкости.

Сестры, переводчица и я работали весь день. Помимо всего прочего мы вымели из-под кровати Ирны два рыбьих скелета и мертвую крысу.

Наступил вечер, мы складывали мусор в пакеты и выносили их на помойку. И тут наша переводчица Анахит сообразила спросить Ирну: не хочет ли та, чтобы я ее исповедал. Я-то еще не превратился в настоящего миссионера («real missionary»), ибо видел множество причин, по которым Ирне отнюдь не следует у меня исповедаться: во-первых, она, конечно же, не католичка, а во-вторых, я не знаю языка! Но Анахит, не дрогнув, напомнила мне, что исповедь через переводчика считается вполне легитимной. Она готова бы-

ла помочь. В ушах зазвучали слова матери Терезы: «Отец, будь настоящим миссионером!» («Father, be a real missionary!»).

Я вернулся в дом, где все еще стояла невыносимая вонь.

— Да, я бы очень хотела исповедаться, — просияла Ирна, едва услышав вопрос. К моему изумлению, она осенила себя крестом и заговорила на ломаном английском. Первые же ее слова поразили меня словно удар грома, словно подзатыльник от длани Божьей:

— Я католичка...

После исповеди, получив отпущение, Ирна рассказала мне о своей судьбе подробнее. Она была не просто католичкой — в юности она была монахиней! Родилась в Сирии, восемнадцати лет от роду ушла в монастырь. Родители были против и через несколько лет принудили ее покинуть монастырь и выйти замуж. Вместе с мужем Ирна переехала в Армению. Ее сыновья выросли, вместе с отцом вернулись в Сирию. Она осталась в Армении одна. Вот уже двадцать лет она не получала никаких вестей ни от мужа, ни от сыновей. С тех пор жизнь ее проходила в молитве и нищенстве. Каждый день она молилась о том, чтобы Бог простил ей уход из монастыря и послал ей перед смертью благодать католической исповеди и Причастия.

Теперь я понял, отчего так сияли глаза бедной старухи, когда она получила от меня отпущение грехов. Печальная, запущенная хижина превратилась в маленький рай. Не было уже нищеты и страшной вони: в этот дом вошло таинство непостижимого промысла Божьего и Его любви.

Через три недели я говорил по телефону с матерью Терезой, и первым делом она спросила:

— Как Ирна?

— Господь призвал ее домой, — ответил я. — Она умерла с сияющей улыбкой на устах.

— Теперь ты понял, что значит настоящий миссионер? — спросила мать Тереза, напомнив тем самым о моем призвании и о том, что все мы, как она любила говорить, «лишь карандашики в руках Господа» («small pencils in God's hand»).

Все месяцы работы в Армении мы общались с беднейшими из бедных очень близко. Мы не всегда могли помочь им материально, но пытались согреть их теплом наших сердец, утешить или просто быть рядом, когда они умирали. И по сей день помню, как я улетал из Еревана. Я ждал своего рейса в аэропорту, и из глаз у меня сами собой катились слезы. Самое трудное время в моей жизни — и самое прекрасное. Как часто я ощущал тогда близость с Иисусом! И сколько реальных возможностей мне тогда выпадало, чтобы утолить Его жажду.

Мать Тереза собственным примером и через своих сестер помогла мне познать эту близость со Христом. Полгода в Армении стали для меня самой настоящей школой христианства. Я много узнал о людях, об их способностях и склонностях, но самым важным для меня был урок благодати: я понял, как она действует. Под конец этого «семестра» я подвел итоги: сестры ни разу не поссорились ни между собой, ни со мной, а ведь все они были такие разные по характеру, иные весьма темпераментные. Мы жили в полном единстве и гармонии, несмотря на материальные невзгоды и психологические трудности. Уезжая, я чувствовал себя изгнанником из рая. Мать Тереза, конечно, сказала бы: «Отец, чтобы найти Иисуса, можно было бы и не

ездить так далеко». Как часто она повторяла: «Не обязательно ехать в Калькутту, чтобы распознать Иисуса в беднейших из бедных. Бедные всегда рядом с вами. Зачастую в вашей собственной семье. Ищите их, находите и любите. Проявляйте свою любовь к Иисусу практическими делами, любовью деятельной».

С паломниками, проститутками и политиками

Многим волонтерам, являвшимся в Калькутту из Западной Европы или Америки, мать Тереза советовала позаботиться лучше о бедных и страдалцах у себя на родине. В поездках она имела возможность убедиться, что обездоленные таятся и под сенью благосостояния. Она была приметлива, и длинный нью-йоркский мост, соединяющий Бруклин с Бронксом, прозвала «Мостом реальности» («Reality bridge»): по нему, мол, «попадаешь из одной реальности в другую», из богатого Манхэттена с небоскребами и шикарными отелями в бедняцкие трущобы Бронкса.

Летом 1986 года община «Еммануил» пригласила мать Терезу в свой центр в Паре-ле-Мониаль на большую встречу семей. В этом городе на востоке Франции святая Маргарита-Мария Алакок (1647-1690) имела видение пламенеющего любовью Сердца Иисуса. После некоторых колебаний мать Тереза согласилась и решила соединить эту поездку с визитом в Париж. Для поездки, назначенной на июль 1986 года, помимо глубоко личного интереса к культу Сердца Иисуса, коренившегося в воспоминаниях детства, у нее имелись и прагматические соображения. Сестрам неотложно требовался новый дом для бедняков в Париже, и мать Тереза рассчитывала в этом деле на поддержку Бернадетты Ширак, жены недавно занявшего пост премьер-министра и многолетнего мэра Парижа Жака Ширака. Бернадетта, воцерковленная католичка, покровительствовала сестрам. И второе дело: нужно было разрешить спор между архиепископом Парижа кардиналом Люстиже и матерью Терезой по поводу медицинской страховки сестер, находившихся в епархии кардинала.

Итак, едва приземлившись в Париже, мы направились скорым поездом в Паре-ле-Мониаль. Поскольку для сестер личная встреча с матерью Терезой всегда была огромной радостью (а обитавшие в Европе миссионерки милосердия такую радость имели редко), я предложил матери Терезе связаться с сестрами в Марселе и тоже пригласить их в Паре-ле-Мониаль. Мать Тереза поразмыслила и ответила:

— Нет, отец, не стоит. Лучше не смешивать духовные дары.

На следующий день святую мессу совершали в огромном шатре в присутствии двух тысяч семей, явившихся на конгресс и реколлекции. Как всегда,

литургия у общины «Еммануил» была чрезвычайно торжественной и красивой, в сопровождении живой музыки. Я ощущал глубочайшее благоговение. Мать Тереза тоже была тронута красотой службы и погрузилась в молитву. Едва месса закончилась, она обернулась ко мне и сказала:

— Отец, скорее звони сестрам в Марсель! Пусть приедут сейчас же. Это так прекрасно!

На следующий день подросли сестры из Марселя. Они были счастливы увидеть мать Терезу и услышать проникновенную речь, с которой она обратилась к участникам конгресса.

Основная мысль ее речи была проста: «Если члены семьи вместе молятся, такая семья будет крепкой» («A family, who prays together, stays together»).

К моему облегчению, переводить эту речь мне не пришлось. Эту обязанность взял на себя священник-доминиканец Альбер-Мари де Монлеон (ныне епископ Мо). Хотя на конгрессе присутствовало множество детей, мать Тереза начала говорить в полной тишине. Я с удовольствием прислушивался к переводу: отец Альбер сумел передать простые слова матери Терезы столь же простыми, но изящными французскими оборотами. Слышать столь точный перевод мне доводилось редко. Но еще больше я удивился, когда после выступления переводчик, подойдя ко мне, сказал:

— Это была прекрасная речь, но я чувствовал свою скудость. Я понимал, как жалок мой перевод. Я не сумел передать то, что вкладывала в свои слова мать Тереза.

Его слова послужили мне утешением: подобное чувство охватывало меня всякий раз, когда в роли переводчика выступал я. Мне никогда не удавалось пе-

ревести речь матери Терезы во всей ее полноте. При переводе многое всегда пропадало. Однажды в Вене я чуть не впал в отчаяние: «Это ужасно, это даже нельзя назвать переводом». И тут ко мне подошел американец, который тридцать лет прожил в Вене. Он похвалил меня:

— Отец Лео, просто фантастический перевод!

Ныне я убежден: переводчику нужно стараться как можно лучше сделать свое дело, а доделает его Святой Дух. Я часто думал: «Если бы то, что говорит мать Тереза, а я перевожу, я говорил бы от себя, если бы она не стояла рядом, то мои слова не оказали бы на людей никакого действия. Ее присутствие, ее мысль, слово, пусть и достигающее слушателей через мое посредство, но исходящее от нее — именно они производят такое впечатление! Ее личность, ее святость — вот что трогает души». Людей поражали не слова, а присутствующая в этих словах святость — святость личности матери Терезы.

Кардинал Люстиже, архиепископ Парижа, прибыл в Паре-ле-Мониаль, где тоже выступал с докладом. По воле случая я присутствовал при его споре с матерью Терезой. Оба они были сильными личностями, оба прекрасно умели аргументировать свою позицию и отмечать доводы противника. Трения между властями епископата и сестрами матери Терезы начались из-за вопроса, должны ли сестры, как и члены всех прочих конгрегаций, а также священники, иметь медицинскую страховку. Поскольку сестры матери Терезы жили повсюду той же жизнью, что и их подопечные (в том числе и без страховки), для них было совершенно естественным не обзаводиться страховкой и в Париже.

На это кардинал Люстиже возражал:

— На территории моей епархии все монашествующие и священники имеют медицинскую страховку. Так что и сестры, приезжающие в Париж, должны быть застрахованы.

— Значит, мои сестры уедут из вашей епархии, — спокойно возразила мать Тереза.

Аргументы сталкивались и поражали друг друга. После весьма оживленной дискуссии стороны согласились на том, что индивидуальной страховки у сестер не будет, но на общину будет распространяться общая медицинская страховка епархии. С этим мать Тереза готова была смириться.

Мне было интересно наблюдать вблизи, как спорят между собой двое святых — недавно умершего кардинала Люстиже я тоже считаю святым. Они друг другу не благоволили, но обсуждали свои разногласия с уважением к истине и в духе взаимной любви.

Вечером — обратно в Париж. Прибыли мы очень поздно. Сестринская обитель располагалась поблизости от квартала красных фонарей. И по дороге случилась еще одна удивительная история. Вдоль обочины стояли «ночные бабочки». Внезапно мать Тереза велела водителю остановиться. Опустила окно и обратилась к одной из женщин:

— Приходите в наш дом. Он совсем близко. Там, чуть впереди.

На следующий день эта женщина пришла в обитель. Сегодня она, вероятно, одна из сестер матери Терезы.

Однажды утром стало известно, что в десять часов нас примет новый, всего за несколько недель до того вступивший в должность, премьер-министр Жак Ширак.

После ранней мессы и завтрака мы поехали в Матиньонский дворец — резиденцию Главы французского правительства. С 1977 года Жак Ширак был мэром Парижа и состоял в оппозиции к президенту-социалисту, но в результате последних выборов президент Миттеран был вынужден сотрудничать с главным своим оппонентом (который в итоге сменил его на посту главы государства в 1995 году).

Мы проезжали по Рю де Бак, где стоит храм святой Екатерины Лабуре, которой, как я уже писал, явилась Дева Мария и повелела выгравировать чудотворный медальон. Как только мать Тереза это услышала, она пожелала сделать остановку и помолиться в этой церкви. Ведь она всегда имела при себе эти медальоны в качестве «боеприпасов». Из любой сумки она извлекала их горстями. У нее были глубоко личные отношения с Богородицей, и мать Тереза старалась вовлечь в эти отношения и других людей, вручая им чудотворные медальоны. Следуя ее желанию, мы вошли в церковь и стали молиться. Едва присутствовавшие в церкви монахини узнали, что сюда пришла мать Тереза, как поспешили к нам. Их настоятельница сердечно приветствовала мать Терезу.

Речь зашла о том, как мать Тереза раздает чудотворные медальоны. Она раздавала их сотнями и тысячами и считала чуть ли не основным орудием своей пастырской работы. Каждому, с кем она вступала в беседу, мать Тереза непременно выдавала такой медальон. Обычно она просто целовала медальон и показывала, как следует повесить его на шею, но иногда поясняла человеку, что мы всегда можем рассчитывать на покровительство Божьей Матери, ибо она таинственно и чудесно охраняет каждого из нас в час нужды. Мать Тереза поведала настоятельнице, что ей

удалось лично вручить медальон немалому числу людей.

— Это прекрасно! — восхитилась настоятельница. — Давайте мы подарим вам еще медальонов, чтобы вам не приходилось их покупать.

— Давайте, — с готовностью откликнулась мать Тереза.

— Сколько вам нужно? Пятьсот, тысячу?

— Сорок тысяч, — ответила мать Тереза. — Примерно столько я уже раздала.

Не думаю, что мы получили все сорок тысяч медальонов, но сколько чемоданов с медальонами влезло в багажник автомобиля, столько мы и забрали.

Отправляемся дальше — в Матиньонский дворец. Его размеры и красота произвели на нас сильное впечатление. Внутри, в первом из больших приемных залов, стоял огромный стеклянный стол, размером где-то четыре на восемь метров. Столешница его была двухслойной, а между слоями стекла красовались искусно прикрепленные тончайшие золотые листья. То был, конечно, шедевр французского мастера, однако мне вдруг невольно представилась фольга, в которую заворачивают шоколад. Мать Тереза явно подумала о том же — она бросила взгляд на стол и тихонько шепнула мне:

— Ого, сколько шоколадок им пришлось съесть!

Из первого зала нас провели наверх, в приемную премьер-министра. Он вышел к нам сразу. Между Жаком Шираком и матерью Терезой завязалась беседа. Мать Тереза, видевшая в любом мэре, министре или президенте прежде всего человека, дитя Божье, тут же принялась за свою пастырскую миссию. Все еще пол-

ная воспоминаний о прекрасной литургии в общине «Еммануил», она первым делом спросила:

— Вы бывали в Паре-ле-Мониаль?

Ошарашенный премьер-министр ответил:

— Еще нет.

— Вы должны туда съездить! Должны съездить!

Жак Ширак попытался вежливо уклониться от ее напора:

— Да-да, — протянул он.

Однако от матери Терезы не отвертишься:

— Значит, поедете? Точно?

Он все еще пытался отделаться расплывчатым согласием:

— Да, конечно, при случае...

Но с матерью Терезой такой номер не проходит.

— Да? Когда вы поедете? Вы непременно должны это увидеть. Только поезжайте один. Чтобы побыть наедине с Иисусом. Не нужно, чтобы вокруг вас была целая свита.

Прежде чем Ширак успел произнести решительное «нет», она обернулась к Франсису Кону из общины «Еммануил» и распорядилась:

— Отец, вы организуете поездку! Организуйте!

И наклонившись к уху Франсиса Кона, мать Тереза уточнила:

— Поездку для него! Кто он?

— Премьер-министр, — так же тихо пояснил Кон.

После чего мать Тереза уверенно заявила вслух:

— Прекрасно, значит, вы организуете поездку для премьер-министра!

Позднее стало известно, что Ширак и в самом деле посетил Паре-ле-Мониаль — правда, не остался один на один с Иисусом, а взял с собой большую свиту. Очевидно, на него подействовал призыв матери

Терезы. А вот попытка матери Терезы получить дом для бедняков не увенчалась мгновенным успехом. Прошло еще немало месяцев, прежде чем сестры получили новый дом.

Среди индуистов и мусульман

Обращаясь к людям, ютившимся на тротуарах и в канавах, кормя бедняков и оделяя любовью и заботой умирающих, мать Тереза не делала никакого различия между приверженцами разных религий. На ее любовь могли в равной мере рассчитывать индуисты и мусульмане, христиане и атеисты. Такое отношение проистекает из логики самого христианства: что это за христиане, которые по-христиански обращаются только с христианами? Однако у матери Терезы имелись еще более веские основания не делать ни малейших различий между людьми: в каждом бедняке, страдальце, нуждающемся, в каждом умирающем она

видела дитя Божье. Более того — в этих людях она видела Самого Иисуса в ужасающем, отталкивающем облики бедняка.

В повседневной калькуттской жизни мать Тереза больше всего общалась с индуистами и мусульманами. И это оказало огромное влияние на ее отношения с другими религиями. Она всегда повторяла: каждый человек может приблизиться к Богу, если он блюдет свою веру и искренне взыскует истину. Если человек обращен к Богу, Бог и Сам может сделать Свое дело, может вести этого человека вперед. «Раса, вера, христианин он или коммунист — все это неважно. Мы все — дети Божьи, созданные, чтобы любить и быть любимыми».

Однако уважение к чужой вере — не повод игнорировать религиозную принадлежность человека, словно она ничего не значит. Принимая очередного пациента в дом для умирающих, его — если он еще мог говорить — первым делом спрашивали о его имени и вере. Не дискриминации ради, но чтобы знать, по какому обряду его надо будет хоронить. Миссионерки милосердия следили за тем, чтобы каждый покойник был погребен по обрядам его веры. А поскольку никто из их подопечных не располагал деньгами, за похороны они платили сами. В то же время мать Тереза собственноручно выдавала, как она любила говорить с лукавым смешком, пятьдесят тысяч «билетов на небеса» («tickets to heaven»). То есть пятьдесят тысяч человек были окрещены перед смертью. Она имела право самостоятельно проводить этот обряд в последние мгновения жизни умирающего и часто его совершала.

Один епископ спросил у нее, как она ухитрилась окрестить такое количество атеистов, мусульман и индуистов.

— Разве они были готовы к крещению? Вы проводили с ними катехизацию? Что им было известно о Боге? Вы хотя бы были уверены в том, что они действительно жаждут крещения?

На этот непростой вопрос она отвечала с полной уверенностью:

— Конечно! Прежде чем крестить умирающего, мы всегда спрашиваем его, хочет ли он отправиться к Богу, Который послал ему сестер. Еще ни один не отказался.

Этот самый епископ жил в ту пору у иезуитов. Как-то раз, припозднившись, он, как и японская монахиня, оказался перед запертой дверью. Ему пришлось попросить у матери Терезы дозволения переночевать в ее приюте для умирающих, которому она дала бенгальское название «Нирмал Хридей» («Место пречистого сердца»). Мать Тереза недолго поразмыслила и согласилась, но с одним условием:

— Обещайте, что вы не вздумаете там умереть! Нам не по карману хоронить епископа!

Знания матери Терезы о других религиях, в особенности об индуизме и исламе, были не столько богословскими, сколько практическими, жизненными: она знала дни праздников и постов, пищевые запреты и похоронные обряды, а также нравственные правила каждой религии. Теоретиком мать Тереза себя отнюдь не считала: «Мы видим нужду и действуем» («We see the needs and we act»). Однажды, когда я попытался расспросить ее о причинах голода в Африке, она мне ответила:

— Понимаешь, отец, этими вопросами мы не занимаемся. Мы не спрашиваем, как, когда и почему. Мы просто видим нужду и действуем.

Если уж она и начинала интересоваться причинами, то только из духовных соображений, в чем убедила меня следующая сцена. Однажды во время долгой поездки на автомобиле мать Тереза вдруг ни с того ни с сего спросила:

— Как мог появиться коммунизм?

Епископ Хнилица, признанный эксперт в вопросах коммунистической идеологии, которую он сполна испытал на собственной шкуре, попытался изложить исторические причины этого явления. Но мать Тереза не удовлетворилась таким ответом. Ей хотелось понять, как в странах социалистического блока верующие могли идти на сотрудничество с режимом.

И она почти робко предложила свою версию:

— Как мог Иуда предать Господа? Иуда, столь близкий Иисусу, столь Им любимый? Я думаю, это произошло потому, что он был вором. Он утаивал деньги, предназначенные для бедных. Думаю, в этом причина.

Я часто вспоминаю это объяснение трагедии, разорвавшей мир на два лагеря. И думаю, что объяснение, предложенное матерью Терезой, подходит и ко множеству современных событий: там, где обкрадывают бедных, где отнимают у них право на достойное человека существование, там социальный строй оказывается изуродован и искалечен, в нем нет любви.

Устроить помещение для умирающих и так-то было не просто, а уж в бывшем странноприимном доме при калькуттском храме богини Кали — и вовсе проблема. Индуисты-фундаменталисты опасались христианского влияния и предъявили сестрам обвинение в прозелитизме, в переманивании индуистов в христианство. Стоило властям города посулить матери Терезе поме-

шение, прежде принадлежавшее богине Кали, как поднялась мощная волна протестов. Из Дели явился известный индуистский лидер. Он хотел организовать движение среди местной молодежи и изгнать мать Терезу с ее сестрами из окрестностей храма Кали. Вооружившись палками и камнями, толпа во главе с этим человеком окружила здание. Узнав об этом, мать Тереза вышла навстречу вооруженным людям. Она бесстрашно приветствовала индуистского вождя, просила его войти и посмотреть, чем они тут занимаются. Этот человек прошел с ней внутрь — один. Спустя какое-то время он вышел. Молодые люди, напирая, стали спрашивать, можно ли теперь приняться за дело и разогнать сестер. Он ответил:

— Можете их разогнать. Но лишь тогда, когда ваши сестры и матери будут делать то, чем занимаются эти женщины.

Позднее один из многочисленных жрецов храма Кали заболел туберкулезом. Сестры приняли его в приют и заботились о нем с такой же добротой и сердечностью, как и обо всех других пациентах. Сотоварищи жреца каждый день приходили его проводить. Таким образом священники храма Кали, возле которого находился приют, постепенно превратились в «группу поддержки» хосписа Нирмал Хридей.

Мать Тереза глубоко уважала людей, их веру и убеждения. Она никого не принуждала к переходу в христианство, не пыталась затащить в свою веру. Более того: мне кажется, она стремилась нести людям не учение, а показывать плоды этого учения, деятельную любовь. Сердце, исполненное любви. Руки, которые воплощают эту любовь в дела.

Меня глубоко трогало, как она приближалась к тяжело больным, умирающим. Она не брезговала при-

касаться к ним, гладить по голове — в точности, как мать гладит по головке свое дитя или держит его за руку. Своим прикосновением она не раз изменяла сердце человека и его судьбу. Не знаю, имелись ли у нее сотрудники из числа мусульман или индусов, сменивших свое вероисповедание, но точно знаю: после встречи с матерью Терезой изменились жизни тысяч людей.

То, какое влияние имела мать Тереза на людей, с которыми встречалась, я впервые понял, пообщавшись с одним высокопоставленным индийским офицером полиции, сопровождавшим нас в долгой поездке. Поначалу мне очень не понравился его категоричный тон, резкость, с какой он давал нам лаконичные указания. Он всячески пытался показать, что не стал бы помогать христианам по доброй воле, что он всего лишь выполняет свои обязанности. Но уже на второй день он заметно смягчился. После короткого выступления матери Терезы в одном из промежуточных пунктов, перед рывком в аэропорт, мы устроили недолгий привал. Полицейские попросили разрешения проститься с матерью Терезой здесь. Наш поначалу не-симпатичный офицер уже не был ни надменным, ни равнодушным. Слезы градом текли у него по щекам, когда он с традиционным индийским «дарсан» склонился к ногам матери Терезы и просил ее благословения. Мать Тереза ограничилась одной фразой, обращенной ко всем: «Когда видите свои благие дела, восхваляйте Господа, который на небесах».

А по пути в аэропорт она преподала урок лично мне:

— Отец, наши свидетельства о Христе должны всегда быть такими, чтобы люди не противились Ему из-за неверного о Нем представления.

Такое влияние она оказывала на огромное множество людей, с которыми соприкасалась. Наш офицер полиции выполнил за нас все формальности и проводил нас до самого трапа самолета. Было видно, что теперь он все делает не по обязанности, но от сердца: неуклюже, смущенно, с радостью и благодарностью.

На Национальном молитвенном завтраке 1994 года в США мать Тереза сказала:

«Одно из самых удивительных свидетельств любви к ближнему я увидела в индуистской семье. В наш дом пришел какой-то человек и сказал: «Мать Тереза, тут есть одна семья, которая уже давно голодает. Сделайте что-нибудь!» Я взяла рис и сразу же отправилась к ним. Увидела детей: у них в глазах стоял голод. Не знаю, видели ли вы когда-нибудь голод, но я видела его много, много раз. Мать этих детей взяла рис, который я принесла, и вышла. Вскоре она вернулась, и я спросила: «Куда вы ходили? Что вы сделали с едой?» Она ответила очень просто: «Соседи тоже хотят есть». Меня удивило, откуда эта женщина знает о нужде в соседнем семействе: то семейство было мусульманское, и она знала, что они мусульмане. В тот вечер я больше не принесла им риса. Потому что хотела, чтобы и те, и другие — и мусульмане, и индусы — порадовались счастьем делиться друг с другом».

Мне, католическому священнику, было важно понять, как воспринимает мать Тереза апостольскую миссию, возложенную Иисусом Христом на учеников, и как она ее исполняет. Думается, кратко это можно изложить так: мать Тереза верила, что существует лишь один Бог, и Он — Господь всего и всех. А потому все мы по своей человеческой природе перед Богом

равны. Она хотела, чтобы и ее собственный пример, и пример сестер помогал всем людям приблизиться к Богу: чтобы индуисты стали более набожными индуистами, мусульмане — более ревностными мусульманами, католики — лучшими католиками. В католическом вероучении мать Тереза выдвигала на первый план не доктрину, а способность вложить в дела как можно больше любви.

Член коммунистической партии Менгисту Хайле Мариам спросил мать Терезу, не собирается ли она проповедовать в Эфиопии или даже — что было строжайше запрещено — обращать людей в свою веру. Она сумела уклониться от прямого ответа на провокационный вопрос, сказав только:

— Наши дела любви показывают бедным и страдающим ту любовь, какую питает к ним Господь.

Она была настоящим миссионером. Ее великое сердце вмещало всех людей, независимо от их неверия или веры и религиозной принадлежности. И никакого парадокса в этом нет. Напротив, эти две стороны ее сильной личности гармонично дополняли друг друга. Вот пример: в Мадрасе, на церемонии присвоения матери Терезе почетной докторской степени, ректор, декан, университетский профессор и архиепископ Мадраса выступали с речами. И все они старались подчеркнуть общественную деятельность новопосвященного доктора наук. Меня уже стало беспокоить, что ответит им мать Тереза, ведь ни один из выступавших даже не упомянул об Иисусе. Это меня тревожило: неужели и мать Тереза, оказавшись в сплошь индуистском и мусульманском окружении, воздержится от слов об Иисусе, чтобы не создавать проблем?

В ходе церемонии мать Терезу облекли в красную мантию. В таком виде она вышла на подиум и подня-

лась на кафедру, где ей, учитывая ее маленький рост, предусмотрительно поставили приступочку. Но даже стоя на приступочке ей приходилось тянуться, чтобы над кафедрой виднелась хотя бы ее голова. Микрофон она потянула вниз, на себя. И вдруг наступила полная, оглушительная тишина. Пока выступали прочие ораторы, пятнадцать тысяч гостей беззастенчиво переговаривались между собой, и лишь колонки позволяли профессорам и ректору с деканом перекричать шум. Но когда мать Тереза потянула к себе микрофон, воцарилось благоговейное молчание. В полной тишине мать Тереза начала говорить своим мягким и глубоким голосом первую фразу: «Иисус так возлюбил мир...» («Jesus loved the world so much that...»). Затем последовала самая настоящая катехизация. Простыми словами мать Тереза наставляла индусов и мусульман в любви. Она хотела показать им, что ее любовь к ближнему, к беднейшим из бедных, есть на самом деле любовь к Богу.

В качестве миссионера она всегда возвещала одно: Иисуса Христа. Всякий раз, когда ей воздавали почести, она уверенно перенаправляла внимание людей от себя к Богу. Когда ее выступление в Мадрасе завершилось, тишина не исчезла. Слушатели расходились в почтительном, я бы даже сказал — набожном молчании. Прекратилась пустая болтовня. Молчание было физически ощутимым выражением благоговения.

В сплошь индуистском окружении мать Тереза с поразительным успехом выполняла миссионерскую работу именно потому, что полностью отдавала себя Иисусу и умела видеть Его в беднейших из бедных нехристианской страны. Обратиться в свою веру означало для нее посредством любви приблизить человека к Богу. Любовь, нежность и радость миссионеров милосердия создава-

ли ту атмосферу, тот настрой, которые требовались, чтобы Дух Божий и души людей встретились.

Для матери Терезы каждое деяние любви было также и попыткой обратить чью-то душу к Богу. «Мы не социальные работники, мы — монахини в миру», — подчеркивала она.

Во многих штатах Индии действуют ограничительные законы в отношении других религий. Строжайше запрещается прозелитизм. На вопрос, занимается ли она обращением иноверцев, мать Тереза однажды ответила:

— Надеюсь, что я обращаю людей, но под обращением я подразумеваю не то, что подразумеваете вы. Мы стремимся обращать сердца. Даже Господь Всемогуший не может обратить человека к Себе против желания этого человека. Своей работой, своим служением мы стремимся приблизить человека к Богу. Именно в таком смысле нужно понимать обращение. Многие думают, что обратиться — значит в один день переменить свой образ мыслей, но это не так. Когда мы встречаем Бога лицом к лицу, когда мы впускаем Его в нашу жизнь — тогда наступает обращение.

Более полагаться на милость Божью, чем на собственные способности — на этом основана вся деятельность матери Терезы. Когда мы летели над Панамой, с нами был тамошний архиепископ Маркос Грегорио Мак Грат, крупный, импозантный мужчина. Посреди первобытного леса из сплошной зелени вдруг поднялся навстречу нам необъятный белый купол. Архиепископ Панамы пояснил матери Терезе, что это центральный храм Бахаи. И мать Тереза тут же обернулась ко мне:

— Отец, у нас есть с собой медальоны?

Голос лишенных голоса

Мать Тереза не только выступала против абортов, но старалась совершенно конкретно спасать жизни. «Мы боремся против абортов с помощью усыновления» — таков был ее девиз. К примеру, в Советском Союзе, в стране с небывало высоким уровнем абортов, она готова была принять на попечение любого ребенка, о котором ей разрешат позаботиться. Ей дали список и разрешили выбрать из него двенадцать детей. В списке рядом с именем и возрастом каждого ребенка был проставлен диагноз — тот или иной вид инвалидности. Против некоторых имен стояла

пометка «усыновлению или передаче под опеку не подлежит»*.

Мать Тереза решила: «Я возьму всех, «не подлежащих усыновлению и опеке»». Непонятно почему, но ей никто не возразил. Среди таких детишек оказался и Андрей, мальчик с маленьким, истощенным тельцем, который не мог ходить, только ползал, испытывая при этом чудовищные муки. Позднее выяснилась причина: всего-навсего укороченные сухожилия. Но мальчик был полностью заброшен, заморен голодом, потому что в детском доме он не успевал вовремя добраться до столовой и не получал свою порцию пищи. Сестры вскоре направили Андрея вместе с другими детьми на лечебный массаж. Массажистка отказывалась его брать, видимо, думая: «Зачем с этим Андрюшей возиться — все равно ничего не выйдет».

Поначалу Андрей был довольно «скверным» мальчишкой. Сестры говорили, что он сильно страдает от того, что сумел понять, как дурно обошлась с ним родная мать — бросила его, предала. Ему сделали операцию на сухожилиях, и Андрей, как и все остальные дети, получил от матери Терезы чудотворный медальон на шнурке, чтобы носить на шее. Сестры объяснили мальчику: теперь Матерь Божья будет и его Матерью. С этого момента Андрюша стал лучше всех вести себя за столом, и все время целовал свой медальон. И тот, кто помогал ему одеться, тоже должен был первым делом поцеловать медальон и только потом браться за дело. Так же вел он себя и у массажистки. Та, увидев

* В СССР на усыновление и под опеку не передавали больных детей, которые по характеру заболевания нуждались в постоянном пребывании и лечении в специализированном лечебно-воспитательном учреждении. — Прим. ред.

медальон, спросила, что это такое. На следующий день ей тоже вручили драгоценный подарок. С тех пор эта женщина радовалась приходу больных детей, а Андреем занималась с особой любовью, заботой и даже уважением.

Через несколько лет нашлась семья из Новосибирска, которая захотела усыновить Андрея. Я как раз в это время, в начале 1990-х, снова приехал в Москву. Процедура усыновления была очень сложной. Ребенок должен был осмотреть врач, задать ему множество вопросов. Андрей отвечал ему по-русски и тут же переводил свой ответ на английский язык, которому обучили его сестры. Под конец мальчик тактично поинтересовался, с какой целью ему задавали эти вопросы.

Врач пристально посмотрел на него и еще раз пролистал пухлую медицинскую карту, в которой содержался приговор, гласивший, что Андрей «усыновлению и опеке не подлежит». А потом написал новое заключение, дававшее усыновлению зеленый свет. В Новосибирске Андрей служил министрантом при епископе Иосифе Верте. Сейчас этот паренек, который не так давно считался глубоким инвалидом, учится в университете.

Нам часто приходилось иметь дело с тяжело больными детьми, инвалидами, к тому же страдавшими электаназом — слоновой болезнью, чудовищно уродующей тело. Это были дети с раздутыми лицами и конечностями. Меня мучило, хотелось отвернуться, уйти. Мать Тереза же только приговаривала: «Какое чудесное дитя». И нередко добавляла: «Смотри, как нежно он держит меня за палец».

Ей было точно ведомо: Бог посылает в мир лучик света даже через тяжко больных, от рождения изуродованных детей. Каждый ребенок — дар Божий. Та ра-

дость, та приветливость, та любовь, с какой мать Тереза общалась с детьми, в том числе и с совсем маленькими, производила глубочайшее впечатление. Я не раз думал про себя: если Бог относится к нам с такой же нежностью и радостью, как мать Тереза относится к этим малышам, если Он, как и она, всегда надеется на лучшее, то и у меня еще есть шанс. Не было для матери Терезы более самоочевидной истины, чем принятие каждого ребенка, любовь к каждому ребенку. В этом, быть может, и заключался секрет ее успеха: то была сила любви. Чем мать Тереза поражала и привлекала людей? Не своим интеллектом и даже не замечательным примером служения обществу. Просто все видели, с какой нежностью и самоотверженностью, с каким состраданием она печется о каждом человеке. Вот что трогает сердце: человек видит, что он любим; ощущает, как сильно его любят. Мать Тереза передавала Божью любовь людям. Ту любовь, которую сама получала от Иисуса.

Нам, ее спутникам, иные люди казались скорее отталкивающими, нежели симпатичными. Но мать Тереза ценила их не меньше, чем нас. С главами государств и правительств она говорила так же, как говорила бы с проституткой или с монахиней. Так же, как с остальными, говорила она и с чемпионом мира по боксу Мухаммедом Али, который посетил ее в Калькутте. Многих ее собеседников это заставляло врасплох, изумляло. Так изумимся и мы, когда на небесах лицом к лицу познаем доброту Бога — такую доброту, какой и представить себе не могли, на какую не смели рассчитывать.

Доброта сразу проникает в сердце. Когда мать Тереза принимала группы посетителей, то общалась с ними всего по двадцать минут. Но многие люди выхо-

дили от нее с мокрыми глазами, а кто-то и просто рыдая. Любовь, которой жила мать Тереза, не умела принуждать. Ее любовь порой казалась чуть ли не беспомощной: никогда и никого не заставляла, ни к чему не принуждала, но старалась вовлечь, воткать каждого в единую сеть любви.

Тем мучительнее воспринимала она тот факт, что многие родители отвергают родных детей, что дети часто оказываются нежеланными. Не только в личных разговорах, но и на публике, во всеуслышание, она повторяла: «Аборт — это убийство в утробе матери. Дитя — дар Божий. Если оно тебе не нужно, отдай его мне. Для меня этот ребенок — желанный».

В 1979 году мать Тереза получила Нобелевскую премию мира. Она воспользовалась этой okazji, чтобы привлечь внимание широкой общественности к проблеме абортов. В своей Нобелевской речи она пылко высказалась против этого зла.

«Я считаю, что ныне аборт стал величайшей помехой миру. Ибо это явная война, явное убийство, уничтожение жизни, совершаемое самой матерью ребенка. Люди в Индии или в Африке горько оплакивают своих детей, когда те массово погибают от голода и недоедания. Но еще миллионы детей погибают по воле своих матерей. И это, повторяю, величайшая помеха миру. Если мать способна убить своего ребенка, то что не позволяет мне убить тебя? И что помешает тебе убить меня?»

Это были резкие слова. Мне рассказывали, что на следующий день один священник, слышавший ее речь по радио, сделал матери Терезе замечание: дескать, своими словами она «нанесла удар» многим сканди-

навским женщинам. Замечательна была реакция матери Терезы на этот упрек: она поглядела молодому священнику прямо в глаза и сказала:

— Отец, Иисус говорил: «Я — Истина». И ваш, и мой долг состоит в том, чтобы говорить истину. А принять ее или отвергнуть — это уж зависит от слушателя.

И я могу подтвердить: мать Тереза всегда говорила истину, даже если это оказывалось «некстати». Но истину она всегда говорила с величайшей любовью.

В своем выступлении на Ассамблее ООН в 1985 году, которое я уже отчасти описывал, мать Тереза страстно призывала защитить еще нерожденную жизнь. Я цитирую здесь ее речь:

«Чтобы был мир, начинать нужно с дома, с семьи. Дела любви начинаются дома. Дела любви суть дела мира. Мы все желаем мира, и все мы страшимся атомного оружия, страшимся этого нового недуга. Но мы не боимся убить невинное дитя, маленькое нерожденное дитя, которое сотворено за тем же, что и мы с вами: любить Бога, любить вас и меня.

Это страшное противоречие. Я чувствую, что сегодня аборт превратился в величайшую помеху миру. Мы страшимся атомного оружия — как бы оно нас не уничтожило! Но мы не страшимся, мать не страшится совершить ужасное убийство. Об этом говорит Сам Бог. Он сказал: «Забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя. Вот, Я начертал тебя на дланях Моих» (Ис 49:15,16). Ты дорог Мне. Я люблю тебя. Вот слова Бога. Они обращены к вам, ко мне, к крошечному нерожденному ребенку. Так давайте же, если мы и в самом деле хотим мира, если мы хотим мира искренне, всем сердцем, давайте примем крепкое решение: не позволим, чтобы хоть один ребе-

нок в наших странах, в наших городах чувствовал себя нежеланным, нелюбимым. Пусть ни один ребенок не превратится в отброс общества. И будем поддерживать друг друга в этой решимости. Чтобы ужасный закон, умертвляющий невинных, уничтожающий жизнь, убивающий Божий образ, был отменен в наших странах, среди нашего народа, в наших семьях».

3 января 1994 года мать Тереза выступала на Национальном молитвенном завтраке перед Сенатом и Конгрессом США со столь же четко сформулированной позицией. Вот еще один большой отрывок из ее речи:

«Бог так возлюбил мир, что отдал Своего Сына. — это был Его дар. Бог дал Своего Сына Деве Марии. И что Она сделала с Ним? Как только Иисус вошел в жизнь Марии, Мария тут же побежала, поторопилась поделиться этой Благой Вестью. Когда Она вошла в дом своей родственницы Елизаветы, то, как свидетельствует Священное Писание, нерожденное дитя, ребенок в утробе Елизаветы, «выиграло» от радости. Так Иисус, еще находившийся в утробе Марии, принес мир Иоанну Крестителю, и тот выиграл от радости в утробе Елизаветы.

И как будто этого было мало! Как будто недостаточно было, что Божий Сын сделался одним из нас и, еще находясь в утробе Марии, нес мир и радость! Нет, потом Он еще и умер на кресте, чтобы явить величайшую любовь. Он умер за тебя, за меня, за прокаженного, за умирающего от голода, за того, кто лежит нагой на улице. И не только в Калькутте, но и в Африке, и во многих других местах. Наши сестры служат бедным людям в ста пяти странах мира. Иисус заповедал, чтобы мы любили друг друга так, как Он любит каждого из нас...

Быть может, в нашей семье есть одинокий, больной, удрученный заботой... Будем ли мы рядом с ним? Готовы ли мы отдавать, отдавать до боли? Или же собственные интересы выходят у нас на первое место? На такие вопросы мы сами себе должны ответить, особенно сейчас, в Международный год семьи. Нам нужно вспомнить, что любовь начинается дома, что от состояния семьи зависит будущее человечества. Меня поразило, как много на Западе мальчиков и девочек сделали наркоманами. Я попыталась выяснить, отчего это так. Отчего так, когда люди на Западе имеют всего намного больше, чем люди на Востоке? И вот ответ: потому что дома, в семье никто не принял их такими, какие они есть. Наши дети во всем зависят от нас — от нас зависит их здоровье, еда, безопасность, их развитие, их путь к познанию и любви Бога. Они смотрят на нас с доверием, надеждой и ожиданием. Однако мама и папа часто так заняты, что для детей у них времени нет. Или они даже не вступили в брак. Или они рукой на свой брак махнули. И тогда дети идут на улицу. Они подсаживаются на наркотики и так далее. Мы говорим тут о любви к ребенку. О том, что с этого начинаются любовь и мир.

У меня есть чувство, что худший нарушитель мира ныне — аборт. Это война против ребенка, прямое убийство невинного ребенка, убийство, совершаемое самой матерью. Если мы допускаем, что мать имеет право убить собственное дитя, то как тогда говорить людям, чтобы они не убивали друг друга? Как убедить женщину не делать аборт? А вот как: мы должны убеждать ее с любовью... И сами мы должны помнить, что такое любовь: отдавать, отдавать до боли. Иисус отдал даже жизнь Свою из любви к нам. Итак, нужно помочь матери, которая помышляет об аборте. Нужно

помочь ей полюбить так, чтобы она пожертвовала своими планами и своим свободным временем из уважения к жизни своего ребенка. Даже если это причинит ей боль. И отец ребенка, кто бы он ни был, также должен отдавать до боли. Аборт учит мать нелюбви, ибо она готова убить собственное дитя, лишь бы решить свои проблемы. И если мать совершает аборт, то дает этим понять отцу, что он вообще не должен нести ответственность за ребенка, которого зачал. Возможно, этот же человек поставит в такую же трудную ситуацию и других женщин: один аборт повлечет за собой еще и еще. Любая страна, допускающая аборт, учит свой народ не любить. Она учит пускать в ход насилие, чтобы получать желаемое. Вот почему аборт сделался главной помехой миру и любви.

Многие люди очень тревожатся о детях Индии, детях Африки, которые умирают от голода и так далее. Многие люди обеспокоены насилием и в этой великой стране, в Соединенных Штатах. Очень хорошо, что люди об этом тревожатся. Но зачастую те же самые люди вовсе не думают о миллионах, которые погибают по умыслу своих матерей. Это — великая помеха миру. Аборты вызывают у людей ослепление».

Все это мать Тереза говорила не затем, чтобы осудить женщин, зачастую подвергающихся мощному давлению со стороны общества. Ей было важно другое: напомнить о ценности ребенка, ибо каждый ребенок — подарок, сотворенный по образу Божьему, «чтобы любить и быть любимым». Она предлагала собственный путь борьбы с абортами: «Бог дал нашей общине прекрасный дар — бороться против абортов при помощи усыновления». Мать Тереза рассказала флагманам американской политики и воротилам американской экономики о маленьком ребенке, которого с

ее помощью усыновила некая супружеская пара. Вскоре выяснилось, что ребенок тяжело болен. Тогда она предложила приемным родителям: «Верните нам больного ребенка, и я дам вам взамен здорового». Но приемный отец ответил ей: «Мать Тереза, прежде чем отнять у меня этого ребенка, вам придется отнять у меня жизнь».

Вот какую великую любовь и радость принес в семью больной ребенок! И свою речь мать Тереза закончила словами: «И потому я обращаюсь к вам в присутствии моих сестер: если кому-то из вас не нужен ваш ребенок, отдайте его мне. Мне он нужен».

Таким образом, организуя усыновления, миссионерки милосердия спасли тысячи детей. Я позволю себе процитировать еще один фрагмент из выступления матери Терезы на Национальном молитвенном завтраке:

«Я готова принять любого ребенка, чтобы спасти его от аборта. Я передам его супружеской чете, которая будет любить этого ребенка и будет им любима. В одном только нашем детском приюте в Калькутте мы спасли от аборта более трех тысяч детей. Эти дети принесли своим приемным родителям столько любви и радости! Да и сами они растут в радости и любви».

Однако в той же речи мать Тереза делает существенную оговорку. Она готова принять любого ребенка, но не всякая супружеская пара годится с ее точки зрения в приемные родители:

«Я знаю, что супругам следует планировать семью. Для этого существует естественное планирование. Правильный способ семейного планирования — естественное планирование, а не предохранение».

И дальше она пояснила: при искусственном предохранении все внимание мужчины и женщины направ-

лено лишь на самих себя. В то время как в любви внимание мужчины и женщины должно быть направлено друг на друга. Так происходит лишь при естественном планировании семьи. Дословно: «Мы не можем решить все мировые проблемы. Но давайте не будем создавать худшей в мире проблемы — не будем разрушать любовь, не будем губить жизнь. Хотя именно это и происходит, когда людям рекомендуют предохранение и аборты».

В этом историческом выступлении, которое принадлежит к числу очень немногих заранее написанных и отшлифованных речей матери Терезы, она поместила проблему аборта в более широкий контекст — контекст общей духовной нищеты нашего общества. «Аборт, который часто следует за неудавшимся предохранением, приводит людей к духовной нищете. Это худший вид нищеты, и с ней труднее всего справиться».

Под конец речи мать Тереза призвала сделать все возможное, «чтобы ни один ребенок не оказался нежеланным, нелюбимым, брошенным, убитым».

С такой же нежностью, однако не столь публично, заботилась мать Тереза о женщинах, которые страдали после совершенного аборта. Эти женщины принадлежали к привилегированной группе, которую мать Тереза оделяла особо проникновенной любовью. Я видел, как после беседы с матерью Терезой молодые женщины в слезах покаяния обретали надежду на Божью любовь и прощение. Ибо они видели перед собой пример такой любви. Всепрощающая Божья любовь возвращает людям надежду на осмысленную и радостную жизнь.

В глазах матери Терезы жизнь ребенка, этого «Божьего луча в мире», была свята, неприкосновенна. В любой ситуации следовало ее защищать. Но мать Тереза прекрасно понимала материальные и социальные проблемы матерей. Каковы были их одиночество и страх в минуту принятия ужасного решения! И потому мать Тереза всегда открывала жертвам этих страшных душевных мучений и свои объятия, и свое сердце.

Это Его дело!

Одной из привилегий, сопутствовавших растущей славе матери Терезы, стало умножение ее дорожных паспортов. В большинстве случаев это было очень удобно. Однако во время совместной поездки в Польшу, тогда еще социалистическую, избыток паспортов обернулся проблемой. На паспортном контроле Варшавского аэропорта у меня с моим австрийским паспортом никаких осложнений не было. Пройдя мимо пограничника, я оглянулся в поисках матери Терезы и увидел, что она роется в сумке и в итоге выкладывает перед окошечком целую стопку паспортов. Я струснул, поскольку в социалистическом государстве, где

правлящая власть контролирует каждого гражданина, в том числе и с помощью паспортной системы, этот ее жест вполне могли считать провокацией.

Я поспешно выдернул один из паспортов и протянул его офицеру. Остальные я безмолвно запихал обратно в сумку. Офицер угрюмо пролистал паспорт, не обнаружил в нем визы и буркнул: «Нет!» Мать Тереза снова пошарила в сумке и стала протягивать ему один паспорт за другим. В ответ слышалось только: «Нет! Нет! Нет!» Наконец вынырнул паспорт с действующей визой. И мать Терезу впустили в страну.

В свободной стране эта сцена выглядела бы комично, но в тот момент мне было не до смеха. Во-первых, местные чиновники не привыкли иметь дело со множеством паспортов у одного человека. А во-вторых, как мне было хорошо известно, коммунизм — идеология, лишенная юмора.

Откуда у монахини столько паспортов? В качестве натурализовавшейся гражданки Индии она имела, разумеется, индийский паспорт и несколько запасных, поскольку из-за множества поездок ее паспорт чересчур быстро заполнялся визами и штампами. Индийские власти скоро сообразили, что их «лучший дипломат» нуждается в нескольких чистых паспортах. Далее, кроме общегражданского индийского паспорта у матери Терезы имелся дипломатический паспорт и опять же в двух экземплярах. В-третьих, у нее был служебный паспорт Ватикана. А после того как мать Тереза в 1996 году получила почетное гражданство США, появился, если память мне не изменяет, и американский паспорт.

Во множество паспортов она рассовывала еще и бумажные иконки. Но мы так и не узнали, какое впечатление произвели эти своеобразные закладки на поль-

ского пограничника, листавшего ее паспорта один за другим.

И против всех этих искушений: признания, почетных степеней, орденов, наград, встреч с главами государств, множества больших и малых привилегий она устояла. Что давало ей иммунитет от гордыни, тщеславия и самодовольства? Почему, даже находясь в центре восхищенной толпы, она оставалась все тем же скромным «карандашиком в руках Божьих», смиренной служанкой?

«Это Его дело», — и она вздымала указующий перст к небесам. Таков был ее ответ журналисту, который восторженно говорил о ее достижениях во всех уголках мира. Так же реагировала она и на его вопрос о похвалах и знаках отличия, которыми ее осыпают. Неужто ее гордость не поднимает головы — ведь наград и почетных званий у нее набралось едва ли не больше, чем у других? Тут она пустила в ход оба указательных пальца и поднесла их к ушам: «В одно входит, в другое выходит. А между ними ничего нет. Это Его дело».

По пути за очередной почетной докторской степенью от индийского университета мать Тереза сказала сопровождавшему ее епископу:

— Надо же! Я никогда не училась, дипломов не защищала, плохо разбираюсь в человеческих законах и лишь немного знаю о законе Божьем. И пожалуйста, нате вам, вон сколько у меня почетных докторских степеней!

26 октября 1985 года мать Терезу пригласили выступить перед Генеральной Ассамблеей ООН в Нью-Йорке. День, когда собиралась Ассамблея, мать Тереза

проводила у своих сестер в Вашингтоне по обычному распорядку обители. После мессы и утренней молитвы последовала стирка сари. Затем уборка туалетов и мытье пола. Как и в обычные дни, мать Тереза трудилась вместе со всеми. «В этом я специалист. Может быть, даже первый на свете специалист по мытью туалетов».

Затем мать Тереза села в дребезжащий автомобиль одного из своих добровольных помощников и направилась в Нью-Йорк. Там, в главном здании ООН, делегаты и главы государств стоя приветствовали ее рукоплесканиями.

Генеральный секретарь ООН Хавьер Перес де Куэльяр представил ее следующим образом:

«Вот Зал Слов. Несколько дней тому назад с этой кафедры к нам обращались самые могущественные люди мира. Сегодня мы имеем честь принимать самую влиятельную женщину мира. Не думаю, чтобы она нуждалась в представлении. Ей не нужны слова. Ей нужны дела. Думаю, лучшее, что я могу сделать — это воздать ей должное, сказав, что она значительнее меня, значительнее нас всех, вместе взятых. Это она — Объединенные Нации. Это она — Мир во всем мире. Огромное спасибо».

Мать Тереза вышла на кафедру в зале Генеральной Ассамблеи и начала свою речь:

«Мы собрались здесь затем, чтобы поблагодарить Бога за сорок лет чудесной работы, которую ООН совершает на благо человечества. Начинается Год Мира. Давайте произнесем молитву — каждый из вас получил ее текст. Помолимся вместе за мир, ибо плоды любви — это плоды мира. Помолимся вместе, чтобы обрести мир, чтобы Господь даровал нам мир, сделав нас едиными».

И посреди зала, где вершилась мировая политика, где плелись политические интриги, она начала молитву:

Сделай нас, Господи, достойными, чтобы мы везде в мире служили нашим собратьям, кои живут и умирают в бедности и голоде. Дай им через нас ныне хлеб их насущный. Через нашу сочувственную любовь даруй им радость и мир.

Дай мне, Господи, быть орудием Твоего мира,
 чтобы я нес любовь ненавидящим,
 прощение — обижающим,
 примирение — враждующим,
 веру — сомневающимся,
 надежду — отчаявшимся,
 радость — скорбящим,
 чтобы я нес свет во тьму.

Дай мне, Господи, утешать, а не ждать утешения,
 понимать, а не ждать понимания,
 любить, а не ждать любви.
 Ибо, кто дает, тот обретает,
 кто о себе забывает — находит себя,
 кто прощает — будет прощен,
 кто умирает — воскресает для жизни вечной.

Аминь.

Этой молитвой святого Франциска Ассизского мать Тереза начала свою речь. После чего она по полной выкладке провела катехизацию собравшихся в зале политиков и дипломатов, как всегда, указав им не на себя, а на Иисуса:

«Мы молили Господа превратить нас в орудия мира, любви и единства. Иисус пришел затем, чтобы явить свидетельство такой любви. Господь так возлю-

бил мир, что отдал Иисуса, Своего Сына, чтобы Он пришел к нам и принес нам Благоую Весть: Бог любит нас. И еще: Он хочет, чтобы мы любили друг друга так, как Он любит каждого из нас. Ибо Он создал нас с единственной целью: чтобы мы любили и были любимы. Только по этой причине, ни по какой другой. Мы не безликие пешки. Мы — дети Божьи».

В Китае, рассказывала она в той речи, ее спросили: «Кем вы считаете коммуниста?» И она ответила: «Чадом Божиим, моим братом, моей сестрой». С тем же увещанием обращалась она к делегатам:

«И мы с вами сотворены братьями и сестрами друг другу. Одна и та же рука любящего Бога создала вас, меня, вон того человека с улицы, того прокаженного, того голодающего, того богача... И всех создала с одной целью: чтобы мы любили и были любимыми. И мы собрались здесь сегодня, чтобы понять, как сохранить мир».

Я уже говорил о том, что мать Тереза и в этой речи перед столь представительной аудиторией назвала аборт главной помехой миру и подчеркнула ценность семьи. Но не следует упускать из виду и призыв, с которым она обратилась к главам государств, послам и делегатам:

«Давайте сегодня, раз мы собрались здесь, примем в сердце своем твердое решение: я хочу любить, я хочу нести людям Божию любовь... Начнем любить, делиться друг с другом, молиться о том, чтобы прекратились ужасные страдания наших братьев... Я буду молиться о вас, чтобы вы возрастали в Божьей любви, чтобы вы любили друг друга так, как Он любит каждого из вас, в особенности потому, что этой любовью вы освящаетесь. Святость — это не что-то особое. Это просто-напросто призвание каждого из нас. Нам не-

чего бояться. Господь с нами, лишь бы мы позволили Ему быть с нами, лишь бы мы подарили Ему открытое чистое сердце».

Речь перед Ассамблеей ООН мать Тереза завершила на такой ноте:

«Молитва дает чистое сердце. Чистое сердце помогает увидеть Бога в любом человеке. Когда мы увидим Бога друг в друге, то сможем жить в мире и делиться радостью любви с каждым. Бог будет посреди нас».

После этого выступления перед Ассамблеей ООН — от банкета мать Тереза отказалась, попросила направить деньги ее беднякам — та же машина-таратайка, в которой она приехала в Нью-Йорк, доставила мать Терезу обратно в сестринскую обитель Вашингтона, где она вновь включилась в ритм и распорядок дня, которому подчинялись все сестры.

Вероятно, именно такая простота и скромность надежно защищали мать Терезу от любых искушений.

Чистка туалета, о которой я уже не раз упоминал, имела также и духовное измерение, о чем свидетельствует следующий случай. Сестра, сопровождавшая мать Терезу в перелете через океан в Вашингтон, на встречу с тогдашним президентом Рейганом, обратила внимание на странное поведение матери Терезы: сначала матушка прошла в нос самолета, в бизнес-класс, и там наведальась в оба туалета, затем перешла в заднюю часть самолета и там опять-таки побывала в обеих кабинках. Любопытство взяло верх над застенчивостью, и сестра спросила мать Терезу о причине многократного посещения туалета. Ответ был краток: «Экзорцизм».

Мать Тереза помыла все туалеты в самолете. Мытье туалетов, по-видимому, было для нее целебным средством от всякого порыва гордыни и превосходства.

— Как научиться смирению? — вопрошала она и сама же отвечала на свой риторический вопрос:

— Смирив себя.

В часовне штаб-квартиры конгрегации в Калькутте помимо распятия с надписью «Жажду» под правой рукой Иисуса, амвона и алтаря находилась также высокая статуя Девы Марии. Богородица была украшена орденом «За заслуги», полученным матерью Терезой от королевы Великобритании. Время от времени мать Тереза вешала на статую и другие ордена — наглядный образ того, как мать Тереза воспринимала множество оказываемых ей почестей и знаков внимания. Она принимала их от имени беднейших из бедных, совершенно сознавая, что заслуги, за которые ее чтут, отнюдь не принадлежат ей самой. Она не уставала повторять, что все это — «Его дело», и наряду с этой безусловной «ориентацией на Христа» она жила в тесном союзе также и с Марией, Его Матерью. Английской королеве она послала фотографию Девы Марии с британским орденом на груди, чтобы показать, как правильно она пристроила это украшение. Под ногами статуи, опиравшейся на пьедестал, оставалось пустое место. Туда мать Тереза поместила серебряного голубя — награду за распространение Благой вести.

Если премия имела денежное выражение, мать Тереза ее брала охотно — для беднейших из бедных. Большинство наград, если те имели какую-то материальную ценность (например, были сделаны из золота), она продавала, чтобы и эти деньги отдать беднякам.

Список наград, которых была удостоена мать Тереза за свою деятельность, очень длинен. Укажем здесь лишь

несколько: в 1962 году президент Индии наградил ее орденом Падма Шри («Священного Лотоса»), и в том же году она получила премию имени Рамона Магсайсая от президента Филиппин. В 1971 году Папа Павел VI вручил ей в Риме премию Мира имени Папы Иоанна XXIII, а годом позже она получила премию «Добрый самарянин» в Бостоне и Международную премию имени Джона Ф. Кеннеди «За гуманизм» в Нью-Йорке. В том же году Католический университет Америки присудил ей почетную докторскую степень. В 1972 году правительство Индии наградило ее премией имени Джавахарлала Неру «За международное взаимопонимание». 25 апреля 1973 года принц Филипп вручил ей в Лондоне премию Темплтона «За прогресс в развитии религии». 17 октября 1979 года она выступала в Осло с нобелевской речью. Годом позже была удостоена высшей гражданской награды Индии, ордена Бхарат Ратна («Сокровище Индии»). В 1985 году она получила Президентскую медаль Свободы — одну из двух высших наград США для гражданских лиц. После того как мать Тереза впервые съездила в Албанию и присутствовала там при освящении восстановленного католического собора, ей присвоили в 1992 году почетное гражданство Албании. В 1996 году она получила почетное гражданство Соединенных Штатов.

В скромнейшей келье матери Терезы в Калькутте, где только и были, что кровать, письменный стол да шкаф, на шкафу стояли картонные коробки с надписями: «Полученные письма» «Отправленные письма», «Сестра NN» и «Награды». В последнюю коробку попадали привезенные матерью Терезой из очередной поездки ордена и медали. Когда коробка заполнялась, ее содержимое пересыпалось в металлический ящик.

Ныне в архиве штаб-квартиры в Калькутте, неподалеку от того помещения, где находится саркофаг матери Терезы, стоят семь простых канцелярских шкафов, доверху заполненных медалями, орденами и дипломами матери Терезы, а также марками почти всех государств мира с ее лицом.

И тем удивительнее, как мало значения придавала своему «имиджу» сама мать Тереза. Она знала: «В конце нас будут судить не по количеству дипломов и не по накопленным деньгам и даже не по тому, сколь великие дела нами совершены. Вот слова, по которым нас будут судить в конце жизни: «Алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне» (Мф 25:35,36).

Именно по этой причине ее не смущали ни половинчатый успех, ни полная неудача. Их она встречала с нерушимым внутренним покоем. «Видишь ли, отец, — не раз говаривала она мне, — Бог призвал меня вовсе не для того, чтобы я была успешной. Он призвал меня быть верной».

Неудачи и разочарования тоже были ее постоянными спутниками. И по этому поводу мать Тереза однажды сказала:

— Я знаю: Бог не возложит на меня сверх того, что я могу снести. Но порой мне хотелось бы, чтобы Он не оценивал мои силы столь высоко.

На Рождество 1988 года мне подарили компьютер. Тогда компьютер еще не был неременной принадлежностью каждого дома. А мой по тогдашним понятиям был наисовременнейший — с двумя дисковод-

ми! Планировалось открытие обители в России, и я решил, что там компьютер сослужит мне добрую службу. И вознамерился взять его с собой в Москву. Мать Тереза внимательно выслушала мои аргументы, поглядела мне прямо в глаза и сказала:

— Отец, не стоит брать его с собой. Лучше, чтобы ты там смиренно делал свое дело.

Я словно язык проглотил. Не дождавшись моего ответа, она продолжала:

— Отец, знаешь ли, как учатся смирению? Смиряя себя.

И я не взял компьютер в Москву. Из чего последовало целых два блага. Во-первых, как я уже упоминал, во время перелета весь мой багаж пропал. Если бы я настоял на своем, то, конечно, пропал бы и компьютер. Во-вторых, я убедился, что мать Тереза умеет сочетать теоретические наставления с большой гибкостью на практике. Много месяцев спустя, когда я уже и думать забыл о новом компьютере, на Пасху 1989 года мать Тереза позвонила мне в Армению и сказала:

— Отец, если хочешь, можешь теперь получить свой компьютер.

Спустя столько времени она вспомнила, как нелегко было мне оставить эту вещь, не брать ее с собой! Вероятно, она решила, что я уже усвоил нужный урок.

В конце моего пребывания в Армении один богатый местный житель купил у меня этот компьютер за огромную сумму. По тогдашнему искусственному курсу рубля к доллару получилось 13500 долларов! На эти деньги группа армянской молодежи смогла слетать через Париж в Рим.

Затем мой брат подарил мне очередное чудо оргтехники — только что появившийся мобильный телефон. В те времена эта штука весила два или даже три кило-

грамма. Ее носили в сумке, к ней требовались наушники. Но все же этим прибором можно было пользоваться в дороге, и с его помощью я мог лучше организовать поездки матери Терезы и сестер. Возможно, новой игрушкой мне также хотелось произвести впечатление на мать Терезу.

Телефон — обычный, стационарный — был единственным видом техники, допущенным в сестринскую обитель. Однако я полагал, что мобильный телефон подпадает под ту же категорию и на него не требуется особого разрешения. Я предложил матери Терезе снабдить настоятельниц обители или хотя бы региональных настоятельниц конгрегации переносными телефонами. Учитывая обет бедности, который давали миссионерки милосердия, я пустил в ход неотразимый, как мне казалось, аргумент:

— Можно сэкономить много денег, если постоянно оставаться на связи. При наличии мобильного телефона можно решать вопросы одним звонком, не понадобится тратить время и деньги на дорогу ради личного разговора.

Снижение расходов — это же неотразимый довод!

Но мать Тереза легко меня срезала:

— Отец, мы даем обет бедности, а не экономии («We have a vow of poverty, not a vow of economy»).

Страдание и смерть

В фильме сестер Жанетты и Анны Петри на вопрос, в чем смысл страдания, мать Тереза отвечает:

«Страдания сами по себе не имеют никакого смысла. Но если страдание соединяется с муками Христа, оно приобретает невероятную ценность. Страдание как жертва, как средство примирения имеет неизмеримо глубокое значение. Если страдание принимается как дар Божий, оно приобретает необычайно глубокий смысл. Это лучший способ возрасти в святости и уподобиться Иисусу Христу».

Такое приятие и такая жертвенность распространяются не только на великие страдания или на почти не-

выносимые утраты. Подобной жертвой может стать вся жизнь, если мы превратим неприятные мелочи в школе, на работе, в семье в небольшие приношения Богу. Например: мать Тереза терпеть не могла находиться в центре внимания. Еще меньше любила она фотографироваться. Но она, по ее собственному выражению, заключила «договор с небесами» («contract with heaven»): пусть за каждый снимок репортера Иисус освободит одну душу из огня чистилища и возьмет ее на небо. Таким образом она превращала неприятный для нее процесс фотографирования в жертву. Зачастую во время поездок фотографы собирались заранее — прямо на летном поле или в зале прибытия. Едва показывалась мать Тереза, как начинали сверкать вспышки, слышались щелчки камер. Если фотосессия слишком затягивалась, мать Тереза с широкой улыбкой заявляла: «Хватит, хватит, чистилище уже опустело».

Однажды она с озорной улыбкой сообщила, что инфляция распространяется и на дела небесные: она «переписала контракт и теперь за каждую мою фотографию из чистилища в рай уходят по две души».

На многих людей, общавшихся с матерью Терезой и ее сестрами, особенно сильное впечатление производила всеохватная и заразительная радость, с какой сестры жили и трудились в самых неблагоприятных условиях. В уставе своей конгрегации мать Тереза описала и то, каким должен быть дух общины, выделив три пункта: «исполненное любовью доверие» («the loving trust»), «полная и безусловная самоотдача» («total surrender») и — «бодрость», даже «веселье» («cheerfulness»).

Эти три предписания в глазах матери Терезы были тесно взаимосвязаны: если человек питает полное любви доверие к Богу, если он полностью отдает себя, то неизбежное последствие таких отношений — ра-

дость. Исполненное любовью доверие — это доверие к замыслу Бога, Которому мать Тереза вверяла себя целиком и полностью, во всей своей «ничегойности» («nothingness»). «Ничегойность». Это слово она часто повторяла и бесстрашно придумывала к нему все новые синонимы. Но, тем не менее, она повторяла, что Господь в силах превратить «ничегойность» в «чегойность». Но это опять-таки исключительно «Его дело», наши способности и заслуги тут ни при чем.

И напротив: Бог не может наполнить то, что уже и так заполнено. Так она сказала однажды, подразумевая: если мы полны собой, напичканы тщеславием и эгоистическими планами, уверены, что справимся со всем сами, то Богу невозможно иметь с нами дело. Он не сможет использовать нас в качестве своих орудий. Лишь если мы признаём свою «ничегойность», если с любовью и доверием обращаемся к Нему, тогда Он мо-

Радость заразительна: мать Тереза с автором

жет использовать нас, тогда Он наполнит нас Своей любовью и при помощи нашей «ничегойности» сотворит «великие дела».

С этим же связан и призыв к «полной и безусловной самоотдаче», к безоговорочному подчинению Божьей воле. По-английски мать Тереза предпочитала слово «belonging», «принадлежность»: если я полностью отдаю себя Иисусу, значит, я принадлежу Ему. Она наставляла сестер перед принятием обета: «Когда вы примете обет, вы станете полностью принадлежать Иисусу и должны будете крепко Его держаться, прилепиться к Нему. Не позволяйте никому встать между вами и Иисусом».

То, как высоко она сама ценила близость к Иисусу, показывает случай, рассказанный мне одним священником. Мать Тереза лежала в больнице, страдая от сильных болей. Один из врачей задал ей вопрос:

— Мать Тереза, я не могу понять, почему вы должны так мучиться?

Она ответила:

— Потому что Он, Иисус, сильно страдал, а я принадлежу Ему. Если я завтра умру, так тому и быть. Он может использовать меня, как захочет. Я ничего не решаю.

В устав конгрегации матери Терезы вписано разъяснение, которое она сама вполне осуществляла в собственной жизни: полная отдача заключается в том, чтобы «принимать все, что Он дает, и отдавать все, что Он отбирает. Причем и то, и другое — с широкой улыбкой».

В глазах матери Терезы и ее сестер принадлежать Иисусу означало, что Он может их использовать так, как Ему будет угодно, не спрашивая их мнения и согласия («without being consulted»).

Радость и веселье — один из плодов полной самоотдачи в любви. Если радость и веселье проистекают из такого источника, то они — дар Святого Духа, знак Божьего изобилия. Радость — сеть любви, коей мы уловляем души. Преисполнившись радости, сестры могут проповедовать и без слов. «Радостная сестра, — говорила мать Тереза, — это солнечный луч Божьей любви. Она — луч надежды на вечное блаженство, она — горящее пламя любви».

Вечером после весьма насыщенного и трудного дня — дело было в Индии — мы с епископом Хнилицей уселись ужинать, а мать Тереза и сестры молились в соседней комнате. Мы же тем временем срочно восстанавливали нарушенный за жаркий и утомительный день водно-солевой баланс организма. Помолившись, мать Тереза вышла к нам, и мы выдали нечто вроде оправдания — почему мы праздно тут сидим, пьем и подкрепляемся, а не молимся со всеми: «Что сегодня было — это просто чудо! Надо же успеть столько всего за один день!» Она сразу уловила в наших словах легкий намек на жалобу и с сияющей улыбкой возразила:

— Отец, не то чудо, сколько всего мы успеваем переделывать. Чудо — что нам даровано счастье это сделать.

Источник этого чуда — не от мира сего. А само чудо заключается в том, что вопреки нищете и страданиям мы имеем счастье служить и быть счастливыми в своем служении! Когда я впервые беседовал с матерью Терезой — сразу после принятия сана в часовне ее штаб-квартиры в Сан-Грегорио, в Риме — она первым делом сказала:

— Отец, теперь, когда ты будешь совершать мессу, добавляй и за меня капельку в Чашу.

Иными словами:

«Каждый раз, когда совершается чудо пресуществления, охвати им и меня».

Я выполнил ее просьбу, но по-своему: каждый раз, когда я окунаю в Чашу кусочек гостии* в знак единства всех христиан в теле Христовом, я осознанно включаю в это литургическое действие и мать Терезу. Сегодня ее стремление стало мне еще яснее и ближе: теперь, когда нам ведома ее «ночь души», ее мука отчуждения от Бога, я глубоко понимаю ее просьбу. А добавляя каплю воды, которая символизирует нас, человечество, в вино, которое пресуществляется в Кровь Христову и являет божественность Христа, я молитвенно вспоминаю о матери Терезе. Я хочу, чтобы она была полностью принята Богом. Думаю, именно об этом она меня и просила: чтобы я неустанно говорил Богу о том, как сильно она старалась полностью войти в Него, раствориться в Нем. Это вполне соответствует молитве, которую произносит священник, смешивая воду с вином.

Смолоду мать Тереза знала, что ее особое призвание, особый путь следования за Иисусом, сопряжены и с особым страданием. На протяжении многих лет она делила с Ним страдание одиночества и богооставленности, страдание Гефсиманского сада. Кто читал книгу «Будь моим светом», составленную из писем и дневников матери Терезы, тот понимает меру этого страдания.

А когда ее недуг уже отступал, мать Тереза пережила еще и другое мучение, которое сама, конечно же, непосредственно связывала с болезненно переживаем-

* Гостия (лат. *hostia* — жертва) — евхаристический хлеб в католицизме латинского обряда. — Прим. ред.

мым ею состоянием богооставленности: из-за недостаточной вентиляции легких и ослабленной деятельности сердца резко уменьшилось кровоснабжение мозга, и у больной начались галлюцинации.

Однажды утром она стала спрашивать сестер, почему все они покинули ее ночью: «Почему сестры бросили меня? Всю ночь я оставалась одна, а мне так нужны были сестры. Никого рядом не было». Разумеется, сестры дежурили при ней, однако ей показалось, будто они ушли. Более того: ей показалось, будто ее конгрегация отвернулась от своей основательницы. Это заблуждение можно полностью объяснить физиологическими причинами, однако оно причиняло ей вполне реальное, сокрушительное страдание!

С драмой смерти мать Тереза сталкивалась постоянно. И не только в хосписах — домах, специально предназначенных для умирающих, но и во многих других ситуациях. О смерти она рассуждала как о «возвращении домой, к Богу» («go back home to God»). Страха перед собственной смертью или перед смертью другого человека она не испытывала. Не испытывала и смущения. Одна из сестер, работавшая в хосписе, где лежали больные в терминальной стадии СПИДа, рассказывала, как мать Тереза говорила одному из пациентов, которому оставалось уже немного: «Бен, мне бы хотелось, чтобы ты ждал меня у небесных врат и приветствовал меня, когда я туда приду». Таким образом она пыталась помочь ему избавиться от страха смерти. И Бен обещал выполнить ее просьбу.

Я и сам имел случай убедиться, что для матери Терезы смерть не представляла собой ужасного переживания

полной отделенности от жизни. Это случилось, когда мать Тереза послала меня в Эфиопию проводить там реколлеции для сестер. Накануне отъезда я пустился объяснять ей политическую ситуацию в этой расколотой надвое африканской стране: некоторым из сестер, чтобы попасть на духовные упражнения, придется пересечь демаркационную линию между Эритреей и Эфиопией. Они окажутся между враждебными группировками, это очень опасно. И я спросил мать Терезу:

— Не хотите ли что-либо особо передать сестрам, которые будут подвергать свою жизнь риску?

Ответ ее прозвучал жутковато, но вполне отражал ее спокойное отношение к смерти:

— Да, отец, передайте им: если настанет пора умереть, так пусть умрут хорошо.

В этой связи вспоминается еще одна история, рассказанная мне самой матерью Терезой. Вскоре после того как в Аммане, столице Иордании, был основан первый дом миссионерок милосердия, в королевстве разразилась война. В городе начались вооруженные столкновения. Сестры позвонили матери Терезе в Рим, сообщить ей, в каком сложном положении они оказались. Мать Тереза велела им довериться Богу и оставаться верными своим беднякам. Разговор она завершила словами:

— Можете позвонить снова, когда умрете!

Однако несчастный случай, произошедший с ней в Додоме, столице Танзании, мать Тереза перенесла как настоящую трагедию. Маленький автомобиль, в котором она ехала, занесло. Он врезался в толпу провожавших мать Терезу в аэропорт. Погибли две сопровождавшие ее сестры и двое танзанийцев. Сама мать Тереза чудом осталась цела и невредима.

Потрясенная, она вышла из машины, повторяя: «Воля Божья! Воля Божья!» Долго потом она оплакивала погибших — не только сестер, но и тех, кто пришел попрощаться с ней и по нелепой случайности оказался среди жертв.

В расцвете святости

Как я уже говорил, мать Тереза хотела, чтобы везде, где бы она ни была, рядом находился священник. В некоторых случаях таким «приближенным» священником становился я — просто потому, что оказывался у нее под рукой. Подобных священников у матери Терезы было немало. Из разных стран, каждый со своей судьбой и своими талантами. Причем каждого она еще и воспитывала на свой лад, ведь при таком близком общении люди просто не могли не попасть под ее влияние. Ей нетрудно было воспитывать, наставлять, исправлять. Особенно такого юного священника, каким в начале нашего общего с ней пути

был я. У «Сестер Лорето» мать Тереза много лет работала учительницей и воспитательницей. И всю жизнь она оставалась педагогом от Бога. Что бы она ни делала, любая ее деятельность была в том числе и педагогической.

На ум приходит такой простой пример: исподволь, стараясь делать это не слишком заметно, мать Тереза распределяла места в машине так, чтобы сестры не сидели чересчур близко с мужчиной, даже если этот мужчина был священником. Если на заднем сидении могло поместиться четыре человека, туда сажали только сестер. Если там имелось три места, то справа садилась сестра, посередине мать Тереза, а слева мужчина. Понятное дело: среди сестер было немало молодых, красивых, приветливых, совершенно очаровательных индийских девушек. И разумные средства против возможного искушения были вполне уместны. Но забавно, что мать Тереза сама выступала при этом в роли, с позволения сказать, дуэньи: усаживалась так, чтобы помешать даже намеку на искушение, даже если соблазн существовал лишь в ее воображении. «Никто и ничто, — говорила она сестрам, — не должно вставать между вами и Иисусом». И вот чтобы «никто и ничто не вставали», она встревала посередине.

По-моему, мать Тереза была настоящим знатоком человеческой природы. Она всегда точно знала, как обстоят дела. Она обладала природной мудростью: с одной стороны почти «мужицкой» смекалкой, а с другой стороны, ей даровались поистине сверхъестественные, мистические озарения. Благодаря тому и другому она мастерски играла на клавишах человеческой души. Только этим могу я объяснить, как ей удавалось в кратчайшие сроки решать столько проблем, порой связанных между собой сложнейшим образом.

Мать Тереза умела проворно и резко подавить в зародыше первые же признаки недовольства среди сотрудниц или спутников. Как-то в конце дня, заполненного сотней разговоров и организационных дел, у меня вырвалось:

— Ох, мать Тереза, непростое это дело — разъезжать со святыми.

Она усмехнулась в ответ:

— Знаешь ли, отец, кого в самом деле можно назвать святым? Святой — тот, кто умеет уживаться со святым.

Она была одарена и другими талантами: умна, дипломатична. Хотя последний талант проявлялся не всегда. Ему она, скорее, научилась и, лишь научившись, сделалась вполне раскованной и свободной. В первых выступлениях по телевидению она еще кажется смущенной, зажатой. Как будто обороняется. Хотя она всегда прекрасно знала, о чем собирается говорить, на первых порах ее речи казались заученными. Но она училась говорить, развивалась и с годами приобрела уверенность в себе. Как происходила эта ее эволюция, я не знаю. Это было до меня. Когда я познакомился с матерью Терезой, она уже была полностью развитой, зрелой личностью в расцвете святости. За годы общения я заметил в ней только одну перемену: она становилась все более кроткой и ласковой.

Редкие часы, которые матери Терезе удавалось провести после ужина в спокойной беседе, отчасти посвящались практическим или организационным делам. Уладив все вопросы, она готова была просто поговорить, а присутствующие — просто послушать. И беседа всегда принимала духовное направление. Мать Тереза

никогда не упускала возможность рассказать нам что-то познавательное или даже развлекательное. Однако такое, что, на ее взгляд, являло бы Божье чудо.

В подобном разговоре всплыл как-то вопрос об устройстве рая и о том, по каким критериям будет судить нас Бог. Она высказалась так:

— Я мало что знаю про устройство небес. Однако верю: когда мы умрем, когда придет время суда, Бог не спросит нас, сколько добрых дел мы сделали в жизни. Он спросит, сколь велика была любовь, с которой мы их исполняли.

Тех, кто подвергал критике роль и достоинство современной Церкви, кто рассчитывал обрести в матери Терезе союзницу по внутрицерковной революции, ее ответ всегда заставлял врасплох. Одному такому озабоченному журналисту на вопрос:

— Мать Тереза, что, по-вашему, в современной церкви нуждается в исправлении?

Она выстрелила ему в лицо:

— Вы и я!

Борьбу за реформы она проводила упорно и постоянно — но на свой лад: она хотела реформировать сердце каждого отдельного человека.

Другой журналист попытался ее спровоцировать:

— Мать Тереза, вам исполнилось семьдесят лет. После вашей смерти в мире ничего не изменится, все останется, как прежде. Каков же смысл ваших усилий?

Без малейших признаков раздражения, с обычной своей подкупающей улыбкой она ответила:

— Знаете, я и не думала, что в моих силах изменить мир. Я пытаюсь всего лишь стать капелькой чистой воды, в которой отразилась бы Божья любовь. По-вашему, этого недостаточно?

И после такого ответа, как бывало нередко, воцарилась тишина. Никто не осмеливался заговорить. И в этой тишине мать Тереза продолжала, обращаясь к интервьюеру:

— Почему бы и вам не попытаться стать капелькой чистой воды? Тогда нас было бы уже двое. Вы женаты?

— Да, мать Тереза.

— Расскажите обо всем вашей жене. И нас будет уже трое. А дети у вас есть?

— Трое, мать Тереза.

— Скажите и детям. И тогда нас станет шестеро.

И тем не менее: не пропадают ли зря ежедневные усилия миссионерок милосердия, раз устранить нищету и горе все равно не удастся? На этот вопрос мать Тереза как-то удачно ответила в разговоре с архиепископом Анджело Комастри, который в 2005 году стал Генеральным викарием государства-града Ватикан, а в 2007 году Папа Бенедикт XVI возвел его в сан кардинала.

Она сказала:

— Да, это правда. Все, что мы делаем, — лишь капля в океане. Но без нашей работы океан оскудеет как раз на эту каплю.

Я часто обращал внимание на то, с какой неподдельной радостью и глубоким волнением люди часами ждали мать Терезу. Ждали лишь затем, чтобы увидеть ее хотя бы на мгновение. Чтобы по индийскому обычаю поклониться ей до земли. Чтобы услышать от нее одно-единственное слово. Увидеть мать Терезу стремились индийцы самых разных классов и слоев. Возможно, мы, ее ближайшие сотрудники, не вполне понимали их страстное желание. Ведь сами мы все время были с ней рядом. Вероятно, отчасти мы были слепы.

История, рассказанная архиепископом Комастри, приоткрывает стоящую за этим тайну. История такая: в самолете какой-то пассажир бросился перед архиепископом на колени и дрожащим голосом сказал:

— Отец, я не понимаю, что со мной творится. Мне кажется, будто глазами этой женщины (то есть сидевшей рядом матери Терезы) смотрит на меня Сам Бог.

Архиепископ тут же перевел этот разговор матери Терезе. Он был потрясен. Но мать Тереза с обезоруживающим спокойствием ответила ему:

— Скажите этому человеку, что Господь смотрит на него уже очень давно, а он только сейчас это заметил. Бог — это любовь.

Документы, опубликованные священником Брайаном Колодейчуком, открыли миру ту «ночь души», ту неутолимую жажду близости с Богом, которой томилась мать Тереза. Именно поэтому мне кажется, что я просто обязан подчеркнуть то значение, которое в жизни и в работе она придавала радости. И здесь я говорю не только о естественной, самопроизвольной радости, изливающейся из счастливого сердца, но и о радости, которая происходит от сознательного усилия. О радости, которая, по сути, является *выбором человека*.

У нее было присловье: «Если не хочется улыбаться, выдави улыбку» («If you don't smile, make a smile»). Мать Тереза не считала радость неким «фонариком», который включается при определенных настроениях. Но она верила, что все настроения зависят от нашей воли.

Оглядываясь назад, я отважусь задать вопрос: почему все мы так охотно отдавали свое время, свои способности, все, чем располагали, на службу матери Терезе и ее сестрам? Очевидно, потому, что вступая в любые, даже самые простые отношения с матерью

Терезой, мы вступали в отношения любви. Каждая встреча с ней преображала человека, наполняла его любовью. Она умела снова и снова напомнить нам: Бог — это любовь!

Однажды в кругу молодежи она загадала загадку: «Кто был первой миссионеркой милосердия?»

Некоторые ребята даже поморщились, ведь ответ казался очевидным:

— Конечно же, вы, мать Тереза!

А она только рукой махнула:

— Нет, первой миссионеркой милосердия была Богородица. Едва зачав Иисуса, она спешно отправилась к Елизавете. Дать ей на это силы могла только радость.

Однажды я принес матери Терезе большую сумму денег — я получил их в подарок и хотел пожертвовать бедным. Мать Тереза глянула на конверт с деньгами и первым делом спросила:

— Отец, ты рад, что у тебя есть возможность отдать мне эти деньги?

Дождаясь своего рейса в аэропорту, мать Тереза наставляла сестер:

— Если встретите человека, который не улыбается, поделитесь с ним улыбкой!

Во время совместной поездки она размышляла вслух:

— Исследуя свое сердце, мы убеждаемся, что искушение против чистоты, против обета целомудрия возникает тогда, когда мы позволяем себе печалиться и возмущаться. Недовольная сестра — мячик в руках сатаны. Он может делать с ней все, что захочет. Потому что, когда человек «не в настроении», он вертит головой во все стороны — как бы утолить жажду любви. Чтобы сохранить целомудрие, нужна добродетель,

нужна радость. Иисус хочет, чтобы моя радость была заключена в Нем.

Она рассказывала нам такую историю: в хоспис в Калькутте пришел человек. Не сказав ни единого слова, он прошел вдоль рядов коек и на выходе обратился к одной из сестер с такими словами: «До сих пор я не верил в Бога, но теперь вижу, что Бог есть. Тот Бог, Который в столь ужасном месте дает сестрам так много любви и радости».

Похожую историю рассказывают о трех мужчинах, посетивших хоспис вместе с матерью Терезой. Обходя ряды пациентов, мать Тереза обратила внимание на то, что один из ее спутников отстал. Она попросила двух других подождать, вернулась. Глаза того человека были полны слез. Она тут же спросила, чем ему помочь. И он ответил:

— Мать Тереза, я всю жизнь думал, что Иисус — пророк. Но сегодня я убедился, что Он — Бог. Только Бог может дать столько радости тому, кто печется о ближнем.

Когда острая фаза болезни матери Терезы миновала, сестры и друзья с облегчением поняли, что она еще на какое-то время останется с нами. Явно или намеками мы давали ей понять, что она еще не готова к вознесению на небеса.

— Нет-нет, не в этом дело, — возражала она. — Мне как-то раз снилось, будто я подошла к небесным вратам, а Петр сказал мне: иди обратно на Землю, у нас тут наверху трущоб нет.

И она ему во сне ответила:

— Хорошо, я вернусь на Землю и наполню небеса бедняками.

Приехав в Рим после тяжелой, опасной для жизни болезни, мать Тереза вновь повторяла каждому, кто готов был ее слушать:

— Я чуть было не отправилась домой, к Богу. Но молитвы всего мира, моих сестер и всех добрых людей удержали меня здесь. Столько писем и открыток с пожеланиями «скорейшего выздоровления» приходило в Калькутту! Их писали тысячи совершенно незнакомых мне людей со всего света. Вы бы видели, какие дивные рисунки рисовали для меня детки, с какой любовью написаны их письма! Думаю, святой Петр устал от беготни взад-вперед: устал передавать Иисусу и Марии все молитвы, которые за меня возносили!

Да уж, святому Петру было, очевидно, проще оставить мать Терезу в живых и позволить ей оправиться!

Ей сделали несколько операций на сердце. Но никакие советы врачей не могли убедить ее снять с себя бремя повседневной работы. Она не хотела прерывать свои труды. Даже в больнице, когда жить ей оставалось всего несколько месяцев, мать Тереза не теряла радости и чувства юмора. Как только она поступила в больницу — дело было под вечер — к ней подключили множество проводов, чтобы сделать ЭКГ. Пациентка тщательно пересчитала все провода и поинтересовалась у медсестры:

— К чему их столько? Или уже наступило Рождество и меня украсили гирляндой, как елку?

Сестра ответила:

— Да, мать Тереза, украсили проводами, чтобы сделать ЭКГ. Красиво?

Мать Тереза опустила взгляд свои на руки, все в синяках от множества уколов и капельниц, и сказала:

— И это — подарок Божий.

В марте 1997 года она смогла, наконец, сложить с себя обязанности генеральной настоятельницы основанной ею конгрегации. 30 августа погибла принцесса Диана, с которой мать Тереза была знакома с 1985 года. Ее пригласили на церемонию прощания. Но здоровье уже не позволяло ей пуститься в путь.

5 сентября мать Тереза скончалась в Калькутте. Ее конгрегация, основанная ею семья, состояла из пяти ответвлений и 592 обителей, которые сестры предпочитали именовать не «домами», а «скиниями». Сегодня число «скиний» перевалило за 750, количество сестер — за пять тысяч. В последние тридцать пять лет своей жизни мать Тереза в среднем раз в три дня переезжала из обители в обитель, из страны в страну, даже с континента на континент.

Опубликовано более пяти тысяч ее писем — глубоких богословских рассуждений. Но она бы сейчас возразила мне: «Это может каждый». Важно не количество, важно, *как* она это делала.

На ее усыпальнице, находящейся в подвале штаб-квартиры конгрегации, в Доме матери в Калькутте высечен стих из Евангелия от Иоанна: «Да любите друг друга, как Я возлюбил вас» (Ин 15:12).

Мать Тереза жива!

Так что же? Торжественные похороны 13 сентября 1997 года в Калькутте. Похороны на государственном уровне, на которых Папу Иоанна Павла II представлял государственный секретарь, кардинал Анджело Содано, на которые съехались королевы и президенты — и на этом все? Глава, вписанная «матерью Терезой Калькуттской» в историю Церкви закончена, страница перевернута? Или, если не хочется ставить точку на этом, счесть концом ее пути 19 октября 2003 года, когда папа Иоанн Павел II провозгласил мать Терезу блаженной?

Нет, не верю! Мать Тереза жива! Конечно же, она пребывает с Господом, Которому верно служила всю

свою жизнь. Но через своих сестер она пребывает и с нами, здесь и сейчас. Вновь и вновь в разных странах, на разных континентах я сталкиваюсь с живым присутствием матери Терезы. Она живет в основанной ею конгрегации. Присутствие ее духа очевидно.

Еще при жизни матери Терезы многие из ее ближайшего окружения начали беспокоиться о том, как будет продолжаться работа после нее и кто возглавит конгрегацию. Она неизменно отвечала: «Если Богу удалось начать это дело с таким ничтожеством (подразумеваю саму себя), то Ему нетрудно будет подобрать того, кто справится этим делом успешнее меня. Это — Его дело».

Официально признанное Церковью чудо исцеления, послужившее основанием для канонизации матери Терезы, произошло, что интересно, не с католичкой. Излечилась индуска-анимистка* в последней стадии рака. После долгого безуспешного лечения она пришла умирать в сестринскую обитель. Сестры молились вместе с ней, взывали к заступничеству матери Терезы. Больная заснула. Ночью она очнулась и увидела исходящий от изображения матери Терезы свет. Луч тепла и света коснулся ее. На следующее утро умирающая была — что вскоре подтвердили и врачи — совершенно здорова.

Много лет назад в Рио-де-Жанейро сестры рассказали мне удивительный случай. В одной из трущоб, куда не осмеливаются проникнуть даже полицейские, они регулярно навещали семьи бедняков и одиноких стариков. В этих гетто господствует наркомафия, царит слепое насилие. И вот однажды в дверь обители постучался молодой человек. Сестрам он

* Анимизм — вера в одушевленность всей природы. — Прим. ред.

был незнаком. Тем не менее, они пригласили его войти.

Он переступил порог, но тут же развернулся и, собираясь уходить, сказал:

— Я из трущоб. Вчера я нарушил закон наркомафии. Завтра я буду мертв. Никто не может меня спасти.

— Чем мы можем помочь? — спросили огорченные сестры.

— Ничем. Я зашел к вам, чтобы сказать, что завтра я буду мертв. Ведь из всех людей это небезразлично только вам.

Чтобы помочь людям в трущобах Рио, сестры решили установить там переносную статую Девы Марии. Вокруг тут же собралось множество детей, и сестры стали молиться вместе с ними, а после молитвы спросили:

— Какой семье больше всего нужна сейчас помощь Божьей Матери?

Вперед выступила маленькая девочка: ее мама в последнее время стала какая-то странная, все время сидит одна. Сестры пошли к дому девочки и увидели женщину, которая явно пережила тяжелейшее душевное потрясение. Она не хотела пускать к себе сестер, но дочка ее уговорила. И тогда сестры услышали страшную историю: наркоторговцы сожгли ее мужа и повесили обгоревший труп перед домом. Вскоре они похитили сына, убили его, расчленили и разбросали окровавленные куски на пороге.

Сестры попросили вдову читать «Радуйся, Мария» и на девять дней оставили Деву Марию у нее «в гости». Когда они вернулись, дом было не узнать: все чисто убрано, вымыто, женщина полностью оправилась от психической травмы.

«Мать Божья исцелила меня. Не забирайте ее у меня!» — попросила она. И сестры, конечно же, оставили ей статую. Ныне эта женщина помогает миссионеркам милосердия.

В Буэнос-Айресе, столице Аргентины, сестры также работали в квартале бедняков. Как-то раз они услышали неподалеку выстрелы. И конечно же, не медля поспешили туда. Навстречу им выскочил знакомый мужчина, явно пьяный. Он размахивал пистолетом и орал: «Я ее прикончу, прикончу!» (он имел в виду свою супругу). Люди разбегались во все стороны, спешили укрыться. Но сестры направились напрямик к нему, отобрали у него револьвер и сказали:

— Не дури. Иди лучше ляг и проспись.

Образцом для сестер во всех этих ситуациях служила отвага матери Терезы. Вот еще один случай. В столице Камбоджи Пномпене миссионерки милосердия опекали приют для сирот, больных СПИДом, и кормили бедняков. Пожертвования — главным образом, мешки с рисом и консервы — они складывали в большом сарае. Однажды ночью склад ограбили. Сестры проснулись, бросились на место преступления и увидели, что нанятый ими сторож сам же и был организатором ограбления: с оружием в руках он наблюдал за тем, как из сарая выносили припасы. Настоятельница подошла к нему вплотную и приказала немедленно вернуть все на место.

— Не двигайтесь или я вас застрелю! — в панике завопил грабитель.

— Прекрасно. Либо застрелите меня прямо сейчас, либо кладите все на место, — ответила настоятельница, не проявив и малейшего страха.

В итоге этот человек велел своим подельникам вернуть украденное.

Эта обитель в Пномпене начала принимать больных СПИДом в 1970-х. В стране только что закончились ужасная междоусобица и резня. Ближайшие родственники отказывались от больных СПИДом. Несчастные бродили в поисках хоть какой-нибудь еды, а когда скудные припасы кончались, многие из них накладывали на себя руки. Сестры приняли на себя заботу о страдальцах, а также о ВИЧ-инфицированных детях, которые не могли оставаться в семье. Они устраивали этих детей в школы, лечили новейшими средствами, которые могли продлить их жизнь на 16-18 лет.

Как-то раз, остановившись в этой обители, я обратил внимание на истощенную, но всегда радостную, прямо-таки сияющую девочку из числа больных ВИЧ-позитивных детей. Она являлась на каждую утреннюю службу. Когда я уезжал из обители, у ворот дома остановился автомобиль. Окно машины опустила эта девчушка. Опустила и окликнула меня. И заговорила, будто хотела сообщить самую что ни на есть радостную новость:

— Отец, сегодня я в последний раз еду в город к врачу. А потом вернусь сюда умирать.

И все с той же сияющей улыбкой она продолжала махать мне рукой, пока автомобиль не скрылся из виду.

Сестрам в Армении тоже было что рассказать. Однажды ночью посреди зимы в доме послышался какой-то шум. Одна из сестер вышла в коридор посмотреть, что происходит, и столкнулась с человеком в маске. Грабитель приставил ей к горлу нож и заорал:

— Выкладывай баксы!

— У нас нет долларов, — отвечала она.

— Ну, так рубли! — требовал грабитель.

— Но и рублей в доме нет, — возразила сестра.

— Тогда собери мне поесть! — сказал человек в маске.

Сестры принялись складывать ему макароны, консервы, все, что нашлось под рукой. С присущей им добротой они позаботились даже положить соль, нож и вилку. Едва пакет был упакован, как этот человек схватил его и побежал обратно тем же путем, каким проник в дом — через часовню к взломанной входной двери. Пробегая через часовню, он обернулся и сказал:

— Ваш Бог меня не простит!

— Полно, — возразила ему одна из сестер. — Простит, только вы Его об этом попросите.

На пороге грабитель еще раз обернулся и напомнил дрожащим от холода сестрам:

— Закройте за мной дверь.

Но дверь не закрывалась, потому что он повредил ее, когда ломал замок. Увидев, что сестрам самим не справиться, грабитель велел принести молоток, починил дверь и лишь после этого убежал со своей добычей.

Уверен, сестры много молились за «своего» грабителя, чтобы ему открылся «их Бог», то есть Бог и Господь всех нас. Бог, Который охотно простит грешника, если обнажить перед Ним душу, открыть Ему сердце, принять всепрощающую Любовь.

Эти и многие другие знаки небывалой любви подтверждают: мать Тереза жива! Она живет на небесах. Но сама она говорила: «Я буду частенько отлучаться с небес, чтобы помогать на земле». И там, у Господа, она хранит свое заветное желание «дать Матери-Церкви множество святых» и «наполнить небеса беднейшими из бедных, что живут в трущобах». Здесь, на земле, ее работу продолжают миссионерки милосердия, творя добро. А потому она жива!

Кардинал Джон Патрик Фолли после канонизации матери Терезы произнес очень верные слова: «Кто хочет ныне видеть блаженную мать Терезу, пусть посмотрит на ее сестер».

В них, как и в матери Терезе, мы распознаем «карандашики Божьи», орудие Его любви. Любви, которую Он продолжает являть нам и ныне. Преданно служа беднейшим из бедных, последовательницы матери Терезы позволяют Богу использовать их так, как Ему угодно.

Благодарности

Сердечное спасибо Стефану Байеру за плодотворное сотрудничество при написании и издании этой книги.

Я также многим обязан его семье, проявившей большое понимание.

Заслуженная благодарность господину Янко Хнилици, брату покойного епископа Павола Хнилицы, за прекрасную иллюстрацию на обложку.

Госпожу Барбару Полак я сердечно благодарю за кропотливую и внимательную расшифровку текста.

Монсеньор Лео Масбург

Dear Fr. Leo.

Be Holy - like Jesus
Be only all for Jesus
through Mary. Give
only Jesus to all
you meet

God bless you
Mother Teresa

Дорогой отец Лео.

Будь свят — как Иисус свят. Всего себя отдай Иисусу
через Марию. И всем, кого встретишь, носи лишь
Иисуса.

Благослови тебя Бог.

Мать Тереза, МС

Религиозное издание

Лео Масбург

**Мать Тереза:
50 удивительных историй**

Редакторы: М. Таривердиева, Г. Раевская

Компьютерная верстка: О. Воскресенская

Дизайн обложки: П. Ожгибесов

Корректор: О. Степанова

Перевод: Л. Сумм

Лицензия ЛР № 030464 от 23 декабря 1997 г. Подписано в печать 01.02.2013 г.
Формат 84x108 1/32. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,5. Доп. тираж 3000 экз.
Изд. № 2278. Заказ № 924.

МРО ЕХ ХМ «Триада». 101000, Россия, Москва, а/я 371, тел. (495) 964-85-89, email: info@triad.ru, www.triad.ru

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Дом печати — ВЯТКА» в полном соответствии
с качеством предоставленных материалов
610033, г. Киров, ул. Московская, 122
Факс: (8332) 53-53-80, 62-10-36;
<http://www.gipp.kirov.ru>; e-mail: order@gipp.kirov.ru

Дети Индии любили мать Терезу

Она нежно заботилась о людях

Калькуттские бедняки до сих пор почитают мать Терезу

Он прожил жизнь в нищете,
но перед смертью обрел любовь и надежду

Нести Христа в дома бедняков — вот что было смыслом ее жизни

Движитель и ангел-хранитель
калькуттского дома для умирающих

Каждое утро множество бедняков собираются
у дверей Дома Матери в Калькутте

Мать Тереза — прирожденный педагог

Дети нежеланными не бывают:
мать Тереза охотно принимала каждого

«Человек сотворен, чтобы любить и быть любимым»

Сила матери Терезы — в радости, которую она дарит людям

И в Вене она в первую очередь обращается к детям

Сестры радуются «стильным» темным очкам Матери Терезы
(после сделанной ей операции на глаза)

Духовная мать конгрегации Миссионеров милосердия

300 сестер и всего один источник воды: каждое утро в сестринском доме в Калькутте начинается со стирки сари

Папа Иоанн Павел II дает распоряжения о работе миссии
в Восточной Европе

Мать Тереза у кардинала Томачека в Праге

Ее лицо часто бывало задумчивым

Обсуждение планов: епископ Хнилица, мать Тереза и автор

Епископ Хнилица первым отправляется в Москву

Молитва по часослову в самолете

Работа без отдыха: письма — часть труда во спасение душ

У Католикоса, главы Армянской Церкви

Вместе по пути в Армению
после землетрясения

Встреча в аэропорту

Подписание правил, ограничиваю-
щих деятельность сестер в Армении

Всецело погружена в молитву
даже в поезде

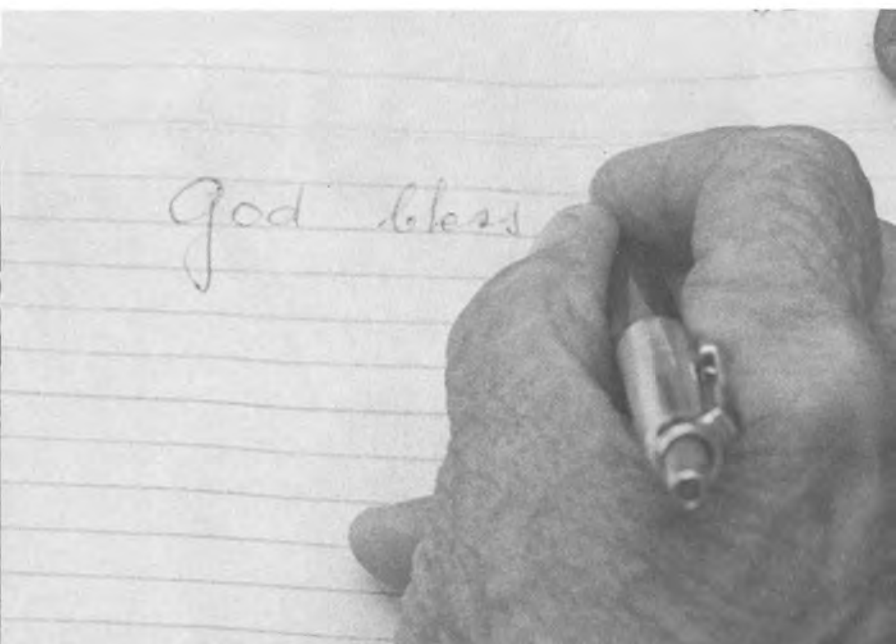
Пришло известие о землетрясении. Мать Тереза ходатайствовала о немедленном выезде в Армению

Мать Тереза с сестрой Малой, назначенной настоятельницей миссионерок милосердия в СССР

Мать Тереза живет и ныне в трудах своих сестер...
...и ходатайствует за нас перед Богом

Мать Тереза 50 удивительных историй

Немного найдется людей, которые не слышали бы о матери Терезе. Простая албанская девушка, которая в 18 лет ушла в монастырь, впоследствии стала известна всему миру, как «ангел милосердия»: вместе с сестрами созданной ею конгрегации она помогала беднейшим из бедных, умирающим, брошенным детям. Но в наш век недоверия принято развенчивать мифы: мы сторонимся житийных благолепных описаний, ложка дегтя нам привычнее, чем бочка меда.

Эта книга — живой рассказ о живом человеке. Она написана священником, который на протяжении десяти лет сопровождал мать Терезу в ее поездках по разным странам. Мы видим ее и смешной, и хлопотливой, и упрямой, но всегда бесконечно уповающей на Божье попечительство.

Одновременно эта книга приоткрывает завесу над таинством святости и цельности. По прочтении возникает странное ощущение: мать Тереза делала в жизни то, на что способен каждый человек, только вот далеко не каждому хватает решимости оставаться на протяжении всей жизни слугой одного Господина.

Перед вами — самая человечная и самая трогательная книга об удивительной женщине, которая еще совсем недавно была нашей современницей.

Лео Масбург — католический священник, родился в 1948 г. в Граце (Австрия). Изучал право, политические науки, теологию и миссиологию в университете г. Инсбрука, в Оксфорде и Папском Латеранском университете. Был рукоположен в 1982 г. Вскоре после этого познакомился в Риме с матерью Терезой, тесно общался и сотрудничал с ней в течение многих лет.

www.triad.ru

ISBN 978-5-86181-478-2

9 785861 814782